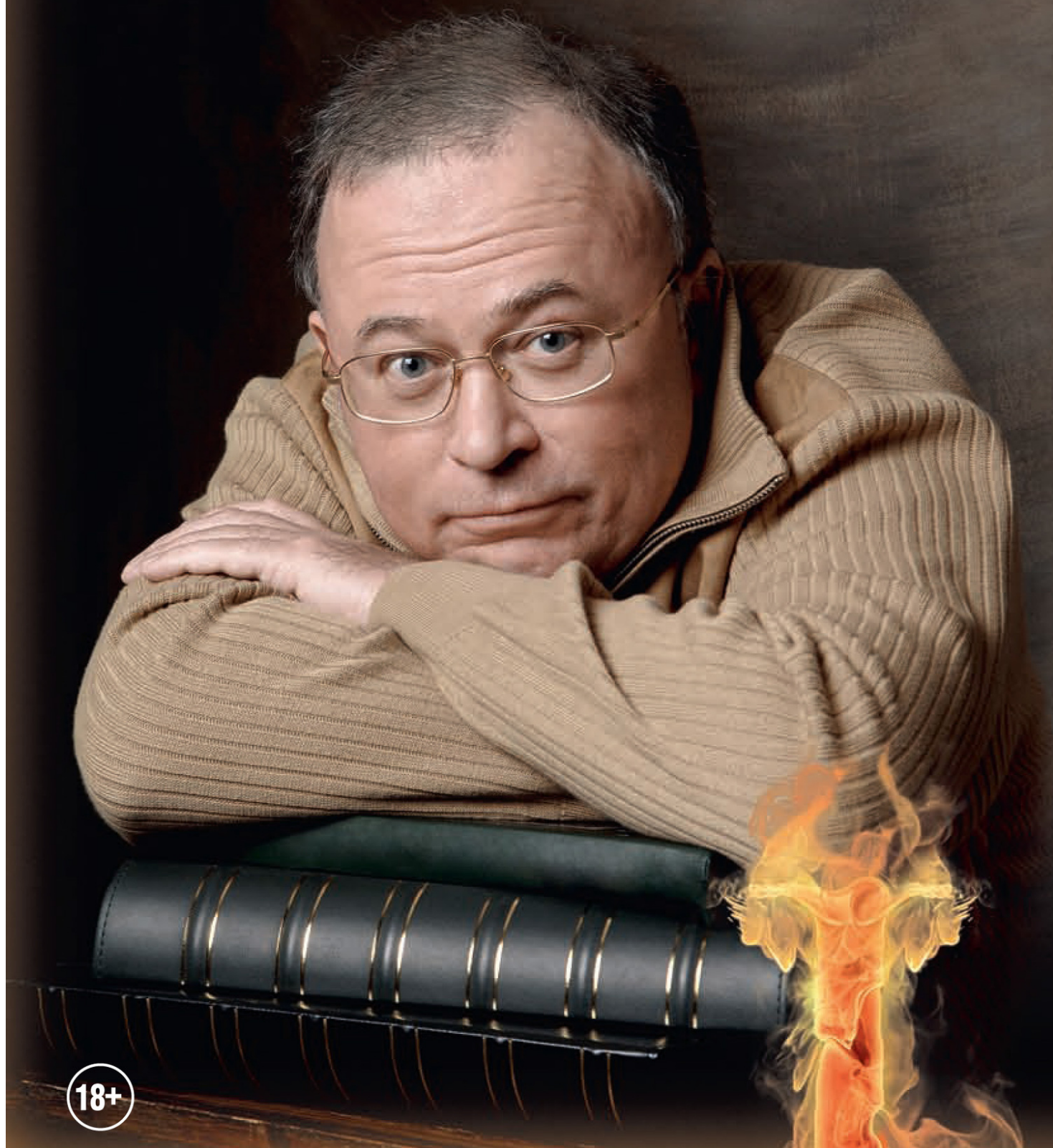

Андрей КАРАУЛОВ

18+

книга первая

Русский АД

Андрей Караулов

Русский ад. Книга первая

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 82
ББК 84

Караулов А. В.

Русский ад. Книга первая / А. В. Караулов — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

ISBN 978-5-9908779-3-1

Сразу после первого издания книга Андрея Караулова «Русский ад» стала бестселлером: читатели называли ее эпопеей и сравнивали с «Тихим Доном» Шолохова. Нынешнее издание переработано автором и дополнено новыми главами – Караулов идет вперед, его анализ беспощаден, он пишет только о самом главном и самом страшном – о том, как вслед за Советским Союзом была предпринята попытка сокрушить Россию.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-9908779-3-1

© Караулов А. В., 2018
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

Приглашение на казнь	6
Ну, страна!...	8
1	22
2	28
3	36
4	54
5	72
6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Андрей Караулов

Русский ад. Книга первая

© Караулов А., 2018

© ЗАО «ИД «Аргументы недели», 2018

* * *

Путину с благодарностью.

Главное – с надеждой.

Прошу читателей не относиться к моему роману как к историческому источнику все события, в нем описанные, полностью придуманы, а совпадение имен, отчеств и фамилий его героев с реальными персонажами русской истории конца XX века – случайная вещь...

Андрей Караулов,

3 мая 1997 года

Приглашение на казнь

Перед вами, уважаемый читатель, книга о драматических (в чем-то и трагических) событиях жизни нашей страны в конце XX столетия – самого кровавого столетия истории России.

В нелегкой борьбе за демократизацию страны мы встали на путь новой рыночной экономики. У нас утвердилась новая политическая система, но вместе с этими успехами развились сепаратизм, амбиции руководителей республик, что привело к тяжелым последствиям – распаду СССР. Еще долгие годы будут люди размышлять и спорить о причинах этого распада, о том, адекватны ли были тогдашние потери, нынешним нашим сбывшимся и несбывшимся чаяниям, ради которых страна и все мы прошли через столь нелегкие испытания.

Эту книгу, отнесенную автором к жанру романа, я бы все-таки обозначил как эпопею. Андрей Караулов, профессиональный театральный критик, привык глубоко и скрупулезно анализировать и оценивать выбранные им темы. Он по-журналистски пытлив, хочет досконально знать все, о чем говорит и пишет, и потому вновь и вновь ставит не отболевшие, до сих пор волнующие нас вопросы – почему развалился Советский Союз, почему мы так плохо живем, почему такая мощная коррупция, что делается в армии и верхних эшелонах власти. Он предлагает каждому разобраться, в какое Время нам выпало жить в России.

Неудивительно, что книга полна подробностей, создающих у читателя впечатление авторского присутствия в описываемых ситуациях и разговорах. Высокое мастерство интервьюера позволяет Караулову без обиняков адресовать свои вопросы любому собеседнику, кем бы он ни был, и Караулов с первых же слов начинает с главного, порой неудобного для собеседника вопроса, берет сразу «быка за рога».

Я вспоминаю нашу первую встречу с Андреем в его московской квартире, куда меня пригласили для съемок в его программе «Момент истины». Только что закончилось противостояние остатков Верховного Совета России Указу Президента № 1400. После короткого разговора Андрей пригласил меня сесть в кресло перед телекамерой. Включается мотор, и Андрей задает первый вопрос мне, главе Администрации Президента, от которого я чуть не свалился с кресла: – Сергей Александрович, у вас руки в крови...

Так, через неожиданный, резкий, порой обидный и провокационный посыл Андрей пытается докопаться до исчерпывающей информации об интересующем его событии. Ради этого он словно вживую препарирует собеседника. Не во всем можно с ним согласиться, но ему нельзя отказать в таланте полемиста и нельзя не прислушаться к его мнению хотя бы потому, что он удерживает внимание читателя от первой до последней страницы.

Такая манера диалога отличает Андрея от современных писателей-романистов. И, по моему, я нашел для себя правильный ответ на вопрос: кто же такой Андрей Караулов в выбранных им ипостасях? Он докапывается до правды, он ищет истину... Он пытается помочь людям узнать правду, помогает власти обличить и наказать преступников, пытается найти решение, как улучшить положение и жизнь людей в нашей стране. Он внимателен и даже нежен с теми, кого считает виновным в наших бедах: в развале СССР, в провалах экономики, в нищете и гибели людей...

Поиск правды, утверждение истины – благородное, но не всегда благодарное занятие, особенно когда у тебя свой, карауловский подход к пониманию и осмыслению процессов, происходящих в обществе. К тому же, по информации, которой владеет автор книги, оценка событий и фигурантов этих событий часто не совпадает с мнением, сложившимся в обществе.

Книга, безусловно, вызовет огромный интерес читателей. Представленное в ней время ныне больше ругают, приклеивают ярлыки («лихие 90-е»), некоторые делают на этом сомнительную политическую карьеру, скрывая истинную картину трудностей и завоеваний той, «сельцинской», эпохи.

Особое значение книга может иметь для молодежи. Сегодня, когда Россия преобразовала свою политическую и экономическую системы, разрушила железный занавес, когда россияне получили свободный доступ в любую страну мира, когда отменена цензура, можно, наконец, попытаться дать объективную оценку тому периоду нашей истории, которому автор в своей книге дает безжалостное и эпатажное определение – «Русский ад».

И сделать это придется новому поколению.

*Сергей Филатов,
глава Администрации Президента
Российской Федерации в 1993-1998 годах*

Ну, страна!...

*...Прорывался внезапно к такой правде,
что и самого оторопь брала.*

Андрей Караулов

Передавалась эта оторопь и мне, когда я читал «Русский ад» – первое издание исторической эпопеи Караулова, сделавшее его самым скандально-ярким публицистом ранних перестроечных лет. И все же я не мог и теперь не могу принять такое название.

По возрасту Андрей годится мне в сыновья, и я как спасенный сиротского поколения, отправивший отца погибать на фронт, скажу, что дорога в ад – это понимание того, что война нас не минует, а война, военное время, диктатура военных лет, ставшие нашим детством и отрочеством, – это ад, ад осуществившийся, реальный, крошечный, который нам достался по судьбе.

А если послевоенные годы – это дорога из ада, то куда? В новый ад?

Судя по многим приметам истории человечества, его звериный оскал в борьбе за место под солнцем никуда не денется: он в природе. Но в природе человечества и всегдашний нравственный противовес этому звериному началу. Он тоже от природы. Значит, надо быть готовыми ко всему. Независимо от того, кто, когда и в чем окажется виноват.

Чубайс или Гайдар?

Один получил в зубы от однокашников за то, что принес в класс записи «Битлов» (а класс уже перенастроился на Высоцкого). Другой в детстве объедался печеньем, а теперь имел физиономию, будто его только что оторвали от корыта со сгущенным молоком (Караулов и это вычислил).

Ну и что? – спрашиваю я. Все это еще десятки раз будет и оспорено, и перенастроено, и переокрашено.

Важнее другая, железно обоснованная Карауловым геополитическая реальность. Без Урала и Сибири Евразии не выжить. Мы эти земли недоосваиваем, не берем с них то, что можно и нужно. Отнимут?

Не исключено. Но ведь и наши казаки когда-то отняли эти края у чувашей, татар, угров... А если ад отъема повторится? С участием очнувшегося ислама? Весь вопрос: как? Войной? Бог не приведет.

Спасение – в расширении возможностей государства, с включением в него новых народов, культур, традиций. Россия – уже результат таких тысячелетних этнических обогащений. А уж как их оформить – не угадаешь... через Федерацию или какие-нибудь кооперативы...

Кооперативы?!

Да рассовать этих кооператоров по тюрьмам! Мало Рыжков напортачил?

Отвечаю: напортачил столько, сколько получилось. Сколько было возможно по реальности. Эти кооперативы последняя попытка советской власти эту реальность упорядочить. Теоретически – попытка разумная. Практически безнадежная. Потому что реальность наша настолько пестра, что на любом ее краю любой благозамысленный кооператив (ваучер, банк, очередная сеть) неизбежно обернется неожиданностями – в зависимости от того «как отне-

сутся к этой госзатее ребята с Ачинского глинозема или нижегородского машстроя. А Назаровские? Предсказать их реакцию можно только в одном: «Лучше выпьем».

Других ребят хотите? С другими легче не будет.

Так рынок или не рынок?

«Как можно на 1/9 части планеты вводить рынок одним махом, одним декретом – на землях, где половина площадей, если не больше, для рынка совершенно не годится, ибо земли бывают разные, – вот как?»

А вот так, как получится. Что-то скопировать у американцев, что-то у немцев, что-то у китайцев, а что-то нащупать самостийно – методом тыка. Может, это выйдет рынок, может, полурынок, а то и антирынок. Как будет получаться, так и действовать.

Впрочем, подобные здравые мысли посещали и Горбачева; при подписании нового Союзного договора: пусть каждая автономия сама решит, какой у нее строй. «Хоть феодальный!» – кричал Горбачев. Но одно дело – кричать этим... как их?., съездюкам на совещаниях, и совсем другое – реально руководить событиями в нашем непредсказуемом зверинце...

«Ельцин чувствовал, что превращается в зверя»

Главы о Ельцине (зверски веселые) комментировать не буду.

Для размышлений – одна цитата:

«Сталин убивал, страна пела ему осанну. Гайдар морил голодом (тоже убивал в конечном счете), страна сходила с ума от счастья – демократия!»

Не осанну пела страна Сталину, а преданность главнокомандующему демонстрировала. И при Гайдаре никто не сходил с ума от демократии. Наш человек если и вопит осанну, то скорее всего подстраивается под общий вопль, такой же ритуальный, как его собственное ощущение: единство со всеми! Дело в единстве. А на гребешке может сидеть кто угодно. И искренне думать, что он зверь. Сам сядет.

«Только деньги...»

Закончу цитату: только деньги «сейчас способны вершить чудеса...» Это – если глядеть через Кавказ, в сторону Азербайджана. Незабываем образ Гейдара Алиева, поверившего, что Азербайджан, если ему не мешать, станет счастливым государством. Независимым, если уж так велит История.

Деньги врываются в эту идиллию. Сколько раздал их своим сторонникам щедрый кремлевский деятель! И сколько потом раздал вождь отделившегося Азербайджана! Сколько стоили часы, подаренные Алиевым Ельцину! И почему возврат этого подарка (слишком дорог!) был воспринят в Баку как «пощечина»...

Караулов выверяет эту политическую трясучку количеством купюр. Но из-под чеков смотрит на меня реальность, и уверен, куда более глубокая и властная, чем эти деньги. И неотвратимая!

Допустим, «перестройка – треп». В ходе ее всякий человек, живущий в России, получает возможность обезопасить себя... «от идиотов, сидящих в Кремле...».

И только-то?!

Нет, существуют более глубокие гарантии безопасности. Это – разведанные запасы каспийской нефти. «Около десяти миллиардов тонн. Их вполне достаточно, чтобы Азербайджан быстро, очень быстро, в рекордные сроки, стал бы вторым Кувейтом...»

Кувейт – спасение. Если уметь хозяйствовать на этих залежах.

Как перекликается эта запредельно-трезвая идея с мыслью Караулова о том, что мы, русские, должны так хозяйствовать в Сибири и на Урале, чтобы никто не смел зариться на эти земли! А лучше – включались бы новыми силами в общее государство, выстраданное нами в кровавых испытаниях Истории.

Азербайджан – примечательная глава в карауловской хронике.

Влетевшую сюда идею, что если бы Алиева не выперли из Москвы обратно в Баку, то он в Москве удержал бы Советский Союз от распада, я комментировать не берусь. Пусть эта идея остается в качестве страшилки на устах старика Буша:

– Как мы боялись, мистер Алиев, что вы возглавите Советский Союз...

Зря боялись. Не возглавил.

Вернемся-ка лучше к родной Российской теме.

«Страна, стоящая на идее»

Что это за идея, если на ней может собраться и устоять такая махина, как Россия?

Я думаю, любая. Если на ней сможет сохраняться великое государство.

А если нет?

«Если идея тускнеет, сразу поднимают голову окраины... Мгновенно! Окраины всегда недовольны. Они же окраины! И происходит распад государства».

Присоединяюсь к Андрею Караулову в этой его мысли. Евразийское многокультурье ищет центростремительную идею как точку, которая позволит ему удержаться.

А взлететь?

Это ж вечная мечта! Птицей! И фамилия нашего классика так крыльями и машет.

А потом-то что?

Вот что:

«Птица-тройка, воспетая Гоголем, так получила плетью по морде, что упала на колени и уткнулась в грязь. Все радовались перестройке, но никто, даже такой «коллекционер жизни», как Евгений Евтушенко, не мог объяснить, почему для того, чтобы выпустить из тюрем диссидентов, разрешить читать все, что хочется читать, и вернуть в Россию Ростроповича с супругой надо разрушить экономику, остановить заводы, получить безработицу и перестать сеять хлеб!»

Евтушенко трогать не будем: он хлеба не сеет, его хлеб – стихи. Стихами увековечивается происходящее. Когда имеет смысл.

А что напор «грязи» в наши чистые помыслы вечен – так это всегдашняя расплата за магнетическую притягательность России.

И это тоже наш хлеб?

Наш хлеб

«Жалко хлеб... Был рассчитан на три дня», – думают близкие Александра Исаевича, принимая московского гостя в Рязани.

Ну, понятно: без Солженицына в своей хронике Караулову, конечно же, не обойтись. Но этот сюжет не так прост, он потребует еще долгих размышлений. В какой мере ненависть к сталинскому режиму бросила у автора «Гулага» тень на Россию как таковую. И в какой мере ушла эта тень из работы «Как нам обустроить Россию», с бесспорностями, что обустраивать надо «снизу», от «почвы», с учетом местных, провинциальных уровней... Но Солженицын у Караулова еще колеблется, возвращаться ли ему в Россию или оставаться в американском изгнании. Хлеб на три дня – это Александр Твардовский, то описание встречи приобретает отчасти и символический смысл. А.Т. не выходит из-за стола, боится, что у него бутылку отнимут. Если

заснет, то здесь же, уронив голову на свои огромные руки. Александр Исаевич аккуратно подсовывает ему под голову располовиненную буханку черного. Хотел было подушку положить, но А.Т. что-то почувствовал, рыкнул и отбросил подушку в сторону... Таки лег...

Жалко хлеб. Был рассчитан на три дня», – прикидывает жена ближайšie закупки.

«Тоска по России – адская». Ненависть Александра Исаевича ко всему советскому неисребима. Вот и выбор. Как между хлебом и водкой...

Но прежде, чем женская душа решится на финальный выбор, вернемся в наш привычный ад.

Между президентом и царем

«Интересно все-таки, – замечает Караулов. – В отличие от Горбачева Ельцин никогда не был лидером мирового уровня. Горбачев какое-то время – был. Горбачев по своей природе временщик. А Ельцин... Ельцин – царь».

Ну, понятно: избранный на срок президент – лицо по определению временное, он и держится в рамках, а царь – вне рамок: когда охота, пьет из двух бутылок разом и мочится, если припело, где охота.

Успех зависит не от того, чего хочет тот или иной властитель, а от того, кого полусознано (или осознанно) стерпит у власти народ.

Народ – третья точка между двумя полюсами?

Третья точка – девочка, едущая в поезде без родителей.

«– Мамка шо ж... одну тебя пускает?

– Сирота я. Понял?

– Во-оше, что ль, никого?

– Сирота! Мамка пьет...

– Та че же ты сирота, если мать есть?

– Пьет она, – сплюнула девчонка. – Нальешь?»

Никак нельзя без «нальешь».

Караулов пытается откреститься от этого наваждения:

«Такая страна будет пить все больше с каждым днем... С каждым годом... Но другой страны у нас нет. И уже никогда не будет... Что это такое: На 1/9 всей мировой суши страна сплошных алкоголиков?...»

Но девочка-то, теряющая родителей, еще не алкоголичка? И вообще: девочки, которым предстоит сделать жизненный выбор, – разве обречены природой на пьянство?

«Современные девочки обычно интеллектуально развиты. Они любят бантики, любят косички; они улыбкивы и кажутся веселыми, доверчивыми... – природа и в самом деле преподносит их как ангелов, будто это не дети, а легкие эльфы, вдруг слетевшие на землю. Тревога, спрятанная в девочках-эльфах, спрятана глубоко-глубоко: к тринадцати годам они очень сильны, настолько сильны, что даже под пыткой не выдадут свою тайну, своего демона; по ночам (или в душе) их ручонки сами находят (вдруг) то самое место, те заветные «точки», откуда – вдруг – разливается по всему телу неизъяснимая благодать».

Так что заставляет эти девочек совратиться с пути?

Да сказано же: при-ро-да!

Против природы не попрешь. Оформятся, приоденутся и начнут охоту. За мужиками.

«Мы, если хорошо их схватим, эта чертова партячейка в полном составе у нас отдыхать будет. Я, может быть, в депутаты выйду...»

Выйдет... В крайнем случае, за Жирика. А то и повыше. Туда, где Председатель и Царь делают власть.

Чем выше, тем опасней.

А страна что же? Такая, понимаешь, страна? Кто ее удержит?

А если азиат?

«Ельцин – он с Урала? Урал – это уже не Европа. Но и пока не Азия. Он из двух половинок, Азиопа. Если в нем европеец сейчас победит – одно. А если азиат?»

Азиат возникает у Караулова вовсе не как азиат, а как участник сверхнациональной гонки, определяющей в России все.

Как быть, если рабочий человек не может примириться со всеобщей уравниловкой? У него от природы (!) золотые руки, он с ранних лет приучил себя к работе и не может помять, почему такие, как он, работники, и лодыри – стоят ровным строем друг перед другом.

При советской власти ему предлагалось равенство. Или лагерь.

При неустойчивой демократии он получает шанс «заменить собой демократию». То есть построить себе дом в поселке Пушкино. Строит. Ему объясняют, что он превысил уровень крыши на 16 см. Он уменьшает уровень кровли, но на него все равно заводят уголовное дело.

Как быть такому темпераментному борцу за свои права, если он, застукав на месте преступления насильников, не зовет милицию, а сам с друзьями приводит негодяев в чувство стальными прутьями?

Акоп – армянин. Еще один довод в вечном споре Европы и Азии в российском бытии. В вечном споре повального равенства и безнадежного бунта. В вечном вопросе: капитализм – он хорош или плох? Это рай или по-прежнему ад?

Попытка выпрыгнуть в рай

История ГКЧП, теперь уже описанная вдоль и поперек, дана у Караулова через самый немислимый и неотразимый мотив: через обреченное предчувствие Раисы Максимовны. Через ее слезы (рядом с непробиваемо спокойным Горбачевым). Через ее нервы, разрывающиеся от напряжения. Через ее потрясение, вскоре сведшее ее в могилу.

Весь мир ее уважал. Кроме родной страны, ненавидевшей ее из зависти, из ревности, из безотчетной злости.

Почему Горбачев в той смертельно-рискованной ситуации оставался вроде бы непоколебимо спокойным?

Две детали обронены Карауловым в объяснение. Во-первых, весь этот заговор ГКЧП был если им не задуман, то допущен как возможный вариант событий. Во-вторых, этот вариант, уже упершийся в невозможность, продолжал оставаться для Горбачева отнюдь не отвергнутым: «Кто знает, может, у вас и впрямь что-то получится...» (У вас? У нас? У тех и других?)

Горбачев-то пережил этот ад. Раиса Максимовна не пережила.

Тут-то Караулов и вбрасывает свою козырную карту. Он цитирует поносную надпись, сделанную каким-то скалолазом, – со стрелкой к тогдашнему жилью Горбачевых на Форосе: – Райкин рай.

Рай?! – чуть не поперхнувшись, переспрашивает Андрей Караулов. Этот Форос – рай?!

Надо было всю хронику упрямо именовать Русским адом, чтобы такое упоминание рая окончательно обрушило сюжет в антисмысл.

Вы хотели рая? Вот он.

В беспощадном мастерстве Караулову не откажешь.

«А как насчет капитализма?»

Да он же разный.

«Есть капитализм организованный. У-умный. А есть стихийный. В наших условиях – бардак».

Какой же он будет у нас – капитализм? Или социализм, вернись мы к нему? Или какая-нибудь помесь того и другого?

Кричи, не кричи «караул!» – не поможет. Будем жить в том аду, который примем за рай. Какой стерпим. И за какой расплатимся – жизнями тех, кто не стерпит.

Чернота Беловежья

Как всегда – диалог уровней. Соратники и помощники Ельцина ищут хитроумный выход из очередной непредсказуемой ситуации, а ситуация проступает сквозь их хитроумие каменными аналогиями.

В третий раз в истории России XX века она надвигается с неотвратимостью, повергая правителей в состояние абсолютной прострации. Император Николай Второй перед отречением 1917 года; Иосиф Сталин в июле 1941-го; и вот – Борис Ельцин в ситуации Беловежья начала 1990-х...

Признаки краха вроде бы далеко. В Грузии очередной претендент на власть запасается поддержкой друзей... В Литве очередной претендент готовит России денежный счет за оккупацию военных лет... В Украине опасней всего: афронт не оставит Союзу надежд...

А в 1922 году – разве были надежды, что Советский Союз – реальность?

Были. И не просто надежды, а именно тогдашнее чувство реальности. Никаких официальных бумаг не требовалось, никто новое государство не оформлял де-юре: Союз был неотвратимо затребован Историей...

А теперь? Беловежье – черная мета...

С такою же неотвратимостью История толкает государство к развалу?

История не меняется?

Это рассуждение выпадает у Караулова из главы, посвященной контактам нынешней России с церковными праистинами. Мое атеистическое воспитание удерживает меня от участия в этих дебатах. Но одно ПОПУТНОЕ рассуждение в карауловском тексте побуждает к комментарию.

Вот оно:

«Почти все страны Центральной Европы потеряли, на самом деле, свою суверенность. Давняя идея американского бизнеса: появление глобального (мирового) правительства. ООН – его прообраз? Речь идет о правительстве широкого наднационального бизнеса, единого (все решает только доллар!) «мирового порядка». – Это выгодно крупному капиталу: единая денежная система, полное (внутри каждой страны) разрушение национального единства, возможно – и национального самосознания, широкое распространение идей «религиозного освобождения»: мусульманский фундаментализм, ваххабизм, «братья-мусульмане», «сикхизм», католическая «теология освобождения»... Весь мир – в один кулак. Железный кулак. «Я буду хорошо спать, если я буду уверен, что я остался один на земле», – говорил великий Морган о своих конкурентах...»

Великий Морган (Джон Пирпонт?) пусть остается при своих профессиональных рекордах.

Но вот вопрос: как реагирует человечество на железный кулак, вечно нависающий над ним с разных сторон?

Да так реагирует, как велит ему его неумная природа: восстает против этих единств. И сейчас восстает. И против мусульманского единства, разрываемого внутренними распрями. И против «освобождения», непрерывно провозглашаемого Ватиканом. Многообразие – иногда писанное кровью – в агрессивной природе человека, как и неизбежные попытки этой кровавой природе противостоять.

Что нас ждет: очередное «единство» или очередной же бунт против единства? Бунт. Бесмысленный и беспощадный? Да?

Скорее всего – диалог этих начал. Мы станем очередными участниками: и жертвами, и триумфаторами этой драмы.

История не слабеет в своем трагизме.

«Я дурака валяю?»

Это опять – из шуточек ельцинского окружения. «А не отделить ли Россию от Советского Союза? – Твое здоровье!»

Я обычно на тосты политиков не реагирую. Их дело! Но однажды меня такой ход задел – когда в подобную игру включился Валентин Распутин. Едва его избрали депутатом Верховного Совета, как он – с трибуны! – предложил России покинуть Советский Союз.

Вот тут-то я оторопел. В устах живого классика русской словесности это предложение было просто кошунством.

Потом Распутин полуизвинился: мол, в его словах человек, «имеющий уши», должен слышать «не призыв к России хлопнуть союзной дверью, а предостережение не делать сдури или сослепу (что одно и то же) из русского народа козла отпущения...»

В этой козлодуме – не столько нота извинения (вынужденная), сколько явный отказ извиняться.

Я ничего не могу с собой поделать: автор «Пожара» и «Прощания с Матерой» (великие тексты!) ушел от меня в мир иной уже и как автор вот такого двусмысленного эпизода в политиканской игре.

Есть игры, в которых совестливому человеку лучше не участвовать.

Слишком больно.

Сам Караулов в этом весьма аккуратен.

Вопросы ставит – тонкие.

Еще один вопрос на усмотрение Истории

Соображая, каким должен быть преобразованный Союз, Ельцин исходит из того, что новый Союз должен быть содружеством славянских народов. «Посторонних нет! Все – братья!» Потом – остальные. А старт дают – славяне!

Логично?

Так посмеялась же История над этим славянским стартом! Украина обрекла его на слом. Союзником же нового Союза стал казахстанский лидер Назарбаев. И еще – азербайджанец Алиев, прочно привязанный душой что к прежнему, что к новому Союзу.

А язык? Язык должен быть – общим?

Вопрос прост, если бы не все та же Украина, собирающая свой дух вокруг мовы.

Сколько государств удержат славяне в своем непрочном языковом единстве? Сколько уже говорят граждане разъединившихся государств на разбежавшихся славянских языках?

А разве так уж непременно общий язык ведет к государственному слиянию? Сколько независимых держав сплотились на базе английского – в разных концах света: от Австралии до Африки и от Азии до Штатов! А на базе испанского – в Америке Южной!

А может, лучше не мешать народам объединяться так, как диктует им История?

Но язык какой будет?

Где какой сгодится, там такой и будет.

А русский – сгодится?

Так тысячелетний опыт – он есть или его нет? А слияние славянских и тюркских слоев, далеко уведшее русскую речь от праславянских начал, сохранившихся у белорусов и украинцев! Западноевропейские включения – само собой...

Язык – фундаментальный базис культуры – когда культура утверждается как исторически непреложная.

Надо дать Истории решить этот вопрос. А языки выполняют решение – примут как руководство.

Только вот Историю надо слушать не перебивая.

Караулов слушает очень внимательно. И фактуру соответствующую воспроизводит – виртуозно. Особенно нынешнюю.

Будить Буша!

Вернемся к Беловежью. Виртуозно описана у Караулова вся импровизированная эпопея по ликвидации СССР.

Не буду пересказывать описанные Карауловым сцены. Тут работают детали, накопленные за годы его прицельной журналистики. Согласовали грядущее Соглашение – потеряли. Куда-то делись бумажки с текстом. Тут охранник Тимофей вспомнил, что два листочка, валявшиеся у двери, он с мусором отнес в туалет. По требованию ахнувших президентов притащил из туалета все ведро – вывалили на кровать. Драгоценные бумажки обнаружились среди остатков и дерьма.

Но не это – стилистическая вершина карауловской хроники Беловежья. А тот момент, когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич решают доложить о ликвидации Советского Союза президенту Соединенных Штатов Америки (опередив в этом докладе Горбачева). Звонить в Вашингтон! Немедленно!

Да подождите – в Америке полвторого ночи, и Буш спит?

И вот фраза, в которой весь этот цирк выворачивается в апокалиптическую апорию:

«Советский Союз все еще был Советским Союзом, Президент Горбачев все еще был Президентом... только потому, что Президент Соединенных Штатов Джордж Буш – спал».

Андрей Караулов – во всеоружии своего писательского мастерства.

Осколки и песок

И тут, едва мы пережили это черное Беловежье, Яковлев говорит Горбачеву:

– Плохо мы сделали самое главное – перестройку. Ни плана, ни цели... Что делаем – никто не знал. В итоге не перестроились, а развалились... (Дальше – внимание! – Л.А.) Россия, кстати, вообще не перестраивается, потому что наш народ перестроить невозможно. Пример все берут друг с друга, а нас – слишком много...

На вопрос: «Что же вы сделали в результате ваших перестроек?» – еще один ликвидатор Советского Союза Бурбулис отвечает, что и сам этого не знает.

Честно сказано.

Смысл повтора этой бессмыслицы в том, что она возникает в тексте Караулова сразу после Беловежского карнавала. Когда читатель, только что переживший доклад ельцинцев Бушу, остается с вопросом: что же остается от Союза?

На этот-то вопрос и отвечено: сколько Россию ни перестраивай, сколько ни меняй конкретных форм общежития, народ у нас – прежний, и именно состояние народа, сложившееся в ходе тысячелетней истории, остается неисправимым, неменяемым и спасительно-неодолимым.

Это очень важное уточнение!

Тут Караулов убирает ельцинских перестройщиков с авансцены и передает слово человеку, который привержен не гримасам политиканства, а русской культуре в ее неодолимости, – великому режиссеру Борису Покровскому.

– Вот у вас бутылка... (Ну, туда же... Без бутылки ничего не объяснить... Но суть – дальше. – Л.А.)

– Бутылка на то и бутылка, чтобы объем сохранить, чтобы напиток не разлился! Но если эту бутылочку с размаха сейчас да еще и об землю, о камни, она же разлетится к чертовой матери! Но зачем? Зачем ее разбивать? Осколки потом не соберешь, то есть придется нам, дуракам самонадеянным, по осколкам топтаться всю оставшуюся жизнь, ноги в кровь резать, потому как другой земли и других осколков у нас нет! Сто лет пройдет, сто, не меньше, пока мы эти осколки своими босыми ногами в песок превратим! А до тех пор, пока не превратим их в песок, мы все в крови будем. Все умоемся.

Сильно сказано!

И не думайте, что от России советской остались одни осколки! Осталась сама Россия! Осколки – это тоже Россия! Будем же и осколки пускать в дело. А когда перетрем их в песок – в строительный песок! – что продолжим строить?

Да дом же!

Как строить?

Скрупулезность, с которой Караулов прослеживает новейшие домостроительные проекты, – поражает сочетанием грандиозной масштабности и щепетильной придирчивости. Масштаб его хроники таков, что потребуются немалые усилия критиков, чтобы расценить опыт. Тем более что логика, мерцающая в этих двух книгах, иногда ставится на дыбы – в соответствии с логикой самой российской реальности.

Караулов с удовольствием говорит, что у него веселая репутация: «Каким-то чудом он убедил всех в мысли, что в журналистике он делает только то, что хочет, потому как знает обо всем – больше всех». Иногда имитирует «вольный треп на вольную тему». На самом деле никакой это не треп, а психотерапия в полубезнадежном варианте. Провокационная «развязность» – чтобы раздражить собеседника. Ироничное «жеманство» – с той же целью. Игра во всезнайство, сквозь которое видна упрямая попытка понять продолжающуюся историю страны – то, что мы собираемся строить на обломках.

Кто мы?

Мы – не европейцы. И не азиаты.

Так кто же?

Мы – «азиопы».

Если кто-нибудь из нас объявит, что он марсианин, его посадят в психушку. А если этот товарищ скажет, что он теперь не мужчина, а женщина, все кинутся защищать его права.

Где у нас права, а где бесправие?
Где ад, а где рай?

Несколько штрихов в автопортрете России, перешагнувшей советский рубеж, я рискну осмыслить. Параллельно Караулову

Ключ от власти

Горбачев отдал власть Ельцину практически без борьбы – когда понял ее безнадежность. По прежним законам его могли бы и угробить. Чудо – оставили в живых! Дали возможность дожить до старости – писать публицистические статьи (большей частью оправдательные и вполне искренние). Даже Фонд какой-то невеликий предоставили на Ленинградском проспекте.

Покидая свой пост, он попросил только о такой мелочи: дать ему немного времени – собрать манатки.

Не успел собрать – звонок.

«– Михаил Сергеевич, в восемь двадцать у нас появились Ельцин, Хасбулатов и Бурбулис. Отобрали ключи от вашего кабинета и вошли...

– Что сделали?.. – не поверил Горбачев.

– Сидят у вас в кабинете, Михаил Сергеевич. Похоже, выпивают...»

Ну, раз выпивают, значит, все в норме: строительство русского дома продолжается.

Кто будет строить дальше?

Может, новые директора, которые сменят в руководящих креслах согнанных оттуда коммунистов.

Может, так. А может, нет. Кто-то высунется раньше времени, и его схарчат. Кто-то выдвинется вовремя, и его стерпят.

Кто стерпит? Страна. Тот же рабочий класс. Те же крестьяне, вооружившиеся «маленькими тракторами». Свято место пусто не бывает. Новые люди придут на новые места. Не те, так другие.

Но какие другие?

Может, новые миллионеры, а может, новые бессребреники. Лишь бы народ при них работал.

А если хунвейбины нового образца?

Может, и они. Кого Россия стерпит, тот и примет ее тяжесть на свои плечи и будет строить ее дальше.

Не хочу угадывать, кто это будет. Разведут по собственности. И не такое бывало. А все равно Россия подымалась с колен.

С колен?! А не с водочной ли отлежки?

Так кто же, кто?

Умники-инженеры...

Вот понятный вариант. Лаврентьев, сержант, загнанный Великой войной на Сахалин. На досуге читает ученые книги, оставшиеся в японской библиотеке. Соображает (воображает) параметры новой бомбы. Пишет товарищу Сталину (а кому же еще?). Вызван в Москву, получает чин лейтенанта. Продолжает учебу с третьего курса университета. Ведет научную работу...

Есть бомба в арсенале страны!
Но есть вариант куда более сложный. Два гениальных ракетчика: Королев и Глушко.
«Инженер Глушко почти месяц, до самого суда, не знал ничего о показаниях своего друга – инженера Королева. И на первом же допросе дал свои показания.
Добровольно? Под пытками?
Никто не знает.
Как Королев избежал расстрела – загадка. Как Глушко избежал расстрела – загадка.
Сергею Королеву и Валентину Глушко мир обязан космосом...
Их показания друг на друга – прямой удар молнии.
В каждого».
Удар по здравому смыслу? Таинство судьбы?
Таинство – когда после того гэбэшного испытания они долгие годы работали бок о бок в рамках советской космической программы.
«Сошлись ради дела», – объясняет Караулов.
Делом и оправдались перед страной, – объясняю я, – когда и виноваты не были.

Так моей душе легче

Эти интеллектуальные сюжеты – излюбленная фактура хроники Караулова. Но есть и другое:

«...Это тута, в Москве, я не человек, будто отключил меня ктой-то, хожу дохнутый. Я, короче, счас не человек, я потеря! Но сердце у меня на месте, сердце осталось, не потеряно, я токма выжить сам уже не смогу, а надо-то мне – мирком-лотком: помытьси немного, барахлишко купить да в поезд сесть, хоть на подножку, потому что народ в поезде едой завсегда поделится. Умирать буду – поделятся. И врача позовут. Это тут врач не подойдет. А подальше от Москвы – подойдет, там пока не на все деньга нужна, там за место доллару у людев сердце работает...»

Сердце работает! Отъедет Егорка из столицы в родную глушь – и если не сопьется, найдет себе дело по силам и по вкусу – не пользу и во благо страны, счастливой в аду и несчастной в раю.

Это я Караулова домысливаю.

Так моей душе легче.

Вопросы-то остаются.

Любят ли русские работать?

Этот вопрос у Караулова сдвинут к фольклору: вы читали русские сказки? Вы помните, чтобы русские в сказках работали?

Так работники они или бездельники?

Отвечаю. Поскольку в течение года климат не позволяет русскому мужику обрабатывать землю, – он ложится на печь и рассказывает (слушает) сказки. Но вот на короткое время природа позволяет обработать землю, – и на это сжатое время русский человек становится рекордсменом труда. Успеть, успеть!

Только вот в какие именно сроки погода велит лежать на печи, а в какие – вкалывать денно-нощно, – не предугадаешь. Год на год не приходится.

И к тому, и к сему готовься. Еще одна фатальная загадка, уготованная русским.

И чтобы хлеба было не на три дня, а навсегда и вдоволь?

Без Солженицына, оставленного было на полпути из изгнания на родину, все-таки не обойтись:

«Теленок, столько лет бодавшийся с дубом, так и не сумел его пошатнуть, куда ему... Дуб подпиллил Горбачев; хотел, видно, что-то подправить, сухие ветки убрать, навозу подкинуть, чтоб жил дуб еще тысячу лет, но из дупла вдруг вылез заспанный, плохо причесанный Ельцин и... повалил, молодец, этот дуб на землю...»

Этот дуб – хорошая деталь, чтобы связать концы широко распластавшейся хроники.

Я тоже попробую связать концы.

Вот Андрюха...

Что за Андрюха – и не упомнишь.

А что за гость прилетел к нам без приглашения – его дозаправили под Старой Руссой, иначе бы не долетел, а так даже и переодеться успел, к Москве готовился, так Москве его на Красной площади с телекамерами решили встретить: неожиданный гость летит!

Это о ком?

О Русте... Кто такой, помните? Уже забыли?

А что это за «ОНЭКСИМ» – не забыли? А «Менатеп»? А «Конти? И «Сила-банк»...

Сочинители поработали? Именно. Да так, чтобы чужакам не понять было. Разве что Караулов, «сдвинутый на сенсациях», соберет и сохранит для потомства эти шедевры эпохи распада. По ходу которых демократы второго и третьего уровня делят страну, спеша прихватить свое. Подробности, конечно, задевают.

Например, Старовойтова – хочет, чтобы Ельцин назначил ее министром обороны Российской Федерации. Не по лучилось: решили, что «армия бабу не примет». Эпизод этот не потерялся только из-за горечи дальнейшей старовойтовской судьбы, сам же по себе он вряд ли надолго задержался бы в летописях.

Скорей всего, народ выметет это все из исторической памяти в небыль анекдотов.

Что же это такое? Жуть, которая маскируется под чушь. Хрень, которая велит называть ее демократией. Дележка, которая считает завтрашние нули...

Как?! А четыре миллиона?

Где?

В банке, у Андрюхи!

Да кому они что скажут – эти пауки в банках?

Другое дело, когда действие из банка перекинется... в тюрьму.

И не Андрюха, а Егорка услышит то, что только там и услышишь:

«Мокрощелину готовь!»

Пребывание карауловского героя в тюрьме, пусть недолгое, – врезается в хронику со стороны, противоположной Андрюхиным призрачным миллионам, но с такой жуткой рельефностью, что держит хронику с другого боку – железно.

«Главную правду русскому человеку сообщают всегда только матом...»

Почти не цитируя этот мат, повествователь так передает его сверхзадачу, что картины разнузданного блуда, судорожно нетерпеливого насилия бьют из этой тюремной главы насмерть! «Сексуальные оргии» – как новый элемент народной жизни...

Новый?! А разве в прежние эпохи бытие «низов» не определяло ход событий?

Еще как определяло. Весь ужас новой истории опирается на шатания масс, ищущих, за кем бы погнаться (пойти строем). И войны мировые опираются на это низовое, неродное, природное неистовство. Как и на изощрение военной техники.

Так будет на что опереться и тому безумию, на порог которого, озираясь, вышло теперь человечество. Мокрощелину надо готовить, а не карман для Андрюхиных миллионов.

И что же в итоге?

Когда я скажу, что же откладывается у меня в итоге чтения, то Караулов, уловив мою веру в неистребимую разумность Истории, – со свойственным ему озорным вызовом парирует в интонации «Собачьего сердца»:

«Суровые годы уходят в борьбе за свободу страны... – За ними други-и-е прих-о-о-дят, они бу-у-дут также трудны...»

Может, так же, а может, и покруче.

Я все-таки приведу то рассуждение из хроники Караулова, которое укрепляет меня в моем фатальном оптимизме:

«Церковный раскол. Если бы не Никон и его безобразия, глядишь – и семнадцатый бы год отступил, и Россия была бы крепче духом. Но Россия снова (и опять без всякой надобности) выкачивает из себя свою силу. Ну а XX век – просто катастрофа: Порт-Артур (где Россия и где Порт-Артур?), страшный поход Тухачевского в Польшу, война с Финляндией, война в Корее, Карибский кризис, Берлинский кризис, Афганистан...»

А дальше?

Дальше – никакого рая. Никакого упоения согласием сторон, а продолжающаяся борьба концепций, сопоставление идей, столкновение позиций. Хорошо, если не кровавое. В общем, привычный ад.

Так привычен он, потому что другого и не было за тысячелетия Истории.

Не было и не будет.

Но если будет моя Россия, – я готов терпеть. Изумляясь и крепясь вместе с Андреем Карауловым:

– Ну, страна-а...

P.S. Кстати, Юрий Лужков сразу, первым назвавший роман Караулова эпопеей, абсолютно прав: «Русский ад» должен быть в каждом доме.

У этой книги будет судьба, она, кажется, уже определена.

Лев Аннинский

Не ищите факты, люди видят их по-разному, лучше ищите дух.

Дух важнее, чем факты.

Г. Честертон

Я не знаю, как я пишу. Высоцкий сочинял песни, не зная нот; я пишу текст и понятия не имею, как такие тексты пишутся. Но я твердо знаю: я хочу описать все. Всю жизнь нашей страны в конце XX века. Масштаб этой невероятной задачи меня не пугает. Я действительно хочу понять самое главное: почему жизнь подавляющего большинства людей на 1/9 части суши в какой-то момент превратилась в ад. Кто виноват? Или все виноваты?

Россия – страна, где живут люди, измученные друг другом?.. Или в том, что у нас такая Россия, виноваты... мы сами?..

Я не знаю, какая получится книга, но эта книга – дело моей жизни. Миссия, если угодно. Обязанность перед всеми. И перед самим собой. Я ведь много видел своими глазами, загля-

дывая – иной раз – в такие уголки, куда многим (почти всем) путь был заказан. Я все время лез туда, куда не надо, – по глупости, из дикого, болезненного желания все узнать, причем так часто рисковал жизнью, что (ну не дурак, а?) это стало для меня чем-то вроде привычки.

Меня никто не пытался остановить, со мной брезгливо не связывались, но я получал все, что хотел получить, прорываясь – внезапно – к такой правде, что и самого меня оторопь брала.

Я живу, чтобы написать эту книгу. Не сделаю я – не сделает никто, время, увы, слишком закрытое, подлое – время демократии.

Эта работа настолько меня захватила, что, советуясь со всеми, с десятком тысяч людей, я все равно слушал только себя самого, писал так, как считал нужным, и не пугался лая собак – даже в те минуты, когда этот лай становился действительно невыносим.

Андрей Караулов

1

Я не знал, что человек может вынести столько страданий.
Федор Гааз

На земле не осталось ничего святого. С этим невозможно смириться, но с этим надо смириться, пора.

Русские плохо живут друг с другом. Продажная страна.

Все легко продают друг друга – запросто.

Солнце, ты где? Ты есть? Солнце, ты не мираж?

Жил народ, никому не мешая, но кто-то, видно, решил, что пришла пора ему встрепенуться...

Собачий холод, суровый климат, колоссальные территории – дикие земли, почти девяносто регионов, из них пятьдесят областей совершенно не годятся для жизни – разве это не наказание?

Нет, были в России счастливые времена, были! 17-й год перечеркнул их крест-накрест: большевики убили Николая, помазанника Божьего, и Небожитель отвернулся от России; если судить по ненависти, скопившейся в народе, Бог отвернулся от России на века; ненависть – это и есть потеря Бога¹.

Принцип жизни современного человека: жить надо так, чтобы тебя помнили все, сволочи тоже! Воровать – нормально, спрашивать о происхождении денег – неприлично...

Гнев Господний поразил нацию: Советский Союз в XX веке подарил своим народам настоящую грамоту, но отнял у них Библию и Конституцию.

Когда в 93-м танки сожгли парламент, стало ясно: России не нужны ни Библия, ни Конституция. Они как бы есть – но их нет. Это книги для вдохновения, но не инструкция к действию. А раз так, значит, Президентом в Российской Федерации может быть кто угодно, кто выскочит вперед, тот и будет Президентом, любой гражданин (жулики и бандиты – не исключение)...

В России все меняется каждые двадцать лет, но при этом двести лет в России ничего не меняется...

Еще раз: русские плохо живут друг с другом. К черту мифы: тот, кто понял это, легко отберет у России все ее богатства: русский не может не предать русского. Если лидер сумел повести людей за собой, какова дальнейшая цель лидера? Правильно – погнать их, этих людей, впереди себя!

В середине XX века Россия спасла планету от Гитлера своей кровью. В XXI веке Россия (больше некому) еще раз спасет человечество: нефтью, газом, лесом, водой (питьевой водой, сибирскими реками) и пахотными землями, своей территорией.

Это судьба: страшно терять десятки миллионов людей, страшно (еще страшнее?) отдавать свою независимость – богатства и земли. При фантастическом росте населения в окружающих Россию странах совершенно очевидно, что русская пашня, тем более – чернозем, не могут «работать» только на Россию. Но в России они и на Россию не работают, вот в чем дело! Из-за бардака, который творится в нашем государстве, не только наша страна, весь мир недополучает сегодня продовольствие. Катастрофа везде: в Африке, Китае, Юго-Востоке, Северных землях. Результат: пройдет 50-70 лет, и голод неизбежен. Не только в России – повсюду! Не хватит пашни, хлеба, не хватит лугов, травы на них, как следствие, мяса и молока...

---

¹ А может, Господь отвернулся еще раньше? Когда погиб Павел? А потом – Александр Второй? [Прим. Авт.]

Сейчас бедствуют десятки миллионов людей, но речь о другом голоде – о планетарном!

На 1/9 мировой суши, на гигантских просторах между Уралом и Сахалином, живет сегодня 30 миллионов человек. На Дальнем Востоке – 7 миллионов. При средней плотности по стране 8,5 человека на один квадратный километр, на Дальнем Востоке она в пятьдесят раз ниже, чем в европейской части – 1,1 человека. В Японии (это где-то половина территории Камчатки) более ста тридцати миллионов, чуть меньше чем во всей России.

Планете, ее жителям не хватает свободных земель. Японцы скупили в Австралии сотни тысяч гектаров, чтобы было где разместить свой народ, если с их островами, с Японией, что-нибудь случится. А Китай? Где Китай купит земли? У кого? Юго-Восточная Азия прибавляет каждый год по 100-130 миллионов человек. Что же, война с Россией, что ли? Из-за земель?

Где им жить, нашим соседям?!

Слава Богу, человечество вроде бы догадалось: в XXI веке любая война – это даже не глупость, нет, это плевок в вечность; ядерные ракеты создаются не для войны, а для того, чтобы не было войны.

Они, эти ракеты, как бивни мамонта. Бивни не имели, как известно, практического применения, но бивни давали мамонту неоспоримое преимущество – сильнейшего животного на планете.

Ракеты – это политическое оружие. Великое равновесие страха. Запуск ракеты происходит только при условии нажатия трех кнопок (Верховный главнокомандующий, министр обороны и начальник Генерального штаба). Вряд ли когда-нибудь это гениальное оружие взлетит в стратосферу, ибо ракеты (удар на удар) это и есть апокалипсис. Но зачем же они нужны в таком количестве, если один залповый пуск с атомной подводной лодки может уничтожить 1/12 часть планеты? Каждая «Воевода», величайшее изделие академика Янгеля и академика Уткина, это два Чернобыля. Такая ракета. Ракета-бомба. Можно представить (хотя бы представить) ситуацию, при которой это оружие будет работать как оружие?

Реформы – это тоже оружие.

Красивое слово: реформы.

Осторожнее надо с красивыми словами; суть всех экономических реформ XX века сводится:

б) все проблемы на земле – из-за людей.

Человек – самое вредное, самое опасное существо на планете, чем людей меньше – тем лучше, это же ясно – для всех лучше, и для самих людей, и для природы;

б) жить человек должен (если он не дурак) для себя, только для себя, ибо «государство», «история», «время», «религия», «родина» – это, если задуматься, лишь общие слова, кстати, людьми придуманные, и, если жизнь дается человеку только один раз, один-единственный, жизнью глупо с кем-то делиться, например – с государством.

Гайдар и Чубайс быстро сообразили, что без иностранного капитала власть в России они не удержат.

Геннадий Бурбулис, их непосредственный начальник, поставил государственную задачу: в России в течение года должен появиться «класс собственников». Любой ценой. То есть за бесценок. Моя Родина – это мои деньги. Не земля. Нет: деньги. Если за сущие копейки (или за ваучеры, например) скидывать в частные руки объекты (движимые и недвижимые), которые стоят сотни миллионов долларов, если не миллиарды, «класс собственников» будет у нас уже завтра, лиха беда начало, – разве нет?

С помощью закона быстро узаконить беззаконие. Торопитесь, ребята. Или – вернутся коммунисты, непременно вернутся, как только придут в себя после 91-го, их же миллионы, этих советских коммунистов, считай – вся Россия!

Гайдар и Чубайс штамповали «класс собственников» двадцать четыре часа в сутки. Создавали иллюзию ваучерно-народной приватизации. Иными словами – отдавали заводы,

фабрики, комбинаты, такие как «Тольяттиазот» например, вместе с уникальным аммиакопроводом от Волги до Одессы, тем, кто хотел, из штанов выпрыгивал – как хотел... прибрать эти богатства к рукам.

Президенту Ельцину было сказано:

а) если он, Ельцин, «не подпишется» на приватизацию по Гайдару-Чубайсу не только они, его преданные министры, никто в мире, даже Соединенные Штаты Америки с их умением дружить с Россией ему, Борису Ельцину, не по могут. Коммунисты быстро, в течение года, выкинут Ельцина из Кремля и отправят его на нары – за Беловежскую Пущу;

б) коммунисты – это сила. Россия – страна совершенно «левая», рабоче-крестьянская, и справиться с Россией может только «класс собственников». То есть другая сила, опирающаяся на транснациональные капиталы; российский народ безумно любит Бориса Николаевича, кто спорит, но опорой новой власти будет все-таки не народ, не рабочие и крестьяне, хотя именно они привели Ельцина во власть; опорой Ельцина будет класс российских промышленников, бизнесменов: его, Ельцина, *собственный* класс!

Собственник никогда (какой интерес?) не пойдет против того, кто сделал его, собственника, *vir*-персоной, кто подарил ему деньги, власть над людьми, другую жизнь;

в) медлить нельзя, иначе судьба Президента России будет еще страшнее, чем судьба Чаушеску... И хотя Ельцин чувствовал, что эти молодые министры просто нагоняют на него страх, он молчал.

Закусил губу. Призрак тюрьмы маячил перед ним. Ельцин напряженно, не отрываясь, вслушивался в коммунистическую пропаганду Анпилова, Макашова, Константинова... тихо, украдкой, чтобы никто не видел, гонял кассеты оперативные съемки) с записью первомайских демонстраций, – шеф Лубянки Баранников информировал Президента о коммунистических митингах, где собирались хотя бы три-пять тысяч человек, но Ельцин был уверен, что госбезопасность скрывает от него всю правду...

А рядом – Гайдар и Чубайс, которые твердят: Борис Николаевич, вспомните Урал! Вспомните людей! Если на заводе, особенно в тех городках, где другой работы просто нет, вдруг появляется сильный и умный руководитель... новый директор... он же сразу для всех – «отец родной»! Как он скажет, так и будет. Так и проголосуют.

Настоящий хозяин, собственник (настоящий, не проходимец какой-нибудь) отбирает у коммунистов значительную часть электората, это закон. Грохнет кулаком – все вздрогнут, весь город услышит!..

Прав Гайдар? Конечно. Прав Чубайс? Еще как! Правда, он скользкий какой-то, противный. Гайдар – не лучше, печеньем в детстве обожрался... в доме, видно, недостаток был. Людям, короче, заморочили головы. Как? Подкинули акции. У россиян особое уважение к бумагам. А какие они эффектные, эти акции! Оторопь берет. Московский Кремль нарисован, Красная площадь, гербы, печати. На башнях звезды горят!

Дрогнули люди. Отказались соображать. Танки пойдут – россияне выстоят. А вот перед акциями – нет, никто не устоял. Подкосили людей бумаги со звездами. Точнее – подкупили. «Господину народу» было заявлено: «Господин народ, вы хозяева теперь на своих заводах и фабриках. Акционеры, можно сказать. Ждите дивиденды!» Кому – одна акция, кому – две, а кому – пять, шесть, пятнадцать... бумага, не жалко!²

Гуляй, рванина! Чтобы взять власть, Ельцин пустил под откос Союз Советских Социалистических Республик, а чтобы эту власть удержать, он опрокинул доверившись Гайдару, российскую экономику и российский рубль...

---

² Многие (да почти все) «новые русские хозяева», или, как их теперь называют, «члены трудового коллектива», ждут эти дивиденды по сей день. Газпром, самая богатая компания России, выплатили первые дивиденды своим акционерам только в 2001 году: по две копейки на акцию!.. [Прим. ред.]

Гайдар и Чубайс быстро нашли самые главные слова: государство – неэффективный собственник. Они убедили депутатов Верховного Совета, что необходимо срочно спасти страну. По ракетам и бронетехнике Россия – первая страна в мире. А в остальном – ноль! Миф! Иными словами, Российская Федерация должна мгновенно стать государством частных. Не частный сектор, нет, иначе: государство частных. Нефть, газ, золото, металлы, рыба... забирайте, все забирайте, господа, будущие олигархи, в свои руки, «даешь рай на земле немедленно»!

Быстренько меняем один строй на другой. Если раньше, при коммунистах, у государства были доходы, то теперь вместо доходов государство получит налоги; а доходы мы, извините, заберем себе... вот она, революция 91-го года!

Частники – это те, кому повезет, кто успеет «к раздаче» раньше других, в том числе – и из-за рубежа, естественно, мы же «либерализовали» наш внутренний рынок!

Раньше всех к государственной «раздаче» в Российской Федерации успели американцы и англичане. Чубайс принял па работу в Госкомимущество России несколько десятков действующих сотрудников ЦРУ США. Итог: около 60 % оборонных заводов России, в том числе сотни – сотни! – уникальных предприятий, предмет зависти Соединенных Штатов, Европы, Японии, Китая, были за год стерты с лица земли.

Россия навсегда, на веки вечные, потеряла (вместе с заводами) более пяти тысяч собственных технологий; равных им, особенно в оборонке, не было ни у кого. Да и по – прежнему нет. В мире – нет, и у нас их больше нет – все, потеряли!

При Сталине, в войну и после, Россия создает атомную бомбу. Да, у немцев, у американцев мы украли тогда все, что было можно украсть, разведка работала феноменально, но бомбу Советский Союз (как и ракеты, весь противовоздушный комплекс) сделал сам. От «а» до «я», как говорится (кто бы нам продал все эти детали, какие концерны?). При Ельцине создать атомное оружие (повторить свой успех) уже невозможно. Нет заводов. Полууничтожены школы, профессиональные училища и техникумы. У Советского Союза было лучшее станкостроение в мире. Значит, под нож его, под нож! Производство подшипников размером со спичечную головку – под нож! Совершенно секретные институты в Подмоскowie, в Новосибирске, на Волге – под нож! ПТУ, чтобы рабочих не было, – под нож! На Арзамасе-16, в цехе, где Юлий Борисович Харитон собирал когда-то атомные бомбы, теперь (1992-й!) разливали грузинское вино, мастерски переделав тепловые емкости...

С таких колен уже не поднимаются.

Гайдар и Чубайс, руководившие экономикой, на самом деле имели лишь общие представления о том, что производит, разрабатывает «первая тысяча» крупнейших российских предприятий.

Разбираться им было некогда. Да и зачем? За полтора года работы и.о. премьер-министра Гайдар побывал на пяти заводах (и только в Москве), министр Чубайс – на трех. Они могли бы вообще никуда не ездить, им и так все было ясно – заранее!

Если Егор Тимурович Гайдар был тухлой – с тяжелейшей гипертонией и целым букетом наследственных заболеваний, связанных с расстройством нервной системы, скрытой истерией – и т. д. А вот Анатолий Борисович Чубайс был просто создан для того, чтобы идти напролом.

Бунт молодых против стариков – всюду, везде по стране, «от Москвы до самых до окраин»! Этот бунт – молодые против своих же отцов и дедов – всколыхнет и Кавказ, перевернет все его традиции. Вещь неслыханная, но это было именно так!

Новая идеология: если человек не умеет продавать, воровать или обманывать, значит, он – неудачник...

Человек, думай о человеке плохо. Тогда не ошибешься.

Из всех экономических укладов, рынок ближе всего человеку по сути.

В детстве Чубайс жил в разных городах (отец был военным). Свое детство, холод и водку, снег, пургу, девочек в школе, целовавшихся с кем угодно, только не с ним, этот парень, Чубайс, не забудет никогда.

И никогда не простит своей стране.

Противное чувство – всегда чужой. Он был какой-то неухоженный, весь в прыщах, скользкий... Не получалось у Чубайса быть среди сверстников, хотя он искал их дружбы! Искал и не находил, особенно у тех, кого школа, улица выбирали в лидеры.

Точнее – в главари.

Чубайс вырос на «Битлз». А его Коммунальная улица в западенском Львове предпочитала – под водочку – Владимира Семеновича Высоцкого. Записи Битлов Толя однажды принес в школу и тут же получил от товарищей в зубы, потому как Высоцкий – лучше.

А как эти парни дрались! Драки и в Одессе, где Чубайс пошел в первый класс, во Львове, куда скоро переведут его отца, военного политработника, – драки были здесь единственным у детей развлечением, особенно зимой. Дрались все: школа на школу, двор на двор, улица на улицу и даже район на район.

В «сборную по рукоприкладству» отбирали самых сильных и безжалостных. Тех, кто боялся крови, карали жестко, по-русски: поджидали в подъездах и «рубил на говно», как говорил Серега Артюхов, ровесник Чубайса, его главный враг на веселых львовских окраинах.

Чубайса «рубил». Игорь, его старший брат, был куда крепче «ржавого Толика» и воевал за двоих. В обществе это ценилось. Но относительно «говна» у Чубайса-младшего иллюзий не было: он прекрасно знал, как к нему относится передовая одесская молодежь.

За «говно» Россия (и все мы) ответит в итоге перед Чубайсом. Сразу за все: за зимний холод в квартире, за Серегу Артюхова, за его вечно разбитую рожу и за то, что одесские парни не любили Битлов...

Старый завуч Мария Вениаминовна, изучавшая ребятишек исключительно с точки зрения их пользы для Родины, относила Чубайса к категории «невьясненных».

Почему он всегда в стороне? На кого Толя обижен? Почему он такой злой?..

Школа славилась своей самостоятельностью; в «Снежной королеве» Чубайсу дали роль Сказочника, но он не являлся на репетиции – игнорировал. А девчонки – вот ведь! – звали его «козлом». «Как так? – удивлялась Мария Вениаминовна, – Толя не дурак, знает наизусть стихи, очень любит маму и Михаила Лермонтова... ну а рыжий... это же природа, что ж тут сделаешь, козлы, между прочим, рыжими не бывают, они серые или черные, а рыжие – это «огневки» (лисы)...»

Отъезд из Львова (почти Европа!) в Ленинград, куда с повышением снова переводят отца, для Толи Чубайса стал почти трагедией: крошечный, уютный Львов, где семьи советских офицеров были, ясное дело, не в чести у коренного населения, дети видели эту нелюбовь, причем на каждом шагу, но все-таки – Львов бережно хранил свой культурный уровень: здесь был прекрасный оперный театр, каждое лето, иногда весной – гастроль ведущим украинских и российских драматических коллективов, прекрасные еврейские камерные оркестры, выставки... И хотя Чубайс никогда (с детства!) не чувствовал себя «посланцем еврейского народа», здесь, в Карпатах, ему было на редкость комфортно. И вдруг – Ленинград, холодный, мокрый, совершенно чужой ему город. Великий город с областной судьбой!

Все города, где он жил (все!), Чубайс, став Чубайсом, родную Одессу он отныне объезжает за тысячу верст. И прежде всего – Ленинград, гордый, надменный Ленинград... оказался его духовным врагом.

Здесь, в Ленинграде, Чубайса слишком долго не замечали. А у Гайдара – наоборот, у Гайдара в Москве, в его родной Москве, не было друзей-единомышленников. Стал заместителем премьера, то есть Ельцина («зарубив» кандидатуры Святослава Федорова и Скокова, Президент планировал на «премьера» Полторанина, но, поговорив с Гайдаром, Чубайсом и Аве-

ном за бутылочкой (и не одной) кизлярского «Багратиона», Полторанин резко от премьерства отказался. Тогда Ельцин сам стал премьером). А Гайдар, его первый заместитель, фактически – премьер, тут же, не раздумывая, пригласил «в министры» не только Авена, но и Чубайса. Надо срочно «набирать» кабинет, страна ждет!

Ну и набрали. Егора Тимуровича не беспокоил тот факт, что он плохо знает Чубайса, что у них мало общего: Гайдар работал в партийной печати, в «Правде», в «Коммунисте», потом – с Горбачевым (и очень не хотел уходить от Горбачева к Ельцину, хотя Явлинский, в тот год – зампред правительства России, звал), а Чубайс еще совсем недавно торги вал цветами на Московском вокзале в Ленинграде. Сначала – с рук, потом, когда появились первые кооперативы, взял киоск: встал на путь «индивидуальной трудовой деятельности», говоря языком «Правды» тех лет...

Все они явились в правительство кто откуда, эти парни: Нечаев – был заведующим лабораторией в каком-то НИИ (стал министром), Авен – младший научный сотрудник в Институте прикладной экономики (стал министром), Шохин – заведующий лабораторией ЦЭМИ (тоже министр) и т. д. и т. п.

Над ними возвышался Геннадий Бурбулис: второй человек в Российском государстве. Если Егор Тимурович все-таки был романтиком (большие деньги появятся в его жизни позже, когда он возглавит «Билайн»), то Анатолий Борисович смотрел Бурбулису в рот... еврей при губернаторе, да?., и делал все, что говорил Бурбулис, хотя других людей он, Чубайс, обычно не слышал, он говорил со всеми только на своем языке, по-другому не умел...

Что нужно сделать, чтобы твоя политика соответствовала мировым стандартам? Правильно: изменить мировые стандарты!..

Чубайс понимал: Бурбулис – дурак дураком в экономике, значит, если он, Чубайс, все сделает грамотно, быстро и аккуратно, Бурбулис (нет у него другого выхода, то есть – других людей) передаст ему в «доверительное управление» весь бюджет Российской Федерации.

Чубайса с детства тянуло к деньгам.

Пятнадцать-двадцать главных финансовых потоков в России: газ, нефть, металлы, лес, рыба... Если на них, на этих потоках, будут свои люди, одна семья, одна династия... все деньги страны – то ведь это и есть власть над страной, верно?

Более удачного исполнителя, чем Чубайс, было не найти: он работал как проклятый.

В рабочем кабинете Чубайса, в комнате отдыха, где собирались только его ближайшие помощники, висела огромная фотография «Битлз».

2

– Дай суке, дай!.. Лупи гада!

Тур метнулся к обрыву, но утонул в снегу.

– Ухо-о-дит, бл...

Грачев не договорил: вертолет министра обороны Российской Федерации резко развернулся к скалам.

Зверь всегда чувствует приближение смерти.

– Залег, сука... Вишь-ка, залег! Вертай взад!.. Вертай взад машину, майор!

Бить зверя с вертолета – феерическое наслаждение; министр обороны и его генералы расстреливали горных козлов из автоматов Калашникова.

– Сажай на склон! В снег давай... в снег... Клади машину, майор!

Барсуков развернулся спиной к окну.

Кровь, кишки, клочья шерсти... Настоящий генерал и на охоте чувствует себя полководцем.

– Куда ж на склон, Паша... это ж полностью бардак, ты ж не Дэвид Копперфилд, твою мать... чтоб в Ниагару сигать!

В отличие от министра обороны Российской Федерации комендант Кремля, генерал-лейтенант Михаил Иванович Барсуков ненавидел охоту.

– Слушай, а этот пацан привязанный сигает? Копперфилд этот? – заинтересовался Грачев. – А?

От министра обороны несло сапогами и водкой; когда Грачев наклонялся к нему, Барсуков задерживал дыхание, но это не спасало – от Павла Сергеевича всегда несло черт знает чем.

Барсуков не ответил. Он беспомощно смотрел куда-то на горы, на снег... Михаил Иванович так устал, что ничего не видел вокруг. Президент страны опять (в который уже раз!) приказал ему «прошупать десантника», а у Грачева, черт возьми, отпуск до первого ноября, значит, здесь, в Красной, придется сидеть недели две... – это жизнь, а?

– Паш, круто ведь, ну глянь, блин...

– Ла-а-дно те, майор у меня ас!

– Я что, бл, пропасть не видел?.. – нервничал Барсуков.

– А ты че видел-то, кроме Кремля? – усмехался Грачев.

Вертолет медленно спускался на склон.

– Давай, Ваня, давай! – заорал министр обороны. – На плацу его подхвачу! На плацу возьму суку! Ванька, вперед!..

Шеф-пилот Иван Шорохов расплылся в улыбке: командующий и сам орел, и полет у него орлиный!

Тур задрал морду – смотрел в небо. Люди слабее, чем тори, но у людей ружья.

– Су-ка-а! – завопил Грачев. – На, гад, возьми, возьми!..

Вертолет крутился в горах как сумасшедший, не понимая, что хотят от него эти люди.

Охота для Грачева была как сражение – ему не хватало крови. Без войны Павел Сергеевич был как сирота.

Тур упал на снег. Он, кажется, так и не понял, что его убили.

Тушу не взяли (вся в крови), оставили шакалам. Грачев торопился на танцы: в Красной Поляне, на том самом склоне, где стоит с конца прошлого века просторная деревенская изба, построенная для императора Николая Александровича Романова, расположилась – поблизости – турбаза Министерства обороны.

От скуки (отдых всегда скука) Павел Сергеевич заходил по вечерам на танцплощадку.

Офицерские жены не терялись:

– Разрешите пригласить, товарищ генерал армии?

– Разрешаю, – кивал Грачев, если женщина была в теле.

Танцевал он скверно, как умел.

И плевать, что где-то там, у батареи, прилип к лавке муж-подполковник, ногти кусает. Павел Сергеевич бывал так добр, что разрешал чужим женам иметь и фотку на память. Жалко, что ли?

Нет зверя страшнее взбесившейся овцы.

Барсуков не понимал, куда летит этот вертолет – куда и зачем?

Вокруг Грачева хлопотал Азат Казарович Ассатуров, мэр Адлера; Грачев любил Азата и всегда брал его с собой.

– Слышь, Казарович, у тебя фантазия есть?

Грачев сидел в кресле, закинув ноги на соседний ряд.

– Конечно, есть, – вздохнул Азат. – С моей работой, товарищ министр обороны, у меня же только нет... а фантазии этой... просто до хрена, я извиняюсь, Диснейленд отдыхает...

– Вот, – удовлетворенно кивнул Грачев, – это радует. А ты, Михал Иванович, – он повернулся к коменданту Кремля, – на Памире водку пил?

– Где? – вздрогнул Барсуков.

– На Памире. Гора такая. Пил, спрашиваю?

– Скажи, Паша, а что, здесь, что ли... выпить нельзя?.. На хрена нам Памир?

– Во! – подскочил Грачев. – А ты метла, генерал! На горе возьмем и здесь тоже возьмем. Шорохов, помчались! Кружки тащи.

– А где Памир-то? – не понимал Барсуков.

– Майор, где тут Памир? А?.. Ты охренел?.. Какая Туркмения? Таджикистан? Погоди, а тут что? Я помню, что Кавказ, ты из меня дурака не делай! Какая Ушба? Такой не знаю! Ско-ка? Метров скока? Какие еще три часа, ты соображай! Во, это... что надо! Пять тыш-щ – хорошо! Поехали.

Летчики встрепнулись: министр определился и поставил боевую задачу.

– На Эльбрус идем, – радостно сообщил Грачев. – Ты ща шестьсот над уровнем моря. По чарке примем – и сразу вниз, греться. Баб привезут.

Девушек доставляли из Адлера. Адьютанты (один или двое) пропускали сначала их через себя, отбирая самых умелых, теплых и колоритных. Ну а потом – руководители.

Лично министр. Такую «схему» придумала в свое время Екатерина Великая. У императрицы, говорят, была даже особо доверенная дама, некто Перекусихина; ей было торжественно даровано «право первой ночи» – с гренадерами.

Граф Орлов тоже прошел сначала через Перекусихину Министр обороны России всего лишь повторял опыт императорского двора.

– Какая разница, где напиться? – удивлялся Барсуков. – Объясни, командир?

Грачев мечтательно улыбнулся:

– Не понимаешь! Русскому человеку всегда подручная 49 радость нужна. Ты когда-нибудь портвейн крымский... пил?

– Кажется, да, – напряг лоб Барсуков.

– Кислиночку... помнишь? А?!

– Тебе, министр, не Памир, нет, тебе врач... нужен.

Психологическая помощь... на дому, на даче, в кабинете... Далее везде...

– Портит, портит власть людей... – Грачев мечтательно откинулся в кресле. – Ее ж... Массандру эту... если грамотно употребить, кислиночка всегда во рту остается... Закуски не надо. Выпил – и вроде как закусил...

– Ты это на Памире понял? А, командир?

– В Афгане, брат. Водка в горах не так идет, как у вас... на земле. Там, в горах, кислород другой. Аура другая.

– Тебе, чтоб нажраться, аура нужна?

– Дурак ты, Миша... – надул губы Грачев. – Я ж десантник, понял? Я впечатление ищу.

– И как?

– Скучно. Сейчас все скучно. Пил я намедни с немцем одним...

– С кем?

– Министр обороны. Ихний. Я когда третью бутылку «Столичной» вытащил, он мертвым притворился.

В глубине вертолета, у бака с горючим, сидели – плечом к плечу – офицеры в черной морской форме. Один из них, капитан первого ранга, держал на коленях небольшой кейс – ядерный чемоданчик.

Проститутка Машенька, шестнадцатилетняя девочка из Адлера (Грачев употреблял ее чаще других), категорически не желала оставаться у Павла Сергеевича на ночь. Машеньке сразу, пока она трезвая, показали, где на даче туалеты, но она так хорошо покурила травку, что сразу забыла, сердечная, о всех рекомендациях. Рано утром Машенька забрела в ту самую комнату, где офицеры в черной морской форме хранили ядерный кейс. Увидев постороннего человека (голую девку), офицеры выхватили пистолеты: по инструкции им предписано стрелять на поражение. Когда Машеньке объяснили, что этот кейс – ключ к ядерным ракетам Российской Федерации, она разрыдалась.

На ракеты, конечно, Машенька плевать хотела, но лежать, извините, личиком вниз на деревянных досках (девочке, как водится, заломили руки), во-первых, страшно, во-вторых, очень холодно.

Утром хмурый Грачев поблагодарил дрожащих от страха офицеров за службу Родине: молодцы, ребята, не добились ребенка.

Барсуков знал: если офицер, тем более генерал, министр обороны... обманывает – на каждом шагу – свою семью, свою жену, он рано или поздно обманет кого угодно, в том числе и Президента. Грачев везде говорит, что обожает супругу, своих детей... и не отпускает от себя гражданку Агапову, пресс-секретаря. О Тане Митковой и Арине Шараповой распространяется как о своих любовницах (врет), из-за Шараповой, был случай, Грачев в «Чкаловском» два с лишним часа держал министерский «борт» (его ждали в Брюсселе). Картина – чудо! Взмывленный Попцов, руководитель российского телевидения, носился в поисках Шараповой – по буфетам, кабинетам и коридорам огромного здания на Ямском поле, Агапова (она не ревнива) и адъютанты министра (трое) висели на телефонах, а Шарапова, оказывается, укатила с подружкой в Тунис, «уступив» Грачева корреспонденту РТР в Париже – старому чекисту.

...У Президента Ельцина – собачий нюх на подлость. Павел Сергеевич – простолюдин, человек войны, герой гор. Ельцину нравились простолюдины. Грачев так эффектно (и так часто) складывал локоть со стаканом коньяка, чтобы провозгласить тост за «здоровье Верховного главнокомандующего», что Ельцин наконец насторожился.

А тут еще и Полторанин подлил масла в огонь: на саммите в Ташкенте Ельцин и Грачев (одиннадцать часов дня!) вдруг переглянулись, вышли из-за столов и скрылись в соседней комнате.

«Главное – успеть», – смекнул Полторанин.

Точно! Локти углом, водка до края. На улице – тридцать два градуса жары, у Ельцина расписан каждый час: поездка в район к чабанам, авиационный полк, встреча с офицерами, затем – переговоры с Каримовым, и так – до ночи. «Умереть хотите? – заорал Полторанин. – Вгонят, вгонят... прохвосты Президента в гроб!...»

Грачев размахнулся и кинул (именно кинул) стакан на стол, причем водка не расплескалась.

– Борис Николаевич, че он... привязался, а?! Придирается... Борис Николаевич! Хотя вы ему, петуху, скажите... ладно? Презервуар!

«Взаимное раздражение, – уговаривал себя Барсуков, – не повод для ссоры! Президент велел «дружить», значит, будем дружить».

– А прикажет говно жрать – значит, сожрем, – заяви Полторанин, и Барсукову это очень понравилось. Не в том смысле, конечно, что он, генерал-лейтенант, был готов съесть все, что угодно, а как твердая гражданская позиция.

Барсуков понимал: люди, окружающие Ельцина, порох не изобретут... ну и ладно, продержимся, бог даст, сохраним власть... а вот приказ Президента они выполняют? В час икс? Это самое... жрать будут?

Да выскочки, самозванцы, негодяи – все так, но ведь там, где деньги, власть, там вечно подонки крутятся. Брежнев, вон, из Молдавии тоже привез в Кремль черт знает кого – и что? Страна-то жила! Работала! Развивалась!

Всадник может быть без головы. А лошадь – нет.

Между прочим, регулярная практика пофигизма существенно снижает риск сердечно-сосудистых заболеваний.

– Слышь, генерал, ты о Грише... о Явлинском... как думаешь?

Водка клонила Павла Сергеевича в сон, но он держался.

– Лай из подворотни! – отмахнулся Барсуков.

– Он меня дебилом назвал.

– Не обращай внимания.

– А в морду дать? Не лучше?

– Какой ты грубый все-таки! Неделикатный.

– Я? Слушай, я, может, художник в душе. Но я – художник фиганутый. Как все художники. У меня конфликт души и тела.

– Да ну?

– Ага. Душа, представь, просит ананасы в шампанском. А организм требует водки. И как мне быть?

– Тяжело, – вздохнул Барсуков.

– Жуть какой афедрон. В жизни, брат, все имеет свой поворот. А на повороте главное – не свалиться. Но вообще – то я до жопы счастлив своим образом жизни. Значит, в морду, короче, не лучше?

– Не-а. Гриша обидится и ничего не поймет. Он обидчивый, потому и упрямый по жизни... баранчик... Гений, бл, которому нечего сказать! Его и оглоблей не перешибешь. Он же как русская баба, слушай! Только у бабы на все есть ответ.

Настоящий десантник держит беседу даже во сне.

Ради Ельцина министр обороны готов на все. Просто на все – даже грохнуть Христа. Как Власик ради Сталина! А, может... врет? – Эх, служба государева... – ну куда, куда она Пашу несет? На какие склоны он посадит сейчас свой вертолет?

...Кремль часто терял Ельцина из виду, обычно – после обеда. Но если Ельцин после обеда все-таки шел сам, его выводили через пожарный выход и – сразу на дачу.

«Коржаков, двери! – орал Ельцин, раскачиваясь на стуле. – П-принесите двери, я хочу выйти!...»

Функции руководителя страны незамедлительно принимал на себя генерал-майор Александр Васильевич Коржаков. Он садился за рабочий стол Президента и отвечал на телефонные звонки.

«А что? Нормально, – рассуждал Барсуков, – с утра Ельцин, потом Коржаков, курс-то один, все нормально. А главные решения, если Президент занемог, не грех и на следующий день отложить. Утро вечера мудренее, как говорится! Справляется Коржаков. И не хуже, чем

Президент, между прочим. Особенно – по наведению порядка. Ну и ладно, что он еще недавно майором был. Не боги горшки 53 обжигают! Мышление-то у Александра Васильевича государственное... А ему все майором тычут... Растут люди. У Александра Васильевича волчья хватка, он знает: чтобы узнать человека, его надо сначала схватить за грудки. А Президенту – огромная благодарность, он хорошо людей видит. Да и Александр Васильевич – человек отзывчивый, на гармошке играет, танцует, поет. Сам Борис Штоколов послабже будет, это все отмечают.... А если по мордам даст, так ведь извинится потом, отходчив, зла на людей никогда не держит...

– Может, здесь примешь, а? – через силу Барсуков улыбнулся и подтолкнул Грачева локтем.

– Чего? – вздрогнул, не просыпаясь, министр обороны – Я тут.

– Машину вертай.

– Чего?

– Машину вертай... устал я, ясно?

Вдруг стало слышно, как ноет мотор.

– Беспокойный ты... – раззевался Грачев. – Вроде бы русский, а отдыхать не умеешь...

И он опять закрыл глаза.

– Куда тебя дьявол несет, Паша? Генерал армии Грачев как счастье и гордость безумной России! Ты ж не птица – тройка, черт возьми, чтоб скакать хрен знает куда, ты ж у нас министр, ты ж... Фрунзе сегодня! Жуков! Рокоссовский! А куда ты несешься, мать твою за ногу? Водки хочешь? Здесь жри! Сколько влезет жри! Надо будет – цистерну подгоним. Зачем нам на Эльбрус-то лезть, объясни!

– С-час возьмем, и там возьмем... – Грачев с удовольствием вытянул ноги. – На снегу!

– Скучно ему, понимаете? – веселился Азат. – Не в себе он вроде как... без фейерверка...

На горе-то, Михал Иванович, мы были... на той... Пал Сергеич запаматовали. Так что не волнуйтесь уж, чудненько все будет, мигом обернемся... туда-сюда... как на ковче-самолете... Ребята адлерские – боги, а не ребята, куда хошь рванут, керосин на неделю схвачен, опытные, значит... Если Пал Сергеич еще что сфантазирует... мы мигом!

Барсуков вздрогнул.

– Погоди!.. Вертолет... что? Не из Москвы? Не федеральный?..

Азат расплылся в улыбке.

– А че ж следы-то следить? На кой хрен, прости господи? Местная машина, газпромовская... за их счет, можно сказать, живем. Мы гоняем, они платят, у них денег как газа...

– Без связи? Без спецсвязи?..

– Ага, налегке идем.

– Как без с-связи... Вы что? А случись война? В-в войсках что?..

– Да какая война... – протянул Азат. – Пауза у нас. Отпуск.

Свобода, короче говоря.

– Президент?! Президент тоже, бл, ждать будет?! Пока вы тут... настреляетесь?!

Барсуков вроде бы говорил, но его слова уже были мало похожи на человеческую речь, он лишь разбрызгивал во круг себя какие-то буквы.

– Э, Михал Иванович... отличненько все будет, – ласково, как умеют только армяне, протянул Азат. – Какая вой на? С какой такой дурки? С кем воевать-то? С хохлами, что ли?..

– Па-а-авлик, – Барсуков завис над спящим Грачевым, – П-павлик... открой глазки, открой!

– Открыл. Дальше что? – Грачев стоял перед Барсуковым. – Говори, генерал.

Они стояли лоб в лоб, как звери.

«Вертолет, суки, перевернут», – догадался Азат.

– Говори, генерал, – повторил министр обороны Российской Федерации. – Я когда маленьким был, тоже ссал против ветра.

– Ты... дурак? Скажи, Паша, ты дурак? – выпалил Барсуков.

Грачев задумался.

– А сам как считаешь?

– Теряюсь в догадках, товарищ генерал армии!

– Все мужики России, Миша, делятся на две категории, чтоб ты знал! Долбоебы и мудозвоны. Других мужиков у нас мет, извини, конечно. Ты, генерал, в первом батальоне. До веку, так сказать. Я – во втором.

– Кончай, знаешь...

– Не кончай, а заканчивай, – Грачев поднял указательный палец. – А ты нервный, слушай! Нервный, Миша, это не тот, кто стучит пальцами по столу, а тот, кого это раздражает, понял?.. Вот так. Да, я негодяй, генерал, но тебя об этом предупреждали! А еще, Миша, я прагматик: лучше хер в руке, чем п...да на горизонте, – понял? Вот моя философия. И Борис Николаевич... ты башкой, генерал, не крути, сюда, значит, слушай... спокойно и благодарно: Борис Николаевич наш... я ж при Борис Николаиче в люди вышел! Поднялся при нем!

– Послушай, Пал Сергеич! Когда со всех сторон меня обступает лицемерие... – начал было Барсуков, но министр обороны остановил его, резко подняв руку:

– А главное, Миша, вот что: те парни, которые Бориса Николаевича... нашего... в России продвинули, они не ошиблись в нем, однозначно! Точный ход. На таком уровне ошибок уже не бывает. Да я всю грязь уличную готов вылакать как водку, чтобы лежать у его ног. Стесняться я не буду, мой ум любит простор, а с таким государем никому не будет тесно. Все поднимемся. Наш круг, я имею в виду! Вон, Москва, хватай что хочешь, любо объект. Это ж он дает – он, Ельцин!

Так что ты, Миша, когда в Кремль...свой поганый помчишься, чтобы меня там обосрать злонамеренно, ты всем говори: Пашка-афганец, что бы я, сука, о нем лично не думал, Пашка за Борис Николаича нашего жизнь отдаст! Жизнь, как Сусанин в песне!

А почему? А? Знаешь почему, сволочь паркетная?! Пашка при нем, при царе... нашем, Пашка... он же – полководец! Он человек: Павел Грачев! Ельцин ему армию дал. Во 56 как! И не одну армию. Все войска России! Я ж теперь как Барклай-де-Толли! Ты понимаешь, Миша, что такое Барклай-де-Толли! – Грачев обдал его перегаром. – Это, брат, не хухры-мухры, Кутузов, он же никогда министром не был, я проверял. Не дотянулся. А я – министр. Куда мне больше?

Нет, брат, все. Больше мне не надо. Есть Ельцин – есть Пашка. Прямая связь. Нет Ельцина – и Пашки нет, говно я, Пашка, без него, даже со звездами!

Барсуков молчал, ему вдруг стало страшно.

– Вот она, Миша, правда нашего быта... – Грачев уселся обратно в кресло. – Дудаев у вас второй год просит, не слышит же никто: дайте мне, суки, генерал-лейтенанта, и не будет с Чечней никаких проблем, – гарантирую! Он же «грушник», Дудаев, бывших «трутников» не бывает, был парторгом дивизии летчиков-дальнобойщиков. Афган бомбил и хорошо бомбил, два серьезных ордена имеет, но вам... всем от паркетов зеркальных охреневших, вам же трудно понять простого советского генерала! Людей-то, Миша, любить и понимать надо! Я ж когда перед зеркалом в мундире стою... сам себя не узнаю, ей-богу! Он меня... Борис Николаич... Верховным сделал! Как Колчак... я... как Иосиф Сталин в Москве! И кого? Кого он сделал Верховным? Меня, бл, простого десантника!

Грачев все-таки опьянел.

Вертолет летел тихо, спокойно, и все, кто был в вертолете, даже летчики, с интересом прислушивались к разговору двух больших генералов.

– К-кулак видишь, Миша?.. М-мой?! Трогай, бензонасос. Трогай без страха, хотя тебе-то как раз надо бояться! Вот, Миша, где у меня наша страна. Целый год в этих руках держу! Намертво держу, войска без блудни живут, во как я всех за загривок взял! И не надорвался пока, как ваш Гайдар с пацанами!

А ты, блядистка, что тогда здесь делаешь? Прелки катишь.? Где ты был, когда Всевышний мужикам яйца раздавал? Шаришься зачем? Измену ищ-щешь? Нет тут измены, генерал! Ты измену у себя в Кремле ис-щи... – только ты же, Миша, на позитив не настроен!

Короче, так: если ты, генерал, с Борис Николаичем будешь меня ссорить, я сам тебе ана-насы отстригу. Убью на х...р. Так десантура моя поработает – Склифосовский не справится, предостерегаю! И башку тебе обратно не пришью, у всех наших врачей суровых ниток не хватит, да и опыта тоже...

Выпьем, короче, давай...ты нас, десантников, плохо знаешь... – Грачев, кажется, чуть успокоился. – И не спорь со мной!! Здесь ебатуры нет; здесь, брат, генералитет. Ты ж инку-баторский, Миша! А настоящий политик в России всегда мечтает быть Сталиным – понял? Только отродясь не признается. В России, Миша, лишь у Сталина и получилось, потому что он всех в кулаке держал!

Пятьдесят лет наш отец и учитель в гробу лежит, сгнил насквозь, я думаю, а от себя, заметь, никого не отпускает! Умный он был, товарищ Сталин, через страх к народу пришел. Дорогу проложил. Самый короткий путь. И в точку попал...цари, слушай, не справились, про-срали власть, упустили народ, а этот осетин, бывший бандит, в Грузии, я слышал коронован-ный, не промахнулся!

Придумали, блин, образ русского человека. Ну и мучаются с тех самых пор: душа, мол, странная, а сердце золоте! А русский мужик, Миша, испокон веков только бандерлогов и ува-жал: Илья Муромец... он, по-твоему, кто? С двумя подельниками – Добрыней Никитичем и еще там парень какой-то крутился, фамилию не упомяну, в России любят, когда на троих!..

Так что ты, камбала, измену ис-щи в Кремле. А в войска не суйся; там, где Павел Грачев, там измены нет, – не дож – жешьси!

Правильно, Азат?

– Так точно! – подскочил Ассатуров.

– Не...а – отставить! – вдруг нахмурился Грачев. – По – другому будет. Я счас тебе... яснее все объясню. Россия... это страна приколов, верно?.. Азат, родной, гавкни майора! Скажи, министр обороны всем красивый сюрприз приготовил!

Ты, Михал Иванович, – Грачев поднялся и встал опять перед Барсуковым, – в вираж сча уйдешь. Будешь десантироваться. Пора, значит, и тебе, генерал, порох понюхать. Он хорошо пахнет, порох... – наркотически!..

Барсуков побледнел, но молчал, даже голову опустил, чтобы не видеть Грачева.

– Вниз пойдешь, – спокойно продолжал Грачев, – по моей личной боевой команде. Во тебе честь какая! С легкой улыбкой на холеной морде лица. Майор, приказываю: выдать гене-рал-лейтенанту парашют. Только такой, чтоб распахнулся, не то я знаю вас, сволочей: веселуху устроите!

Его ж, кремлевские, потом комиссию создадут. Проверять все будут. Как нет? Нет пара-шютов? И у меня нет? Ты че, капуста?! Совсем спятил? На землю, майор, вернешься лейте-нантом. Это я для полной ясности говорю. Зависай над сугробом, короче! Высота – сорок. Там снег... метра два есть? Генерал Барсуков в снег сейчас своим ходом пойдет.

– Паша...

– Пряма на глазах. Я – Паша. А ты – Миша. Вскорости покойник.

Иначе нельзя, родной, выпил я, понимаешь? И не спорь со мной, убью на хер, ты жив только до тех пор, пока у меня, бл, хорошее настроение! Я, чтоб ты знал, Миша, в жизни люблю только водку, деньги и баб... впрочем, водку и баб мне можно тоже деньгами. А ты сейчас

отдых портишь Майор, слушать приказ... чой-то рожа у тебя, бл, такая довольная? Выбираешь, значит, сугроб пожирнее...

– Паша!..

– И зависаешь над ним в сорока метрах. Генерал-лейтенант Барсуков, мужики, сейчас повторит подвиг великого летчика Алексея Маресьева!

Барсуков отвернулся к иллюминатору.

– Смотри, Азат: Михаил Иванович сок пустил...

И действительно, по белой, гладко выбритой шее коменданта Кремля струился пот.

– Ты, Миша, умрешь неприметно, – успокаивал его министр обороны. – Некролог мало кто до конца дочитает, да и... отменили их, кажется, некрологи-то...

Барсуков любил Ельцина, служил ему верой и правдой, собирал книги по истории Кремля... Он так и не привык к тому, что рядом с Ельциным люди, которые постоянно над ним смеются.

Делать-то что? Дать в зубы – застрелят. Да и не умеет, рука не набита.

Ему стало страшно – до дрожи.

Напился, скажут, генерал Барсуков в вертолете, пошел в туалет и выпал в снег. Трагический случай. Большое несчастье. Получит министр очень строгий выговор. А Михаил Иванович уже в земле: салют из карабинов, гимн Российской Федерации, слезы, поминки, больше похожие на банкет... спи спокойно, дорогой товарищ!

– Запомни, генерал, – кричал Грачев, – если тебя с удовольствием несут на руках люди, которые тебя терпеть не могут, значит, это твои похороны. Выпей, родной, на дорожку, не стесняйся! Там, внизу, холодно. Там волки и шакалы. Водку в сугроб тоже бери, не жалко, хоть ящик, земля быстрее притянет!

Есть высота, майор? Не врешь? Хорошо, что не врешь. Внимание! Готовь машину к десантированию!

Вертолет висел над сугробом. Приказ министра обороны.

Азат принес водку.

– Отдыхай, Миша, хрен с тобой, отдыхай... – когда Грачев улыбался, он улыбался зубами. – У вас в Кремле... в вашем... жизнь как в презервативе! Поэтому вы там все потные ходите. Но если я, Миша, тебя или другого какого... Гапона в вверенных мне войсках встречу – отловлю и грохну. Я, брат, шутить не умею, в Афгане отвык. Правда, я когда первый раз Гайдара увидел... рожу эту... на дрожжах выросшую... юмор ко мне опять обратно вернулся...

На земле началась паника. Дежурные генералы так и не смогли привыкнуть к тому, что министр обороны России может – вдруг – улететь неизвестно куда...

(Да и непривычно все-таки: разве Гречко, Устинов, Соколов или Язов могли бы позволить себе что-нибудь подобное?)

Сели удачно, на западный склон. Красавец Эльбрус был тих и спокоен, как все большие горы, вечные старики. Первым в снег бросился Грачев, за ним посыпались ординарцы, потом вылез Азат.

Водку пили из кружки, как полагается, воздух стал закуской. Молодец майор, догадался, не заглушил мотор, иначе бы не завелись, воздух разреженный, кислорода не хватает.

Так бы и сидели в горах, связи нет, даже космической, водка скоро закончится, а куда улетел министр – никому не известно...

О Барсукове забыли, слава богу. Хорошо, что забыли, неровен час он и в самом деле ушел бы с Памира пешком – нравы-то в «команде» тюремные, а командир сейчас – сильно выпимши, значит, быть беде...

3

– Олеш, Олеш, а доллар с двумя «л» пишется... аль как? – приставал Егорка.

– Эк-ка!.. Почем я знаю! – огрызнулся Олеша, щуплый мужичонка лет сорока, сильно помятый, находившийся как раз у той самой черты, которая и отделяет человека от полнейшего скотства.

– А ты его видал, доллар-то?

– Видал, ага.

– А где видал?

– У Кольки.

– За бутыль Колька отдаст, как считаешь?

– Ты че, сдурел? Доллар – он же деньга? Су-урьезная, однако! Ну а припрет паскуду, то отдаст, че ж не отдать-то...

Бревно попало не тяжелое, но вредное – елозило по плечу. Бывают бревна хорошие, добрые, на плече сидят, будто влитые. А это ходуном ходит, как пила, сучки в ватник лезут, колются, заразы, но ватник казенный, не жалко, а вот идти вязко.

Егорка вздохнул: здесь, в Ачинске, он уж лет двадцать, поди, а к снегу, к морозам так и не привык.

Конец октября, а снег-то какой: утонуть можно, свалишься в сугроб – люди пройдут, не заметят...

Олеша хитрый, у него за пазухой офицерская фляга с брагой, так ведь удавится, если угостит, во человек!

Водка в магазине пятьдесят семь рублей: это что ж в стране деется?

Вчера по телевизору негра показывали: у них, говорят, в Африке, чистая елдоматина: как только коммунисты к власти приходят, сразу исчезают бананы.

Интересно, а как в Эфиопах африканских с водкой? В Ачинске бананов сейчас – выше крыши. Олеша брехал, складов не хватает, так бананы, шоб не сгнили, по моргам распихали, им же холодильник нужен... А что, трупы будут не в обиде. – Вот черт: бананов – прорва, а водка – пятьдесят семь рублей; Ельцина за одно это убить мало! Наш Иван Михайлович, директор, как Ельцина увидел, сразу сказал: беда будет. Вы, говорит, присмотритесь, у него под физию жопа переделана, это ж как сатанинский знак!

Все видит, все, Иван Михайлович, потому что – умный. А еще, стрелок хороший, на охоте от него не только утка, но и глухарь не увернется; нет подлее птицы, чем глухарь!

Осенью, правда, чуть беда не вышла: отправился Иван Михайлович браконьерить, сетки на Чулым ставить, а с ночи, видать, подморозило, «газик» его закрутился-и в овраг...

Бог спас. Бережет Бог начальство! Странно все-таки: Сибирь есть Сибирь, холод собачий, а люди здесь до ста лет живут.

Директор Ачинского глинозема Иван Михайлович Чуприянов был для Егорки главным человеком в Красноярском крае.

«Можа, Ельцин и не дурак, конечно, – размышлял Егорка, – но почему тогда в лабазах сейчас все так дорого? Ты где, Ельцин? Не можешь цены подрубить, как подрубал их товарищ Сталин? Так не упрямысь, сгоняй к людям, побачкайся! Простой человек завсегда что-то из опыта тебе подскажет, потому как живет без затей, из вашей же Москвы-то Сибирь, поди, не разглядеть...»

– Хва! – Олеша остановился. – Перекур! Скоко еще надрываться?

Бревно упало на землю.

«Горбатый хоть и фуфлогон, а все-таки жаль его, – по думал Егорка. – Да и Раису жаль, красивая баба. Сильнее его будет. Шибко сильнее, у нее ж за улыбкой стальные зубы! А Гор-

бато́му пре́жде чем свое крути́ть, с водкой бороться, надо было сначала полю́бится наро́ду. Много надо, што́ ль? Прие́хал бы сюда́, в Ачи́нск, выво́лок бы поле́вую кухню́ с каше́й Ры́жкову на шею́ таз с масле́м пове́сил, сам бы фарту́к надел и че́рпак взял.

Хря́сь кашу́ в тарелку́, а Ры́жков масле́ в нее – бух!

В-во! Ца́рь бы был, наро́д бы ему́ сапо́ги лиза́л!»

Главно́е для наро́да – это о́тнoше́ние. Вон Леони́д Ильи́ч – он наро́д уважа́л, так до сих пор в па́мяти!

Наро́д-то у нас недолю́бленны́й. И бо́льшинство лю́дей поэ́тому всю́ жизнь, как де́ти.

Тру́дно пони́ять, что́ ли?»

– А Миха́лыч-то... приде́т, а́ль как? – Оле́ша крути́л папи́роску. – Суббо́та... все ж, пра́здник ноне́...

Ива́н Миха́йлови́ч сна́ряди́л Егору́ку с Оле́шей сру́бить ба́ньку: ста́рая сгоре́ла е́ще в авгу́сте.

О ба́ньке бо́лтали разное́: в́роде бы и де́вок ту́да приво́зили из Кра́сноя́рска, го́лые бу́лтыха́лись... Но как лю́дям-то ве́рить, они́ те́перь как соба́ки, не приведи́ бог – война́, в око́пы уже́ нико́го не зата́щ-щи́шь, все се́йчас бзду́хи, все...

– Ты че́, Оле́ш?

– Я с́ча при́ду.

– Зде́сь хлеба́й, я отве́рнусь, – взорва́лся Егору́ка. – Че́ от ме́ня бега́ть-то?

– А со мно́й бу́шь?

Егору́ка а́ж ро́т откры́л...

– Не́то на́льешь?..

– Пяте́ру дава́й – и на́лью, – тве́рдо сказа́л Оле́ша.

Он ме́дленно, с досто́инством, вы́тащи́л из рука́ва ва́тника че́твертак самогонки.

– Пяте́ру! Где́ ее́ взя́ть, пяте́ру-то!.. – вздохну́л Егору́ка. – Па́ пяте́ру по́ложен ста́кан с че́твертью – пони́ял? А у те́бя ту́т с на́персток.

– Ну, звиня́й! – И Оле́ша вса́дил в се́бя всю́ самогонку́ сразу.

– Не со́жри бра́нсбои́т-то, – посоветова́л Егору́ка. – Э́х, бо́сява!

И он махну́л в се́рдцах ру́кой.

Говори́ть Оле́ша не мо́г, раздало́сь мы́чание, глотка́ у Оле́ши и в са́мом де́ле работа́ла се́йчас, как на́сос.

Весно́й Оле́шу е́ле отка́чали. Прие́хал он в Овсы́нку к те́ще: ста́руха по́чти го́д за́зывала Оле́шу поста́вить ей за́бор. А бу́тылки, что́б отме́тить прие́зд, не на́шлось. Про́маялся Оле́ша до обе́да, пото́м схвати́л та́зик, разве́л ди́хлoфoс, да е́ще и те́ще пле́снул, не пожа́днича́л, родна́я все ж!

Ба́бка скле́ила ла́сты пра́мо за сто́лом. А Оле́ша вы́жил, окле́мался, но желу́док (по́чти ве́сь) ему́ отреза́ли, хо́тя водку́ хлеба́ет, ни́чего!

То́лько для водки́, наве́рное, желу́док-то и не ну́жен, водка́ сразу по́ телу́ иде́т – сво́бодно́ и го́рдо. – Ну́ хоро́шо, Ачи́нск – ме́сто ги́блое, зде́сь без водки́ – гни́ляк, но дру́гие, спра́шивается, в дру́гих-то горо́дах, с че́го пью́т?..

Ната́шка, жена́ Егору́ки, пре́жде, как Но́вый го́д, так о́рала, пья́ная, что́ Егору́ка – сволоче́ и борзота́, хо́тя би́л он Ната́шку в ре́дчайши́х случа́ях.

Ельци́н, Ельци́н... не в свои́ сани́ се́л че́ловек, это́ ж ви́дно...

А кто́, спра́шивается, сказа́л Ната́шке, что́ она́ долж́на бы́ть сча́стлива?

– Зря́ ты, Оле́ша... – Егору́ка подня́лся, – па́па Ива́н яви́тся... по́ обы́чаю́ и на́льет, че́ ж свое́ пере́вошь... а́ль не жа́лко?

Оле́ша си́дел на б́ревне, улы́баясь от ду́ри.

– Ну́, пото́пали, что́ ль, ве́терок!

– Ага...

Они подняли бревно, подставили плечи и медленно пошли по дороге, по снегу...

... Не только в Ачинске, нет, на всей Красноярщине не найти таких плотников, как Егорка и Олеша. Нет таких, и все тут! Дерево людей любит, руки, а руки у них – золотые! Если спросить Егорку, больше всего он уважал осину. И пней, между прочим, на осине, войну выиграли; не было у немцев таких блиндажей, как у нас, строить не умели, вот и мерзли, псы бесовские, да и поделом им!..

Холод, холод-то нынче какой! В Абакане, говорят, морозы сейчас злее, чем в Норильске. Спятила природа, из-за коммунистов спятила, ведь никто так не заколебал Красноярщину, как товарищ Федирко, главный местный секретарь. ГЭС через Енисей построили, тысячи гектаров болотом стали. Климат стал влажный, противный, сорок видов трав и растений просто исчезли, а волки, медведи и даже белки – все сейчас с порчей, все больные; медведь зимой по займам шарится, поближе к человеку жметесь, потому как не может медведь жить на болоте, жрать ему стало нечего, вон как!

– Устал я... – протянул вдруг Олеша и скинул осину с плеча.

Перебрал, гад, шатается, – интересно, что же он пил.

– Перекур!

– Пошли, говорю... задрыга!

– Ну, пойдем, пойдем...

Олеша легко (откуда вдруг силы взялись?) закинул бревно на плечо. Егорка взял бревно с другого конца и медленно пошел за Олешей – шаг в шаг.

– Смотри... Алке-то за пятьдесят небось, а как выглядит, стерва...

– Какой Алке? – удивился Олеша.

– Да Пугачихе... Какудается только... не пойму...

– А че тут не ясно? – не понял Олеша. – Всю жизнь на воле, хакает один центряк: масло, маргарин, ананасы и все с рынка небось...

Они медленно шли друг за другом.

– Здорово, ешкин кот!

Директорская «Волга» стояла в воротах. Собиралась въехать, но не успела, наверное.

Чуприянов улыбнулся. В «Волге» рядом с шофером сидел плотный широкоплечий мужчина с чуть помятым лицом, сразу видно – не местный.

– Здравия желаем, – Олеша снял шапку.

– Здоров! – кивнул Чуприянов.

– Здравсте... – Егорка стоял как вкопанный.

Чуприянов построил дачу себе на отшибе, почти в лесу. Кто ж знал, что пройдет лет пять-семь и красноярский «Шинник», завод со связями, заберет этот лес поддачи?..

– А за осинку, мисюк, можно и в глаз получить, – сощурился Чуприянов. – Веришь?..

– Так деревяшки ж нет, – удивился Егорка. – Вся деревяшка, Михалыч, еще в пятницу вышла... А эта на полати пойдет, любо! Осинка-то мохнорылая... не осинка, а меруха, все равно рухнет...

– Тебе, брат, можно быть дураком... – Чуприянов протянул Егорке руку, потом так же, за руку, поздоровался с Оле – шей, – грех, конечно, но ладно! А меня, родной, не срами, еще раз поймаю тебя с контрабандой, сразу тебя Гринпису сдам. Тебе там такую жопию организуют – мало не покажется...

Егорка опешил.

– Так его ж пристрелили вроде...

– Пристрелили, милый, Грингаута, начальника милиции... И не пристрелили, а погиб Грингаут смертью храбрых. А Гринпис будет для тебя страшнее, чем милиция. Точно тебе говорю!

Подполковник Грингаут, начальник местного ОВД, погиб в неравной схватке с браконьерами: поехал на «стрелку» за долей, а получил – из кустов – две пули в лоб.

Человек в «Волге» тихо засмеялся. Он смеялся так, будто стеснялся своего смеха.

– Вот, ешкин кот, работнички... На хрена мне такие? А, Николай Яковлевич?

Чуприянов то ли шутил, то ли действительно извинялся перед своим гостем.

– Только в лесу эта осинка и впрямь не нужна, – возразил Николай Яковлевич. – Вот мужички и стараются. Сгниет же на корню!

Чуприянов упрямо замотал головой:

– Все равно засопливолю! Неохочи работать! Когда команды нет, а осинка срублена, это бардак...

Стакан не получают.

Егорка обмер: это он предложил рубануть осину, – Олеша, вон, уже косится, значит жди и от него тумачков.

– Нет, это жестоко, – опять засмеялся тот, кого звали Николай Яковлевич.

– Очень жестоко, – подтвердил Олеша.

Егорка тоже хотел что-то сказать, но не успел, Чуприянов повернулся прямо к нему.

– Кукурузь осинку обратно в лес, – приказал он, открывая «Волгу». – На сегодня есть работа?

– Как не быть, всегда есть...

– Вот и давайте, – Чуприянов хлопнул дверцей машины. – Потом поговорим.

«Волга» медленно въехала в ворота усадьбы.

Чуприяновский дом был очень похож на купеческий: крепкий, огромный; такой дом сто лет простоит, и ничего ему не сделается; хозяева, это видно сразу, любят дом, в котором они живут.

– Значит, Ельцин так и не понял, что Россия – крестьянская страна... – Чуприянов снял шапку, расстегнул дубленку и спокойно, не торопясь, продолжал только что прерванный разговор.

В нем была та глубокая русская основательность, неторопливость, которые с первого взгляда вызывают уважение.

– Кто его знает, Иван Михайлович, что он понял, что нет... Он же – ускользящий человек, этот Ельцин. Как и Михаил Сергеевич, кстати, они ведь очень похожи друг на друга, между прочим! Помню, в Тольятти, перед рабочими, Горбачев торжественно объявляет: в двухтысячном году Советский Союз создаст лучший в мире автомобиль. «Это как, Михаил Сергеевич, спрашиваю его уже под вечер. Откуда он возьмется? Лучший в мире – это двадцать-тридцать современных заводов в цепочке, их же построить еще надо, рабочих вырастить, инженеров...» – «А, Микола, политик без популизма, – засмеялся Горбачев, – это не политик!»

Вот дословно... я запомнил. А у нас, между прочим, сто процентов образованная страна. И ложь народ хорошо чувствует. Забываем об этом? Почему забываем, кто скажет?..

Они медленно прошли в гостиную и сразу сели за стол.

– Скажите, Иван Михайлович, дорогой, где может быть рай в стане, где пять из семи смертных грехов – это сам жизни страны? Как выдумаете?

– Но, с другой стороны, – возразил Чуприянов, – Янгель построил же «Воеводу», а Лозино-Лозинский – «Бурани»? На подходе рельсотрон, ничего?

Чуприянов располагал к себе, видно было, что мужик он открытый.

– Грибочки, Николай Яковлевич... – Чуприянов протянул ему большую миску с рыжиками.

– Спасибо, с удовольствием.

– На здоровье!

Разговор был какой-то рваный, его нити рвались, но поговорить им хотелось.

– Сталин, – вздохнул гость из Москвы, – заставил работать на ВПК всю страну. Каждый день Сталин готовился к войне. Да он и сам бы ее начал, как с Финляндией, что ж было Гитлера ждать?

А Гитлер опередил. Решение принял после Молотова, его визита в Берлин, потому что Сталин (устаами Молотова) поставил ряд совершенно невыполнимых условий по отношению к Финляндии, Прибалтике и Румынии.

– Вот как?

– Да, читайте допросы Кейтеля, ему можно верить. Зачем нужна дипломатия, провоцирующая войну? Как все самоуверенные кавказцы, Сталин совершал невероятные глупости. Отсюда – катастрофа 41-го года, хотя в первый день войны мы уничтожили, между прочим, более 400 немецких самолетов. Не знали? И я не знал. 22 июня мы столько сбили немцев, сколько никогда потом, вплоть до мая 45-го, не сбивали. Какой подъем был! Сегодня даже представить невозможно. Но именно потому, что все силы тогда были брошены на оборонку, у нас не было нормальных тракторов. Не было, Иван Михайлович! Танки были, тракторов нет. И весь космос, кстати, строился как военный. Первый пуск, кстати, был с подводной лодки. Стрелял Королев, потом подросток Макеев, его ученик...

В доме жарко топились огромная печь. Стол, накрытым на двоих, изнывал от разносолов. У печки хлопотала стройная, высокая, но некрасивая девочка.

– Катя, моя дочь, – потеплел Чуприянов. – Знакомься, Катюха. Академик Петраков. Из Москвы. Слышала о таком?

– Николай Яковлевич, – стушевался Петраков, протягивая руку.

– А клюква где? – Чуприянов по-хозяйски оглядел стол.

– Где ж ей быть, па, как не в холодильнике?

По улыбке, вдруг осветившей ее лицо, Петраков понял, что Катя ужасно любит отца.

«Клюквой» оказалась водка, настоящая на ягодах.

– А вот, возвращаясь к Горбачеву, другой пример, – неторопливо продолжил Петраков.

Ему очень хотелось поговорить, причем по душам, совершенно открыто, да и обед обещал быть знатным: на костре во дворе, рядом с большой белой собакой, спавшей, похоже, с самого утра, в огромной, похожей на ведро, кастрюльке варилась уха. Рыбка лежала рядом, на столике, – Катюха вот-вот бросит ее в кастрюльку.

– 86-й, Иван Михайлович, – продолжал Петраков. – Целиноград. Доказываем Горбачеву: если хлеб стоит 12 копеек батон, крестьянин будет кормить скотину хлебом; силос и комбикорма в два раза дороже.

Но хлеб-то мы за доллары покупаем в Канаде! До того дошла страна, что уходит на зерно миллиард долларов. В год! И Яковлев, помню, Александр Николаевич вписал Горбачеву в доклад небольшой, аргументированный абзац: цены надо поднять на шесть копеек за булку!

Михаил Сергеевич – у микрофона, народ его приветствует, перестройка, про шесть копеек – ни гу-гу.

Исчез абзац, будто корова слизала!

Мы – к Горбачеву. Как так, Михаил Сергеевич?! Народ в деревнях скотину хлебом кормит, а мы – миллиард за зерно!

Молчит Горбачев. Вроде как нас не слышит. Яковлев наступает, я наступаю... И вдруг Раиса Максимовна... она всегда как бы выпевала слова: А-александр Николаевич, Нико-о-лай Яковлевич... не может же Михаил Сергеевич войти в историю... как Генеральный секретарь, который повысил цены на хлеб...

– Во баба! – вырвалось у Чуприянова. – Нельзя ж стране жить женским умом!

Петраков согласно кивнул головой и подождал, пока Чуприянов нальет рюмки.

«Клюква» сверкала как сверкают на солнце рубины.

– Ну что ж... – Чуприянов разлил водку. – Понеслись, выходит? Я, Николай Яковлевич, приказал Катюхе на закуску всегда подавать горячую картошечку. Чтоб помнили все, кто мы и откуда, из каких краев...

Чуприянов улыбнулся – широко, по-русски...

– Я думаю, Андропов судил о Горбачеве исключительно по Раисе Максимовне, – продолжал Петраков, отправив в рот сразу несколько рыжиков. – Глядел на нее и думал – вот она, новая, нормальная Россия! Умнейшая женщина, между прочим. А Андропов замкнут, скрывает от всех одиночество, если улыбается – то через силу, как-то вымученно, от одиночества сочиняет стихи... – заметил Петраков. – Вы читали его стихи?

– Где? Где бы я их читал?

– Ледяное одиночество, – Петраков потянулся за солеными огурцами.

– Так вот кому, значит, мы всем обязаны! Раисе Максимовне...

Чуприянов любил разговоры о политике, но когда речь заходила наконец о политике, у него сразу пропадал аппетит.

– Михаилом Сергеевичем – безусловно, – подхватил Петраков. – А Горбачев в какой-то момент просто сорвался с резьбы и вертелся уже сам по себе... Ну а картошка – это великолепно, Иван Михайлович, – поддержал его Петраков. – Я, например, без драников жить не могу! Но только на сметане, не на масле!

Ничто так не сокращает жизнь, как ожидание первой рюмки.

– Ваше здоровье, Иван Михайлович!

– Ваше! – с удовольствием откликнулся Чуприянов.

«Клюква» прошла божественно.

Катя действительно принесла тарелку с дымящейся картошкой, присыпанной какой-то травкой.

– Мыкогдапитьсясадимся, такоеощущение, чтонапоминкахсидим... – вдруг сказал Чуприянов. – Я о своих, о красноярских. Саша Кузнецов, Герой Соцтруда, Гуполов – ракетчик, Трушевич. Руководящий состав. Мы сто лет знаем друг друга и знаем цену друг друга. Пьем сейчас молча, потому как все слова уже сказаны. Вот Ельцин, – да? Правит так, будто саблей рубит. Так он и рынок ввел. Будто саблей.

– Родина – это те, кто вокруг нас, Иван Михайлович... – Петраков потянулся за огурчиком и с удовольствием закусил. – Родина – это те, кто вокруг нас, – повторил он, – все остальное, Иван Михайлович, либо легенды, либо фантазии.

– И что? – насторожился Чуприянов.

– Те, кто выскочил вперед, приведут тех, кто похож на них. Умный – умных. Дебил – дебилов. Если некто Беляев, друг Чубайса, в Питере объекты ЖКХ (их сотни) приватизирует по телефонному справочнику... не по здравому смыслу, по телефонной книге... это о чем говорит?..

– Да... – задумался Чуприянов. – Страшные вещи... говорите... – И он потянулся за рюмкой.

– С кооперативов все началось, – усмехнулся Петраков. – Страну-то... а, Иван Михайлович, дорогой мой человек, разве не директора развалили? Нет? Что вы на это скажете?

Самый вороватый народ оказался... наши директора! Медь хуже Егорки с его осиною, – верно?

– У меня в Ачинске кооперативов не было, – нахмурился Чуприянов.

Они, видно, хорошо поговорили еще дорогой. Чуприянов был в Красноярске на экономической конференции (пустое дело эти конференции, трата времени), остался в городе на ночь, а утром, за завтраком, пригласил Петракова в гости: самолет в Москву улетает поздно вечером, программа для участников конференции составлена по-идиотски, весь день – посещение каких-то спортивных школ, детских садов и т. д.

Нет уж, – знатная уха в деревне, из свежайшей рыбки, это лучше!

Академик Российской академии наук Николай Яковлевич Петраков был абсолютно прав. Развал Советского Союза начался именно с кооперативов.

1988 год оказался так же страшен для Советского Союза, как и 1941-й, хотя подлинный масштаб этой трагедии открылся не сразу, пожалуй – только сейчас, в 1992-м, когда самого государства – Советского Союза – уже нет.

– 88-й, – невозмутимо продолжал Петраков, – закон «О кооперации». Детище Николая Ивановича Рыжкова. Рынок по-советски, хотя самые первые кооперативы появились чуть раньше, в 87-м.

Все предприятия Советского Союза, все его заводы и комбинаты получают право создавать на своей территории кооперативы. Зачем? По сути – это еще один цех, только частный, но все ресурсы, необходимые для его работы, государство выделяет бесплатно.

От щедрот душевных.

Любые ресурсы.

Даже золото.

Или алюминий, который на мировых рынках ценится сейчас почти как золото.

– Я когда узнал – обмер, – вздохнул Чуприянов. – Поверить не мог. Думал, провокация.

– Понимаю... – Петраков выпил рюмку и тут же, сам, налил себе новую. – Какое чудо, да? Какой родник: государство выделяет тебе, частнику, алюминий, золото... да что угодно, ты выпускаешь какую-то продукцию, продаешь товар, но денежки – уже себе, государству – только налоги! (Их, кстати, никто не поднимал.) В самом деле, откуда еще, из каких родников, им, кооперативам, воду черпать? Разве в СССР могут быть какие-то другие варианты?

Огромные закрома Родины – к услугам частных. Берите, не жалко! Родина у нас богатая. «Живой уголок» – кооперативы! – среди проклятых ржавых железок советских заводов.

Рыжков убежден: так мы, страна, получим новые кадры. И – современное качество продукции, ибо частник лично заинтересован сделать лучше, чем государство, то есть – он, Рыжков.

– Он дурак? Или негодяй? А, Николай Яковлевич? Ответьте!

– Отвечаю. Рыжков отлично разбирался в организации производства, которое в советской системе все время путали с экономикой. В рынке он вообще ничего не понимал. Его дурили специалисты «Госстроя», самого рыночного из ведомств («бригадный подряд», «хозрасчет» и т. д.). Вот они твердо знали, что хотели. А Рыжковым прикрывались, как ширмой.

Самое главное, будет обновлен весь производственный процесс.

– Понимаю, – кивал Чуприянов. – В стране дураков легче сделать революцию!..

Они чокнулись и выпили.

– Именно так, – поддержал его Петраков. – Но Рыжков, самый примитивный премьер Советского Союза (а у Горбачева каждое кадровое назначение хуже предыдущего), не останавливается: сначала кооперативы получают в руки государственные ресурсы, включая нефть... – Николай Яковлевич потянулся за картошкой. – А затем Рыжков вдруг дарует кооперативам право свободно проводить... – что? Правильно, экспортные операции!

Об этом, похоже, Чуприянов не знал.

– Помните: Собчак в клетчатом пиджачке, крик... галдеж, – восемь списанных танков в порту Новороссийска кооператив «Ант» продал куда-то за границу, во главе «Анта» – отставной полковник КГБ Ряшенцев... по-моему, – было такое?

А через год, Иван Михайлович, товарищ Ряшенцев загнется в Лос-Анджелесе от неизвестного яда. На руках моего приятеля, профессора Володи Зельмана. Кто отравил? Кто-то из Москвы. Приехал человек, они поужинали – и все! Нет больше Ряшенцева.

Там, в Новороссийске, КГБ СССР наглядно показал обществу, что есть рыжковские кооперативы и к чему это приведет...

Провокация? Да, конечно. Удар не только по кооперативам, но и лично по Рыжкову. Так, кстати, и Михаил Сергеевич объяснял... в нашем узком кругу...

Комитет продемонстрировал, что эти сукины дети, кооператоры, грабят страну... но кто тогда слушал КГБ и Крюкова, – верно?

Самое главное: Рыжков и Совмин настаивают, чтобы у кооператоров, то бишь у директоров, появились бы собственные фирмы-филиалы, фирмы-партнеры...

Где? Как где? За рубежом, естественно!

– Правду сказать? – Чуприянов опять разлил «клюковку».

– Я б пока... прочухал Рыжкова, уважаемый Николай Яковлевич, прошел бы и 88-й с бубенчиком, и 89-й... – сто процентов! Тугие мы, в тайге живем. Потому и народ у нас тут звероподобный. А на самом деле, дорогой Николай Яковлевич, это мы только сейчас расслабились, а тогда, при Рыжкове, все дерьмом исходило от злости, но ругался каждый молча, а вслух... вслух мы все молчали.

Петраков задумчиво что-то искал вилок в своей тарелке.

– Я вот о чем думаю, Иван Михайлович. – Он вдруг поднял лицо и поправил очки. – В 70-е Советский Союз сам, полностью, производил все, что нужно и стране, и человеку для жизни! От «Союзов» и ракетноносцев, до бюстгальтеров и трусов. Рыжков неплохо разбирался в экономике, но именно он принимает те решения, которые полностью развалили основные отрасли промышленности.

Плюс – единую финансовую систему страны. Вместе с кооперативами появляются первые частные банки... – зачем? Горю много, а ума по-прежнему нет? Я вот не уверен. Таких ошибок не бывает.

– Вы... о чем? – изумился Чуприянов. – Вы...

– Да. Это не ошибки. Кто вел Рыжкова? Так целенаправленно? Сам шел? Куда ему! Он же всех боится. И чуть что – плачет. Кто его вел? Какие силы? Смену Горбачеву готовили? А потом, когда у Рыжкова случился инфаркт, подняли другого человека, Бориса Ельцина? Вот это мне бы понять...

Чуприянов молчал.

– Схема-то не «рыжковская», – верно? Хотели как в Китае?

– Ну...

– Так в Китае – не так. Весь рынок в Китае под контролем компартии. Он ведь в каждой стране разный, рынок-то... В Японии – один. В Германии – другой. В Китае – третий.

Что-то похоже? Что-то да. А что-то – совсем нет.

Только Рыжков у нас и его личная перестройка – это из серии «она – то актриса, то секретарша...». Кооперативы это предтеча всего развала. Под видом реформ. Тихо-тихо предприятия Советского Союза освобождаются от важнейших обязательств перед государством...

– Согласен... – кивнул Чуприянов.

– ...важнейших, Иван Михайлович... – Петраков говорил как бы с самим собой, – заводы незаметно для общества... уходят. Хорошо, пусть не полностью, частично, но – и частные руки; границы сбыта распахнуты, поэтому эшелоны идут за рубеж, а резервы выделяются бесплатно...

Странно, но за разговором и Петраков, и Чуприянов как-то забыли, что они – за обеденным столом.

Даже о «клюковке» забыли.

– Помните в «Гамлете», Иван Михайлович: «он поднял руку на мать...». Родина-мать, да? Нельзя поднимать руку на мать. Так подняли же!

Рыжков подмахнул – за неделю – аж двадцать актов, отменяющих монополию государства на внешнеэкономическую деятельность!

– Е-о-шкин кот, – Чуприянов откинулся на стуле и пристально смотрел на Петракова.

– Вот как старался!

– Спешил?

– Я ведь не поленился, – Петраков говорил все громче и громче, – и подсчитал! За первые четыре недели кооперативы регистрируются на семистах сорока заводах Советского Союза, включая «Уралмаш», «Ижорсталь» и другие гиганты... А? Как?! «Уралмаш», кстати, «родина» Рыжкова...

– Ешкин кот... – опять протянул Чуприянов и потянулся за «клюковкой». – Выпьем?

– С удовольствием, Иван Михайлович...

За большим окном в горнице то ли хмурилось, то ли темнело – не понятно.

Петраков и Чуприянов совершенно не знали друг друга. Да и где же им было встречаться? Но об Ачинском глиноземе Николай Яковлевич слышал много интересного: комбинат – огромный, при советской власти трудились здесь девятнадцать тысяч человек. Сейчас – десять тысяч. Упали объемы; там, в Москве, кто-то решил, что новозеландский глинозем лучше, намного богаче, чем свой родной, ачинский.

Хороший повод оставить людей без работы.

Из всех экономистов России академик Петраков был одним из самых ярких.

Чуприянов бережно, не торопясь, разлил водку.

– Акто во главе... да, благодарю вас, благодарю... Иван Михайлович... Кто возглавил кооперативы, – продолжал Петраков. – Есть, Иван Михайлович, старый анекдот! В Баку приезжает комиссия из Москвы. Проверяет гражданскую оборону. Самый главный товарищ по гражданской обороне сидит за столом и пьет чай.

– Доложите обстановку, – требует комиссия.

А он гостеприимно так:

– Садитесь, пожалуйста, гости дорогие, чай будем пить, покушаем, потом все доложим, покажем...

Те возмущаются:

– Вы в каком виде, товарищ? Где противогазы? Где спецкостюмы? Куда делись?

– Э, – говорит, – гости дорогие, рыбалка у нас была большая, на осетра в лиман ходили, а там гнус разный, вот спецкостюмы и пригодились...

– А если, товарищ, завтра атомный взрыв? Атака газовая?

– Ой, слушай! На весь мир опозоримся, брат... точно тебе говорю...

Вот и опозорились, Иван Михайлович, наши начальники. Стыд-то сразу пропал. Кооперативы возглавили жены и старшие дети директоров заводов, родственники секретарей обкомов и облисполкомов, руководителей спецслужб на местах, прежде всего – КГБ, они ж у нас... самые быстрые, эти наследники Дзержинского, грубияны с золотым сердцем...

– А у меня Катюха... смирно дома сидела, – улыбнулся Чуприянов. – Женихов ждала. Вдруг посватается кто? Потому как все мы здесь недотепы...

– Понимаю, – кивнул головой Петраков. – Понимаю!

О присутствующих – правду и ничего, кроме правды, то есть – только хорошее.

– Спасибо!

– Тем более – под уху с «клюковкой»... А вот близкий мой приятель, директор Нижегородского машиностроительного завода, кинул на кооператив (на «волну», как опытные люди говорят) свою жену. Учителя словесности старших классов. Выпускать газовые установки. И какие!

– Послушайте, – Чуприянов мял руками лоб, – но Китай, между прочим, именно так при Дэн Сяопине выползал из застоя, Николай Яковлевич! Средний доход крестьянина и Китае был 8 долларов в год. В год, – я не оговорился! – Сначала – швейные машинки. Потом что-то другое. Как иначе-то? Все через частных.

– Да. Только без права гнать товар за рубеж, – возразил Петраков. – И без права оставлять за рубежом выручку. Атак ведь все в офшорах оказалось. Разве нет? Офшоры-то при Рыжкове начались!

...Со стороны он был похож на большого ребенка: Николай Яковлевич все время поправлял очки, сползавшие на нос, и растерянно (в этом тоже было что-то детское) озирался по сторонам.

– Кооперативы Китая, дорогой Иван Михайлович, создавали конкуренцию исключительно в своей стране. А Рыжков при абсолютно беспомощном уже тогда КГБ работал – по факту – только на заграницу. Правильный шаг в ложном направлении, одним словом! Борис Николаевич, кстати, сейчас тоже всюю заигрывает с Китаем.

Втихаря подкармливает его нашей земелькой, вот-вот отдаст Китаю Тарабаров, государственная граница тогда просто через Хабаровск пройдет, для друзей Борису Николаевичу ничего не жаль, он же широкий, Ельцин, особенно если поддаст, хотя Китай – он же как фальшивая монета, в любую минуту может подвести...

– А Ельцин, значит, пьет? Не брешут люди.

– Тяжело больной человек. В любом отношении.

– Выбрала Россия!

– Выбрала. Одного человека – Президента – и то выбрать не можем.

– Ну, почему же? Инвалиды выбрали инвалида.

– ...а директора, Иван Михайлович, оказались... как те же российские помещики! Я летел в Красноярск и наткнулся в книжке на Царский манифест 1861 года. Интересное чтение, доложу! Что такое крепостное право? Желание царя закрепить крестьян на их землях. Иначе Сибирь была бы пуста. И севера. Рыба, Иван Михайлович, ищет где глубже, а человек где лучше; все подались бы в южные края...

Чуприянов слушал с большим интересом. Крепостное право как совершенно необходимая – в условиях России – вещь: прежде он как-то не думал об этом.

– И вдруг, – продолжал Петраков, – царь отменяет крепостное право. Страшнейший удар по самодержавию, между прочим! Я, – Петраков полез в боковой карман пиджака, – выписал для себя, послушайте, что царь сказал: «...Права помещиков были доньше обширны и не определены с точностью законом, место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещика. В лучших случаях из сего происходи ли добрые патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика и добродушного повиновения крестьян. Но при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственной выгоды, добрые отношения ослабежали, и открывался путь к произволу, отяготительному для крестьян и неблагоприятному для их благосостояния...»

Иван Михайлович, – Петраков остановился, – такая картина вам ничего не напоминает? Или разница в том, что в 1861-м было освобождение от крепостничества, сейчас, в 1992-м, все наоборот, – новое крепостничество, полная зависимость от доллара, от нефти... – я... я не прав?

Чуприянов молчал. А потом так же молча наполнил рюмки.

– К концу 88-го нефтепродукты и хлопок, цемент и рыба, металл и древесина, минеральные удобрения Ойланского и кожа – все, что Совмин и Госплан выделяли для насыщения внутреннего рынка Советского Союза... все прет за рубеж эшелонами, – говорил Петраков. – Народ, те же директора стали денежки складывать в кубышку. Богатели на глазах. Бизнес по-русски: это – мне, это – тоже мне, ну и это мне! Все остальное – тебе, Родина! Будто заранее готовились, черти, к ослепительной приватизации. Ждали, короче, Егора Тимуровича. И Анатолия Борисовича.

Случайность? Может быть, не знаю, – Петраков ловко подцепил на вилку грибочек и любовался им как ребенок.

– Выпьем, Николай Яковлевич?

– Ответьте! – наседали Петраков.

– Думаю, нет... не случайность...

– И я так думаю! Январь 89-го... – какая скорость, да? Записка Власова, Шенина и Бакланова, я ее читал и помню наизусть:

«Обеспеченность сырьем, материалами в автомобильной и легкой промышленности Советского Союза составляет не более 25 %. Строителям нажилие и объекты соцкультбыта приходится лишь 30 % ресурсов. Многие предприятия, по словам министров, тт. Паничева, Пугина, Давлетовой, вот-вот встанут...»

А где ресурсы? Где? Куда делись?

Как где? Через кооперативы ушли за рубеж. И обрушился весь рынок страны. Внутренний.

Что делают наш дорогой Совмин и Рыжков, когда рынок поплыл? Из закромов Родины, Иван Михайлович (опять закрома)... Рыжков выделяет золото на покупку продовольствия. За границей. И наши собственные продукты (мясо, рыба, хлеб) теперь повсеместно оформляются как «забугорные».

Суда загружаются в портах Таллина и Риги, огибают Европу и приходят, Иван Михайлович, в наш любимый город Одессу, «город каштанов и куплетистов», где по документам русская пшеница становится импортной, канадской, и по цене соответствующей: 120-140 долларов за тонну...

Прелесть? Детектив!

Петраков внимательно смотрел на Чуприянова; он тяжело уставился на полную рюмку и думал о чем-то нерадостном.

– Вот он, 88-й год, – закончил Петраков. – И встали наши заводы намертво, Иван Михайлович, не мне вам говорить, особенно – в Центральной России. Все связи оборвались. Ну а в ответ... что? – Правильно, – как по команде повсюду возникают народные фронты. Люди же без работы! Куда они идут? На улицу! Только в одном Куйбышеве на митинг протеста собрались, помню, 70 тысяч граждан. Такого и в 17-м не было!

Чуприянов молчал...

Он и в самом деле не знал, что сказать.

Тикали на стене старые ходики, висели фотографии, тоже старые, а в окне истерически билась жирная муха.

На дворе – снег, а в окне – муха. Как это так?

– Словно... о какой-то другой стране говорите, – протянул наконец Чуприянов. – А мы тут... жили-жили, что-то замечали, что-то знали, не замечали, и все чего-то ждали, ждали...

– До полного развала страны оставалось тогда два года, – заключил Петраков.

– А Егор Тимурович, значит... и до нас... добрался? – вздохнул Чуприянов. – Да, у Москвы у вашей... длинные руки!

Ему хотелось поменять тему.

– Приватизационный чек – десять тысяч рублей! – откликнулся Петраков.

Теперь он приналег на картошку и был очень-очень доволен.

– Хороший человек, – хмыкнул Чуприянов. – А цифры откуда?

– Сдуру, Иван Михайлович, сдуру. Откуда же еще? Но ведь это не рубли. Не вполне рубли. Так просто слово использовали...

Они чокнулись и выпили. Каждый до дна.

– Как так? – не понял Чуприянов. – А что тогда этот чек, если не рубли, – можно спросить?

– Никто не ответит. Потому что никто не знает.

...Такой стол может быть, конечно, только в России! Все либо с огорода, с грядки, либо – из леса. Россия никогда не умрет от голода, главное богатство страны – это не нефть и газ, а лес, луга, озера, реки. И самое чудесное на русском столе – это, конечно, моченые яблоки. Только никто не знает, как их подавать: как десерт или как закуску!

– Рубль есть рубль, – вздохнул Чуприянов. – В России царей не было... и манифестов, а рубль уже был. Если это не рубль, значит, не пишите, москвичи... на вашем фантике, что это рубль. Чего ж людей дурить? Приватизационный талон... или... как?

– Ваучер, – засмеялся Петраков. – У Гайдара знакомый есть, Джеффри Сакс. Проводил приватизацию в Польше. И в Боливии. Везде – с катастрофическими последствиями для экономики. Он и предложил назвать эту счастливую бумажку ваучером; словечко непонятное, но солидное...

Чуприянов опять разлил по «клюковке».

– Я давно понял, России надо бояться тех слов, которых она прежде не знала, Николай Яковлевич...

– Хорошо сказано, однако. Выпьем?

– Выпьем, – согласился Чуприянов.

Ваучеры – это Милтон Фридман, Иван Михайлович, чикагская школа: из страны социальной сделать – побыстрее – страну либеральную. Вот задача...

– Ваучер, надо же... – удивлялся Чуприянов. – Замечательные слова: «Не влезай, убьет!», на английский, как известно, не переводятся: не в силах англичане понять, о чем идет речь.

– Рыбу кидай, – повернулся Чуприянов к Катюхе. – И водку в уху, лучше полстакана, – да?..

По голосу ясно: начальник. Образ жизни – постоянно отдавать распоряжения!

– А водку-то зачем? – удивился Петраков.

Прежде он никогда не слышал, чтобы в уху лили водку.

– Полстакана на ведро, – улыбнулся Чуприянов. – Закон! А еще надо обязательно опустить березовую головешку. Чтоб наварчик дымком отдавал, иначе это не уха, а рыбный суп!..

Про головешку Петраков тоже слышал впервые.

– Вот так... рецепт...

Он засмеялся.

– Надо будет запомнить...

– Старославянский, Николай Яковлевич! От деда моего Доната Чуприянова, – разулыбался Иван Михайлович. В его улыбке промелькнула вдруг такая ясность, чистосердечность, и как-то сразу стало теплее. Да-да, искренний человек, без гнильцы.

– Там, в ведре, Николай Яковлевич, шесть литров родниковой воды, – продолжал Чуприянов. – Значит, нам надо шесть килограммов линя. Хариус пойдет нынче на второе... раздельное питание, короче говоря! Варим так: в марле опускается в ведерко рыбка и кипит, сердечная, пока у нее не побелеет глаз. Потом кулек убираем. – Да, Катюха? Чего молчишь? Рыбы в бульоне, тем более костей, не может быть; рыба подается отдельно от бульона, лучше всего – в специальной деревянной мисочке...

Раз тройная уха, значит, не обессудьте: три раза по шесть килограммов, марля за марлей... каждый кидок – минут на семь-десять, не больше, только в кульце должны быть ерши. Обязательно! Если уха тройная – значит, ерши. А они, заразы, подевались нынче куда-то, нет – и все тут, вот что тут сделаешь?..

Таких, как Чуприянов, директоров Бурбулис называл «красными директорами».

Красные – значит, совсем плохие.

Интересно: он, Бурбулис, был хоть раз на каком-нибудь заводе?

– Если на Западе вам заказывают отель, выдается специальный талончик – ваучер, – закончил Петраков.

Он ел не отрываясь, в обе щеки, не замечая крошек, падающих на тарелку изо рта.

– Черт его знает, – усмехнулся Чуприянов, – я в отелях не бывал. Только в гостиницах. Но я умею считать, грамотный!

Сколько людей у нас в России? – Чуприянов вытер ладонью рот и откинулся на спинку стула. – Мильенов сто пятьдесят, Николай Яковлевич? Умножаем на десять тысяч рублей. И что? Правительство, Ельцин этот считают, что вся собственность Российской Федерации – заводы, фабрики, комбинаты, железные дороги, порты, аэродромы, магазины, фабрики быта, все, что у России сейчас есть, осталось пока, все это стоит... сколько? – Чуприянов напряг лоб. – Полтора триллиона... Всего? Нынешних-то рублей? Е-ш-шты... а они у вас в Москве считать-то умеют, эти министры? Один наш «Енисей», – Чуприянов мотнул головой, – вон там, на другом берегу... тянет на пару миллиардов, между прочим! А если с полигоном, где Петька Романов, Герой Соцтруда, свои ракеты взрывает, и поболе будет, я думаю...

Петраков поднял рюмку.

– Хочу выпить за...

– ...и что, они... демократы московские... – в сердцах перебил его Чуприянов, – после такого вот жульничества думают власть в стране удержать? Если и придет им... вашим там... кто на смену, так только бандит, Кудияр-атаман, и править он будет по-бандитски, пока Господь в нем совесть не пробудит... если пробудит!

Слушайте, если они, наши новые министры, русские люди, то почему они по-русски не разговаривают? Какой еще, па хрен, ваучер? Да я в Ачинске сам народ на улицы выведу!

Когда русский человек нервничает, в нем тут же набухает угроза.

– Ну хорошо, это все – пацаны, – заключил Чуприянов. – А Ельцин-то, Ельцин, он же... серьезный человек, с опытом... он-то куда смотрит?

– А он, похоже, мало что понимает, – вздохнул Петраков. – Все думают, он человек с опытом, это обман; какой-то опыт у него есть, конечно, только это провинциальный опыт, вспомните Ельцина на посту руководителя Москвы.

– Согласен, – кивнул Чуприянов и потянулся за «клюковкой», чтобы опять наполнить рюмки.

– Страна распалась, чтобы все стали нищими. Ответ на 41-й, если угодно, величайший подъем духа. Нищий человек готов погибнуть в окопах за свою страну?

– Пожалуй... – задумчиво протянул Чуприянов.

– За вас, Иван Михайлович! – Петраков поднял рюмку. – Долгие лета!

– Благодарствуйте!

Они с удовольствием выпили.

– Особенный случай, наш Президент, – улыбнулся Петраков. – Молчит, как карась на сковородке. Сердце у него мхом обрастает. Но меня вот... – Чуприянов подлил водки, – ... да, благодарю вас, Иван Михайлович, – меня вот что интересует: если случится вдруг чудо и в обмен на ваучеры мужички ваши получают акции Ачинского глинозема... они себя как поведут?

– Плохо. Плохо себя поведут. Очень глупо.

– Почему же?... – удивился Петраков; он очень внимательно слушал Ивана Михайловича. – Комбинат – огромный, стабильная прибыль, так что ваш веселый парень, Егорка, вправе рассчитывать сейчас при акционировании и на свою долю, верно? Как он поступит? Будет ждать эту свою долю-долюшку... прибыль... год целый или тут же про даст свои акции... за бутылку водки?

Катюша разлила по тарелкам уху, но Чуприянов не ел – он пристально, не отрываясь, смотрел на Петракова – Если сразу не прочухает – продаст, – уверенно сказал он. – Скорее всего – продаст.

– Так, – Николай Яковлевич согласно кивнул, – а если... как вы выразились... что ж тогда будет?

– Тоже продаст. Станет моим ставленником. Вот и все.

– Кем? Кем... простите?

– Моим ставленником. Я его раком поставлю. Что ж тут непонятного? Я что, дурак, что ли, такой завод соплиносам на акции раздавать?

Он залпом опрокинул рюмку.

– Спасибо за искренность... – задумчиво сказал Петраков.

Он помедлил, вздохнул и тоже выпил.

Чуприянов, похоже, уже опьянел. «Вся русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело», – вспомнилось Петракову. Кто это сказал? Ведь кто-то же это сказал... между прочим...

– Поищите дурака, – завелся Чуприянов. – Среди нас, директоров, которых вы так ругали сегодня, не найдете!..

– Они – трудовой коллектив, – напомнил Петраков.

– Да срать я хотел! Раз трудовой, вот пусть и вкалывают! А с прибылью комбината мы как-нибудь сами разберемся. Опыт есть!

– Упрется Егорка, – настаивал Петраков. – Не отдаст!

– Не отдаст? – удивился Чуприянов. – Не отдаст, кобель подрысучий? Я ему такую жизнь организую, он у меня и Ачинске первый – обещаю! – повесится. Причем со счастливой улыбкой на вечно небритой роже, и для него это будет лучшее решение. Куда ему идти, город маленький, без комбината ему, да и всем нам, хана просто...

Чуприянов замолчал, уткнулся взглядом в пустую рюмку и вдруг набросился на Петракова:

– Вот вы, умные люди, академики, лауреаты... объясните мне, старому глиномесу: если в правительстве сейчас только вчерашние студенты, книжки любят, но не заводы, глинозем от глины не отличают, если варятся они только в своих кружках и семинарах, поэтому доменную печь от «буржуйки»... да им кто когда домны показывал? Или как сталь идет? Так вот объясните вы... вы, умные, «ум, честь и совесть»... Вы же совесть, да? Если наше государство вдруг сходит с ума, почему это у вас в Москве называется реформами? Если Россия не покупает глинозем сама у себя, если Россия не хочет (или не умеет?) распорядиться собственным богатством – что ж, пусть государство покупает свое же богатство не у себя, а у Чуприянова... – я только за!

«Клюква» давала знать о себе: глаза его засверкали.

– Если у вас там, в Москве, вдруг сдурели все – на здоровье! Я хотя б разбогатею, на курорты отправлюсь, на юных гондонок поглазею, можа, и у меня что тогда зашевелится... Но, уважаемый Николай Яковлевич... – Чуприянов взял рюмку, покрутил ее и вдруг кинул рюмку обратно на стол. – Если Гайдар хочет, чтобы я отцепился и не требовал бы у правительства бабки на новую технику, то я его сразу огорчу: буду! Буду требовать! Модернизировать комбинат из своего кармана я не стану, нашли дурака! Во-первых, никаких денег не хватит. Во-вторых, я, когда разбогатею, я жадный буду. Сволочью стану. Мне теперь можно быть сволочью, я капиталист! И буду я теперь такая сволочь, что Гайдар у меня слюной изойдет, у него от напряжения даже яйца псориазом покроются!

Петраков торжествовал: он услышал то, что хотел услышать!

– Мой комбинат меня не переживет? – продолжил Иван Михайлович. – Нашли чем испугать, я ж пенсионер! Разве можно испугать пенсионера? – Нет уж, – пусть лучше эта тухля, мой комбинат, уйдет вместе со мной! И для легенды отлично: был Иван Чуприянов – и была здесь жизнь, помер Иван Чуприянов, так и смерть теперь повсюду!

Я ж Катюхе своей эту шалупень не оставлю! Быть глиномесом – не ее дело. Да и не справится Катюха с комбинатом. Я ей лучше деньгами отсыплю. Яйца оставлю, а не курицу, ибо куда же Катюхе моей... столько яиц?

Петраков молчал. Сейчас уже он не знал, что сказать.

– Поймите, Николай Яковлевич, – злился Чуприянов, – я с детства привык жить только за счет государства, товарища Хрущева, товарища Брежнева и их активистов! За свой собственный счет я жить пока не умею. И завтра – не научусь, дело к ящику идет, мне поздно учиться! Всю прибыль я оставлю только себе. Не трудовому коллективу. В гробу я видел трудовой коллектив, да и кто они без меня?..

Катя подала хариусов, но Чуприянов даже не посмотрел на сковородку.

Он разволновался. Треп либералов о «народном капитализме» доставал всех, это правда, но особенно, конечно, директоров.

– Быдло унылое! – кричал Чуприянов. – Хватит, короче, петь «песни года»! Всю прибыль я быстренько отправлю к своим компаньонам в Австралию, потому как я Гайдари совершенно не верю! Да и как верить-то, если Гайдар – это второй Горбачев, не видно, што ль? А? Только перестройка закончилась переломкой, а этот Гайдар приведет к катастрофе, потому что он по книжкам живет, по азбуке! Вы на его рожу посмотрите: Николай Яковлевич, уважаемый наш... академик, выгребу – уже завтра – из своего производства все, что смогу унести. Все!

Знаете, – Чуприянов чуть успокоился, – в чем главная особенность России? Не замечали? В любом городе, Николай Яковлевич, если все время ехать по хорошей дороге, ты обязательно окажешься у дома мэра. Вот и я перестану стесняться! И так кругом плутня одна! Сам (для начала) скуплю все акции! Сам. Не испугаюсь. А если у меня на комбинате смертью завоняет, я в тот же час прибегу к вам, в Москву. И начну каской стучать: эй, правительство, денег дай, нет у меня денег на модернизацию, на основные фонды, на самосвалы и бетономешалки!

Слышишь, правительство? Поэтому думай и решай: или Россия остается без алюминия, или деньги давай, мне новые станки нужны, печи! Во какое греховодье получится, во какой будет крутой поворот!

Петраков спокойно доедал суп, густо намазав маслом кусочек черного хлеба.

– Может, по рюмке? – предложил он.

– Принято, – согласился Чуприянов и разлил «клюковку».

– Знатная уха, – похвалил Петраков.

– Жаль, без ершей...

– Но если по уму, Иван Михайлович, деньги-то надо вкладывать в производство...

Самое главное в таких разговорах – это не поспорить.

– А я не верю Гайдари! – опять закричал Чуприянов. – Я знаю всех директоров Красноярья! У нас Гайдари никто не верит! Он что, месил глину ногами? Он хоть раз к экам на запретку ходил? У нас же, считай, концлагерь здесь... на вредных участках такие говнодавы сидят – с пером в боку сразу свалишься!

Он же с Луны на нас упал, этот Гайдар! Гном с Луны! По всей стране идет массовая агитация за здоровое питание.

Петраков поднял глаза:

– То есть?

– Кто здоровее, тот и сыт, Николай Яковлевич, что же здесь непонятного?..

...Никто не заметил, как в горнице появился Егорка. Даже Катюха, хлопотавшая у печи, заметила Егорку не сразу. Сняв шапку, он мялся в дверях.

Разговор оборвался на полужеле, чисто по-русски, как – то вдруг. Чуприянов и Петраков опять выпили по рюмке и так же молча закусили – солеными маслятами. Молодец, Россия: никто в мире не додумался закусывать водку солеными грибами. Никто!

– На самом деле по глинозему... решения пока нет, – сказал Петраков. – А вот алюминий будет продан.

– Какой алюминий? – насторожился Чуприянов.

Красноярский алюминиевый завод, уважаемый Иван Михайлович.

– Так он же крупнейший в Союзе!

– Потому и продают. Купит, говорят, некто Анатолий Боков. Сейчас – учитель физкультуры. Где-то здесь. В Назарове. Есть еще какие-то братья, то ли Чернавины, то ли Черные... С темой что-то связано, короче. В доле будут. Вместе с учителем.

Петраков взялся за хариусы.

– Сынок чей-то?

– Нет. То есть чей-нибудь – наверняка. Не от святого ж духа явление! Лет ему тридцать. Я вчера здесь, в Красноярске, узнал.

И опять стало слышно, как в горнице тикают ходики.

– А нынешнего куда? Трушева? Он же молодой!

– На тот свет, я думаю, – твердо сказал Петраков. – Если, конечно, сопротивляться будет.

– Значит, – разозлился Чуприянов, – ко мне тоже придут, – так?

– Приватизация будет кровавой, – согласился Петраков.

За окном только что было очень красиво, светло. И вдруг мигом все почернело; так резко, так быстро, за секунды ночь побеждает только в Сибири. Зимой в Сибири нет вечеров, только ночь и день, все.

– Какая глупость: ваучеры должны быть именные! – взорвался Чуприянов. – Только! С правом наследования! Без права продажи из рук в руки!

– Точно так, – кивнул Петраков. – Так и было в программе Малая, но программу Малая не приняли: Егор Тимурович убежден, по глупости, что именные акции – это не рыночный механизм.

– Да плевать мне на Гайдара, – закричал Чуприянов. – Ведь будут убивать!..

– Очевидно, Егор Тимурович считает, что на рынке должны убивать. Верхи готовы спутаться с низами. Они сделают это с удовольствием. На колхозных рынках всегда столько убийств! Нас убийствами не испугаешь. И не остановишь.

Чуприянов опешил:

– Но ведь это зверство.

– Зверство, конечно... – согласился Петраков, не отрываясь от хариуса.

Ему было так вкусно, что разговор он поддерживал исключительно из вежливости.

– И вообще, посмотрите на Гайдара! Что, – Господь создал Гайдара по своему образу и подобию? Боюсь я, не жить Гайдару на одной земле вместе с этим народом. Вы... вы понимаете, что начнется сейчас в России?..

– Кажется, понимаю, – кивнул Петраков. – Только сделать ничего не могу. Академики теперь никому не нужны, дорогой Иван Михайлович. У народа не останется ничего, кроме глаз. Чтобы плакать.

У тех, кто выживет, разумеется...

– Все мы, похоже, теперь не нужны! – махнул рукой Чуприянов.

– Да. Наверное, так...

Ночь, ночь была на дворе, а время всего – седьмой час...

Егорка закашлялся. Не из деликатности, а потому что так случилось.

Кашлял Егорка так, будто старый трактор заводился.

– Чего? – вздрогнул Чуприянов. – А?..

Муха все еще билась в окне: на мороз собралась, идиотка, в снег, в пургу...

– Мы, Михалыч, трудиться боле не бум, – твердо сказал Егорка, прижимая шапку к груди. – Огорченные потому что до крайности.

– В сенях подожди, – взорвался Чуприянов. – Тебя вызовут!

– Но если, Михалыч, кто на тебя с ножом закозлит, – спокойно продолжал Егорка, – ты, значит, не горюй: за тебя весь народ сразу встанет, так что назаровских носков мы всем обществом отгуляем.

Чуприянов налился кровью – или «клюковка» стала – вдруг – такой красной?

Злое, злое небо в Сибири: тучи висели так низко, темнота была еще и от них, от туч...

– Сиди в сенях, марамою! Аппетит гадишь!

Петраков засмеялся:

– Запомни, Егорка, на обиженных в России воду возят!

Егорка вытянул губы и как-то уж совсем по-ребячьему взглянул на Чуприянова:

– Я ж за баню, Михалыч, обижен, а не за себя, пойми по-людски!

Петраков сам положил себе еще один жирный кусок хариуса и аккуратно, одной только вилкой, содрал с него кожицу.

– А пацан этот... Ша... лунов? – Егорка повернулся к Петракову. – Сейчас учитель, што ль?

– Физкультуры.

– А будя, говоришь, новый начальник?

Петраков усмехнулся:

– Ну, управлять заводом будут управленцы. А он – хозяин.

– Знача, рабство теперь вводится? – Егорка внимательно смотрел на Петракова.

– Так во всем мире, парень, – улыбнулся Петраков.

– А мне, мил человек, по фигу, как во всем мире! У нас вводится?

– Вводится.

– А зачем?

– Слышь, сопянос, ты свои звуки... и сопли прикрой, – взорвался Чуприянов. – Это не рабство, а демократия, идиот! Это чтоб тебе лучше было, понял?

– Кому лучше-то, Михалыч? От назаровских! Кому?

– Че пристал, хныкало?! Правду ищешь?

Чуприянов потянулся за бутылкой.

– Я... в общем... в Эфиепах не был, – не унимался Егорка. – Там, где коммунаки у негров бананы отбирают. Только сча у нас – не рабство, потому как я вот на Михалыча... могу аж анонимку подать, и ее ж, депешу мою, где надо мигом рассмотрят. У нас, в Сибири, такой порядок до сих пор в действии. Что ж плохого, если я правду пишу, пусть и без подписи, потому как жены боюсь и от нее скрываюсь? Какое ж тут рабство? Где?! А у счиренков назаровских... у физкультурников... нас на работы строим погонят, мы ж как пленные будем! И вся путанка, мил человек, отсюда пойдет. Ты, Михаила, – повернулся он к Чуприянову, – звиняй: мы Назаровских знам! Эти люди – не люди! И деньжиш-щи, Михалыч, у них откеда? Это ж с нас деньжищи! С палаток... разных... зазевался кто, какой-нибудь съездюк... вот и получил в дыню, дороги-то на Красноярье вон каки широкие!

От физкультуры... ихней, – горячился Егорка, – прибыль, видать, большая была, раз они с-ча целый завод забирают! В школах у нас таки деньжиш-щи не плотют... – напомнил он.

Егорка опасался, что его не поймут, и для убедительности перешел на крик.

Он говорил, а Чуприянов теплел, – люди в Сибири говорят на одном языке, их так и зовут: сибиряки!

– А ващ-ще, мил человек, – Егорка косо смотрел на Петракова, – когда назаровские к власти придут, они ж всю деньгу, в выборы всаженную, на нас, дураках, отрабатывать станут. На ком же ишо?..

– Так ведь ныне не сладко, – с улыбкой возразил Петраков.

Ему нравился этот человек.

– Не сладко, да, – согласился Егорка. – Но большой-то беды нет! Недостатков по яйца, а беды нет. Потому как мы пока не говно, а при них станем говно, точно тебе говорю!

Петраков снова взял вилку и снова положил в тарелку кусочек хариуса, уже последний: не пропадать же добру!

– Погано живем, скушно, – Егорка еще и руками для убедительности размахивал, – Москву вашу не видим, потому как билет дорогой, но деньгу у нас никто пока не отымает. Деньга еще есть. Жизнь есть! А эти ж все отберут! Михалыч у нас – начальник с кулаком, но он не тухтач, с ним мы всегда договориться можем. А к тем-то гражданам запросто не подойди! Они так фаршмачить начнут... все с нас выгребут, прямиком до нитки, они ж вош-ще нам платить не будут, потому как не умеют они платить!

А без денег не люди мы станем и опустимся. Озвереют ведь все: это собаки без денег обходятся, а человеку как без денег? Они ж у человека главная защита. Да нам и самим за себя стыдно станет, хотя б и перед детишками родными, во, значит, в какое состояние погрузимся. А как потом выходить будем? Кто подскажет? Опосля-то будет уже навсегда. Да и не спросит с нас никто, потому как эта страна уже не наша станет!

– Краснобай, – засмеялся Чуприянов.

– Может, по рюмке?.. – Петраков кивнул на «клюковку» и с надеждой посмотрел на Чуприянова. – Да запросто! – кивнул Чуприянов. – Но этому самураю, – он кивнул на Егорку, – фи́га, а не «клюква»!

– Я, – Егорка помедлил, – можа, конечно, Иван Михалыч, что-то не то говорю, но от души, и назаровские нас не утыкают, мы ж сами отпузырим кого хошь! Только если назаровские, мил человек, – он внимательно смотрел сейчас на Петракова, – завод у вас покупают, так это не мы, это вы там, в Москве, с ума посходили! И я кому хошь это в глаза скажу, а правительству в морду дам, если, конечно, это ваше правительство где-нибудь встречу!..

Теперь уже смеялись все: Петраков, Чуприянов, но громче всех – Катюха.

– Скоко ж в мире должностей всяких, – а те, кто наперед умеют смотреть, у вас там, в Москве, есть? Если нет, что ж вы тогда к нам в Сибирь лезете?.. Мужики наши в сорок первом... с Читы, с Иркутска... не для того за Москву грудь встали, чтобы для нас она теперь хуже фрицев была! А Ельцину, Михалыч, я сам письмо составлю, хоть и не писал отродясь никаких писем. Упряжу значит, шоб назаровских не поддерживал. Да он сам потом пожалеет. Ты, Михалыч, знай: мы правду любим! В России все правду любят! Мы так приучены. Весь народ. И баньку мы с Олешей строить больше не будем! Неча нас обижать... осиною разной... а если ж я вам еще и обедню испортил, так вы звиняйте меня, какой уж я есть!

Егорка с такой силой хлопнул дверью, что Катюшка вздрогнула.

– А вы, Иван Михайлович, его на галеры хотели, – засмеялся Петраков. – Да он сам кого хочешь на галеры пошлет!

Чуприянов не ответил. Он так и сидел, опустив голову, сжимая в руке опустевшую рюмку.

4

Ельцин чувствовал, что он превращается в зверя.

На крест не просятся, но и с креста не бегают!

Он с удовольствием отправил бы на тот свет Хасбулатова, за ним – Руцкого, Зорькина, Анпилова, но Хасбулатова – раньше всех.

А как по-другому? Россия, вся Россия, давным-давно стала бандой, тот, кто считает иначе, тот просто Россию не знает, регионы не знает, особенно окраины, севера, да и Кавказ кусается. Ведь они, вся эта компания во главе с Хасбулатовым, его, Ельцина, не пощадят: они давно приготовили ему гильотину. А может быть, и галстук из каната – им без разницы! Президент обязан расправляться с теми, кто хочет (желающие есть всегда) расправиться с ним, с лидером нации. Выбить из-под него стул. Ну хорошо: Хасбулатов приговорен (он, Ельцин, его приговорил). Коржаков и Стрелецкий, сотрудник Коржакова, все сделают как надо, они умеют, да это и не сложно. Недавно была информация, что его, Ельцина, собирается убить какой-то Солоник. Киллер номер один, как докладывал Коржаков. И где он, этот Солоник? Недавно нашли его труп.

Где-то в Греции.

Вот туда бы, в Грецию, еще бы и Руслана Имрановича! Вместе с Руцким. Длинная, однако, получится шеренга, вон их сколько, сволочей... Трупом больше, трупом меньше, разницы нет, конечно. Но что скажет – в ответ – «друг Билл», увидев гроб уважаемого Руслана Имрановича? Чья работа? Кто хулиганил? Чьи уши торчат?

Клинтон вот-вот станет Президентом, это факт. Надо как можно скорее с ним встретиться, заручиться поддержкой, «поддержать» дружбу...

Как можно скорее...

Только цацкаться с ними (прав Коржаков) глупо, Руслан Имранович легко уйдет вслед за наглецами-банкирами, господами Медковым («Прагма-банк»), Литвиновым («Россельхоз-банк»), была бы воля Президента, как говорится, намек...

Что труднее всего? Правильно: самое трудное – отдать приказ.

Абсолютная власть развращает абсолютно.

Ельцин так и не осмелился быть счастливым человеком, постоянно пугал сам себя и поздно сообразил, что он, Президент, поставил сейчас на карту свою жизнь; умирать за демократию ему не хотелось, не для этого пришел во власть и всю жизнь делал карьеру!

Власть иссушает. Но только тех, кто к власти не готов.

Да, именно так: не готов держать власть.

В своих руках.

Зачем нужны просторы Вселенной, если жмут собственные башмаки?

Американцы могли бы в два счета его убить. Американцы – это не Солоник, от них никакая охрана не спасет. Президентом России быстренько стал бы (они помогут!) Чубайс или Гайдар.

Кеннеди убили, а уж Ельцина-то, прости господи!..

Ельцин все время думал об этом.

Экономика катастроф. Если Россия впишется в «золотой миллиард», если отдать американцам все, о чем они просят (все отдать – значит, дружить), – да, тогда можно ничего не бояться.

Только что, неделю назад, кортеж машин банкира Гусинского вызывающе подрезал на Арбате служебную «Волгу» Коржакова.

«Кто ж это шмаляет-то?» – искренне удивился начальник службы безопасности Президента.

Ельцин согласился: беспредел на дорогах надо заканчивать. А Гусинского давно пора поставить на место и провести фронтальную проверку его «Мост-банка». Сказано – сделано: против них, «Моста» и Гусинского, была проведена войсковая операция: сотрудников «Моста», его охрану и всех случайных прохожих на Калининском проспекте люди Коржакова положили в сугробы.

Лицом в снег. На полтора часа.

Гусинский кинулся в Шереметьево – сбежал в Венгрию... от греха подальше, как говорится. Гусинский не сомневался – его либо убьют, либо арестуют. И с Хасбулатовым все вопросы были в принципе решены. (Спровоцированный инфаркт, что проще на самом деле, хотя... раз на раз не приходится, конечно.) Горбачев дважды говорил Чебрикову что он, Горбачев, не знает, как ему умнее избавиться от Алиева, самого знаменитого и самого популярного человека в Азербайджане. Вдруг – инфаркт. Как по заказу. Гейдар Алиевич так и говорил: по заказу. Но он выжил, хотя сердце, конечно, было – прямым ударом – здорово надорвано, это потом скажут и турецкие, и азербайджанские врачи. А пуля в лоб... шесть граммов свинца... в данном случае – не выход, ибо Хасбулатов станет тогда в России национальным героем.

Председатель Верховного Совета страны погиб в борьбе с режимом Ельцина; Россия любит убитых, Россия любит убитых больше, чем живых...

Лесная страна. (Почти вся страна – сплошной лес.) В лесной стране люди действительно борются друг с другом, как звери. Как дикари. – Да, надо умнее, конечно: подвести Хасбулатова и Руцкого под официальную казнь. Под Уголовный кодекс. Пуля, но по закону. В крайнем случае – пожизненное заключение. Если мораторий на смертную казнь, значит – в «Полярную сову»!

И картинка хорошая, все как у людей. Как на Западе. Публичный процесс. Зачем Никите Сергеевичу был так нужен суд уже над мертвым Берией? А чтоб видимость была: у нас теперь все по закону, не так, как прежде...

Еще раз: суд, приговор, Хасбулатов и Руцкой идут, сложив руки за спиной, на эшафот. Вокруг, им в лицо, в спину, ликующие крики демократической толпы. (Пометка в ежедневнике Президента: «Площадь: использовать Новодворскую».) И рокировка: вместо Хасбулатова – Юрий Рыжов, вместо Руцкого – Галина Старовойтова...

Он был агрессивно провинциален, этот человек.

Жуткое одиночество. Именно так, жуткое.

Ельцин очень хорошо помнил этот день, точнее, вечер: 22 сентября 1991 года.

Все началось именно тогда, 22 сентября, с записки Бурбулиса на его имя.

Смешно: приказ об аресте членов ГКЧП отдал не Ельцин, а Горбачев, мечтавший избавиться – их руками – страну, себя прежде всего от него, от Ельцина!

Какой он мелкий, а? Однажды Ельцин увидел, как Горбачев отрывает от исписанных блокнотов кожаные обложки и быстро складывает их в стол. Ельцин вошел так неожиданно, резко, что Михаил Сергеевич не успел отодвинуть блокноты в сторону. Поймав недоуменный взгляд, он пояснил:

– В хозяйстве, Борис, все пригодится...

И засмеялся, разумеется, через силу.

Смех был жалкий, да и он сейчас был очень жалкий.

На самом деле Ельцин не любил читать. В Кремле знали: бумаги, которые идут к Ельцину, должны быть короткими, три-четыре фразы, максимум – пять.

Нет уж, коротко писать Бурбулис не умел.

Ельцин... чуть больше года прошло, а как красив, как молод... да-да, как же молод он был тогда... Ельцин осторожно взял в руки красивый компьютерный текст и еще раз прочитал слова, подчеркнутые Бурбулисом: «Совершенно очевидно, что, столкнувшись с фактом создания нового Союза, Президент СССР будет вынужден немедленно подать в отставку...»

«Верно, – подумал Ельцин, – удар под дых. Три республики сразу, одним махом, образуют новое государство – Союз Независимых Государств, как пишет Бурбулис, хотя о названии надо будет еще подумать. А может, и не три, может, и Назарбаев, Снегур... хотя Снегур маму родную продаст, лишь бы у него власть была, Снегур никогда не тяготился моральными нормами...

Назарбаев очень хотел, чтобы Горбачев сделал его вице-президентом. Была такая мысль! Или премьер-министром. Горбачев не возражал, хотя сначала он думал об Александре Яковлеве, потом – о Собчаке.

К тому времени Горбачев уже трижды полностью сменил состав Политбюро, и каждый состав был намного слабее предыдущего.

Кто, в итоге, стал вице-президентом? Правильно, Янаев!

Слабый выбирает только слабых?

Сентябрь 91-го: холодный, с ветрами, нервный и жестокий. Двоевластие в стране, Горбачев и Ельцин.

Двоепапие...

Ельцин встал и подошел к окну. Ночью Кремль был чуден, красив и казался игрушкой-пряником.

«Как страшно...» – подумал Ельцин.

Он тихо смотрел в окно. Отъехала чья-то «Волга», и Ивановская площадь совсем опустела.

Ельцину было стыдно. Стыдно было за самого себя. Как человек, как лидер, он был сильнее и решительнее, чем Горбачев, но Горбачев в Кремле чувствовал себя как рыба в воде, Ельцин – как слон в посудной лавке.

Горбачев позорил Ельцина несколько раз; сначала – октябрьский пленум, потом – кино о его запое в Америке, потом – Успенские дачи, когда Ельцину пришлось соврать, что его столкнули в водоем: покушение, мол, было на мою жизнь...

Горбачев все пустил в ход. Есть же какие-то вещи, о которых стыдно говорить (тому, кто говорит, должно быть стыдно).

Или в политике нет и не может быть табу, тем более если речь идет о судьбе страны?

Ельцин явился к женщине. Разумеется, на ночь, чтобы хорошо отдохнуть. Отпустил машину охраны. Взял букет цветов. Другие букеты выкинул в канаву. Протиснулся через дырку в заборе, чтобы на КПП его никто не видел. И – быстро направился на 53-ю дачу.

Надо же – дверь наглухо закрыта – его никто не ждет.

Со злобы Ельцин ударил кулаком по стеклу. Поранил руку. Стекло разлетелось вдребезги. Куда ему теперь, он же на ночь приехал, машину отпустил. Пошел к пруду, хотел смыть с руки кровь, но не удержал – спьяну – равновесие и свалился в воду.

Такси? В лесу какое такси?

Вода – ледяная. Ельцин быстро замерз. Пошел на КПП. Только на КПП можно согреться.

Увидев совершенно мокрого члена ЦК КПСС, часовые обомлели.

Мощная сцена: из леса выходит мокрый, грязный, пьяный Ельцин, будущий Президент!

Отбиваясь от Горбачева и КГБ, Ельцин вдруг понял, что он не очень умен. Страх снова, еще и еще раз оказаться в дураках был у Ельцина так силен, что превратился в комплекс: не напороть бы.

Документ лежал на столе. Ельцин знал, что Бурбулис – рядом у себя в кабинете; Бурбулис никогда не уезжал домой раньше, чем он, Президент...

В 87-м, после Пленума, Ельцин оказался в больнице. Ему здесь все время давали какие-то таблетки. Убить не могли, боялись, а вот отравить мозг – запросто. Об академике Чазове, отвечавшем за его здоровье (Ельцин – кандидат в члены Политбюро), в ЦК КПСС говорили, что, когда Чазов учился в медицинском институте, клятвы Гиппократы – еще не было.

А странная катастрофа под Барселоной, когда маленький самолетик, в котором летел Ельцин, вдруг ужасно ударился при посадке на землю?

Ельцин смотрел на Ивановскую площадь.

«Вот ведь... даже Иван Грозный ходил по этим камням...»

Ночи в Кремле были очень красивы.

Ельцин любил власть, любил побеждать. Чтобы побеждать ему нужны были враги. Всегда нужны! Ельцин умел побеждать, но он не умел руководить. Он умел отдавать приказы, снимать с работы. Стиль руководства Ельцина сформировался на стройке, потом в обкоме; других «университетов» у него не было.

Как строитель он ничем не прославился, разве что «пятиэтажками» с «ускоренной кладкой фундамента» – это было его «ноу-хау». Но одна из «пятиэтажек» вдруг сложилась как карточный домик. Накануне сдачи. От уголовного дела Ельцин отвертелся, но о ноу-хау было забыто.

Ельцин вернулся к столу. Прямо перед ним, в огромной раме, чернела картина: река, обрыв и два дерева, похожих на виселицу.

«Надо будет снять», – подумал Ельцин.

Странно: здесь, в Кремле, он уже месяц, а картину не замечал.

Ельцин бросил взгляд на записку Бурбулиса, потом нажал кнопку селектора. Правое ухо у Ельцина было абсолютно мертвое (простудился в Свердловске), поэтому, как все глухие люди, он говорил очень громко.

– Геннадий Эдуардович... я посмотрел... наработки. План хороший. Но... – Ельцин помедлил. – Мало что выйдет, я думаю. – Он тяжело вздохнул.

Бурбулис стал что-то быстро-быстро говорить, но Ельцин тут же его оборвал:

– И... знаете что? Идите домой...

Ельцин положил трубку. На часах половина первого.

Он встал, подошел к окну, отодвинул штору и прижался лбом к холодному стеклу.

Да, он очень хотел власти. Абсолютной власти над страной. Главное, чтобы над ним – никого не было. Хватит! Чтобы его никто – больше – никогда не стыдил.

Как он боялся этих вызовов в Москву, Господи!

Летишь в самолете, трясешься от страха, не знаешь, что тебя ждет...

...Уже год как он – Президент. И что? Каждый месяц – одно и то же: последние события показывают, что предпоследние были лучше.

В июне 91-го вдрызг пьяный Ельцин задавил человека. Коржаков спал (Ельцин был у Коржакова в гостях, в его деревне под Можайском; здесь по-прежнему жила его мама). Так вот: Коржаков спал, тяжело отходил от вчерашнего, Ельцину – наоборот, не спалось.

Четвертый день запоя. Захотелось покататься.

Встал он рано, в семь утра. Опохмелился («неправильный» опохмел снова ведет к запоям), слонялся без дела по двору, его мутило, он чуть было не наступил на курицу, сидевшую на яйцах, потом забрался в новенький «москвич» Коржакова и поехал... куда глаза глядят.

На повороте, у сельского магазина, стояли чьи-то «Жигули». С открытой дверцей. Рядом – мотоцикл, на мотоцикле – парень с девчонкой. Ельцин не вписался в поворот, зацепил «Жигули», снес у «Жигулей» дверцу и вмазал по мотоциклу. Девчонка ушиблась, но не сильно, а вот парень упал на асфальт и так ударился головой, что через два месяца – умер, хотя примчавшийся следом Коржаков тут же отправил его в Склиф.

Да, если бы не Коржаков (он мгновенно протрезвел), сидеть Ельцину в тюрьме, но КГБ СССР работал из рук вон плохо, Бакатин об этой трагедии так ничего и не узнал. Пострадавшим Коржаков дал денег, «Жигули» починили, на следующий день в подарок потерпевшим пригнали еще и новенькую «Волгу», подруге мотоциклиста помогли поступить в институт, кстати, – медицинский – и т. д.

Если бы не Коржаков, история России была бы, конечно, совершенно другой.

В запое русский человек способен на все. Почему же Ельцин должен быть исключением?

Если бы Ельцин родился на четверть века пораньше, он был бы органичен, пожалуй, в сталинской когорте. И не важно, кто они, его враги: быть Президентом и не убивать... нет-нет, так не бывает, это не та страна, Россия, и не те в России богатства и земли!

Короче, нужен взрыв. Шок. Восстание! И – «утро стрелецкой казни»: Хасбулатов – наркоман, завести его легко, психика подорвана, а амбиций-море! Любую наживку проглотит. – Сразу подтянется Руцкой, ему всегда нужен конь, он же – боевой генерал... Завести их, да так, понимаешь, завести, чтоб они всю Москву разнесли, не жалко... новую Москву поставим, еще краше! Где гарантия (кто даст?), что господин Бурбулис завтра... нет, не завтра, уже сегодня... не превратится – вдруг – в Хасбулатова? Если у государственного деятеля нет личной жизни, вообще нет, если у него – только карьера... он что, нормальный человек, что ли?

С месяц назад (любопытная история) к Ельцину прибежал Руцкой: Государственный секретарь Российской Федерации Геннадий Эдуардович Бурбулис приказал уничтожить «Большой камень». Завод атомных подводных лодок на Дальнем Востоке. Сровнять его с землей.

У нас, говорит, один «ремонтник» уже есть – под Мурманском, второй «ремонтник» стране не по карману.

Логика, да? Где Владивосток? И где Мурманск? У него карты нет, что ли, у госсекретаря?

Сломается лодка... – ее на ремонт, что ж, из Владивостока в Мурманск тащить? Через льды Арктики? За десять тысяч миль?..

Хорошо, Руцкой был где-то там, в Хабаровске: запрыгнул в самолет, сорок минут лета... – а рабочие уже стапеля режут, рыдают, но режут, газосварка пылает, Бурбулис приказал!

Руцкой, естественно, к директору, тот руками разводит: правительственная телеграмма из Москвы...

Кто заплатил? Клинтон? Южная Корея? Руцкой кричит: «Борис Николаевич, от кого у Бурбулиса такое поручение? Он что у нас... обороной командует? Промышленностью? Он вообще кто такой?

Есть Гайдар, есть Грачев, есть Ельцин, наконец, есть Совбез... Причем здесь Бурбулис? Нет в Конституции такой должности – госсекретарь, нет!»

Да, – гнать Бурбулиса, гнать! И Руцкого гнать... Герой Советского Союза, а неврастеник... герой-неврастеник... Но в первую голову, конечно, надо освобождать Бурбулиса. На душе и так неспокойно, а тут еще – эта рожа, он же на каждом углу его поджидает. Даже в туалете!

Целую ночь Бурбулис рыдал, как девочка, когда он, Президент страны, отказал ему в вице-президентстве. Сначала – депрессия, потом запой на неделю. Психиатры не отходили. Боялись, он спьяну повесится. А тут – государственный прием в честь делегации Украины, Чубайс с Гайдаром нажрались, Чубайса увели, а Гайдар заснул прямо в Грановитой палате. Так кто-то из министров, кажется – Полторанин, вымазал его шоколадным кремом...

Смешно? Очень. Обхохочешься, ей богу!

Полторанин, конечно, его почерк, только он умеет так издеваться.

А на Михаила Сергеевича, между прочим, Бурбулис и впрямь похож (в политике все слабаки похожи друг на друга). Доказано, и Горбачев признал это на допросах в Генпрокуратуре, что Ро Дэ У, Президент Южной Кореи, вручил ему, Горбачеву, сто тысяч долларов. В чеках «мастер-кард» – на предъявителя. Райсе Максимовне – еще сто тысяч. Другие бриллианты дарили, как Рейган – на следующий день после того, как Горбачев, обманув Язова и Генштаб, «сократил» по просьбе американцев самую перспективную советскую ракету «Ока», прообраз будущих «Искандеров» (американцы ужасно боялись «Оку»).

А Ро Дэ У деньгами дал. Так проще и надежнее!

За что платили? За признание Южной Кореи? Или за Сахалинский шельф?

Прижимистый дядя, крестьянин, Горбачев был бы, наверное, неплохим председателем колхоза, может быть – первым секретарем райкома. Но получил (по разнарядке) орден за урожай, и пошло-поехало: МГУ, аппаратная работа, убежденный марксист, причем в ЦК к Горбачеву многие относились с какой-то брезгливостью, особенно – Гришин и Черненко.

В какой-то момент, будучи уже секретарем ЦК, Михаил Сергеевич решил защитить кандидатскую диссертацию: а вдруг из ЦК придется уйти?

Ельцин не мог разрушить Советский Союз, не мог. В Свердловске он приезжал в обком к восьми утра, в Москве было шесть, на два часа меньше: рабочий день Ельцина целиком состоял из звонков по ВЧ, совещаний и просто разговоров, за которыми он, первый секретарь обкома, постоянно чувствовал эту колоссальную силу – СССР.

Брежнев звонил редко, с утра. Говорил, как правило, одну и ту же фразу: «Знаешь, хочу с тобой посоветоваться...» Первые секретари не сомневались, это такой прием! Брежнев хотел, чтобы аппарат, тем более – руководители регионов его бы любили. Он мастерски заводил друзей, что не мешало ему, разумеется, запросто выкидывать их из служебных кабинетов, если конъюнктура менялась. А приятно все-таки: тебе звонит из Москвы Генеральный секретарь, советуется...

Брежнев подарил Ельцину свои золотые часы. Через год, на митинге, Ельцин торжественно, под телекамеры, снимет их с руки и вручит молодому строителю Эдуарду Росселю, потому что Россель пустит металлургический комбинат, как велел Ельцин, – 19 декабря, в день рождения Леонида Ильича.

Ельцин умел благодарить людей...

Тех, кто может ему пригодиться.

А те, кто «отработанный материал», как Лев Суханов, его первый помощник в Госстрое... – ну и черт с ними!

Были у Ельцина и свои пристрастия: из театров он предпочитал оперетту режиссера Курочкина, из книг он второй год читал только одну – Юрия Бондарева.

Ельцин не мог отказаться от своего прошлого, хотя российские демократы, особенно Галина Старовойтова (дама с чудовищным даром самовывдвижения), твердили: Ельцин эволюционирует так, что заставляет вспомнить академика Сахарова.

Что ж, он отлично сыграл свой выход из КПСС и без труда убедил всех, что он ляжет на рельсы, если в магазинах поднимутся цены. Народ верил Ельцину – на слово. (В то время люди всем верили на слово.) И было, было у Ельцина еще одно качество, совсем странное, почти невероятное для бывшего первого секретаря обкома: совесть.

Он легко, в одну ночь, погубил в Свердловске знаменитый Ипатьевский дом. А утром, спозаранок уже бродил по свежему пустырю, как по кладбищу. Приказ Брежнева, Политбюро, это приказ, но Ельцин хорошо знал уральцев: его земляки гордились, именно гордились, тем, что у них в городе грохнули царя. Если бы Ельцин все сделал так, как полагалось сделать, собрал бы бюро обкома и доложил коллегам о решении Москвы, весть о кончине «Ипатия» тут же облетела бы город. Ельцин знал: утром бульдозеры уперлись бы в живое кольцо людей. Куда, куда он спешил?.. Нет же; он все сделал тихо, ночью, как вор.

Переживая, Ельцин медленно погружался в самого себя и становился тяжел. В такие минуты появлялась водка. Потребность в водке передалась Ельцину по наследству, вместе с кровью.

В роду Ельциных пили все. От водки погибли его прадед и дед. В прежние годы у Ельцина появлялась бравада: наездившись по «объектам», он с удовольствием заворачивал к кому-нибудь из строителей на обед. А после четвертой рюмки демонстрировал – на бис – «двустволку Ельцина»: широко открывал рот и лил в себя водку из двух горлышек сразу.

В 82-м случился первый сердечный приступ. «Показательные номера» прекратились. Он вдруг понял, что не справляется с жизнью и поэтому пьет. От этой мысли Ельцину было не по себе, он стал скрывать свое пьянство, хотя это было все труднее и труднее осуществить.

Ельцин не любил себя пьяного. Когда Ельцин был пьян, его все боялись и он – сам себя – тоже боялся, потому что ему часто хотелось покончить с собой.

Ельцин знал, что, когда он пьян, он не становится умнее, что от водки он-душа нараспашку, но это плохо, очень плохо для политика, так нельзя... – но не пить он уже не мог.

Алкоголик? Да. Мысль о том, что он – алкоголик, становилась невыносимой, он даже хотел (тайком от Наины) полечиться, но сделать это открыто не мог, стеснялся.

Совесь Ельцина была странной, как провинциальная девушка. Если угодно – дикой. Он любил, он умел орать, но Ельцин совершенно не умел ругаться. Он умел быть мстительным, злопамятным, беспощадным, но он не мог, не умел защищать себя самого.

Как все тяжелые люди, Ельцин часто комплексовал; ему казалось, что он смешон, неуклюж, что ему не хватает ума и это... все видят...

Или не видят?

Сахалинский шельф и Берингово море: два человека, Горбачев и Шеварднадзе (вранье, что Президентский Совет), подарили – втихаря – Америке морскую территорию Советского Союза. Больше 50 тысяч квадратных километров! Примите, дорогие соседи, Тихий океан и все его богатства. Нам, России, они не нужны – нефть, газ, рыба, крабы, трубач и морская капуста...

7,7 тысячи квадратных километров в 200-мильной зоне и 46,7 тысячи квадратных километров – собственно шельф. Купили Аляску за две копейки, ну и шельф забирайте. 16 % всех (планетарных) запасов нефти и газа...

Взамен – ноль. Вообще ничего. Взамен – психологическая поддержка «дорогому Горби» в его борьбе с Ельциным, постоянно набирающим сейчас силу...

Морские границы государства даже на карте, огромной карте огромной страны, найти не так просто. На севере России границы доходят, например, аж до полюса.

Втихаря Михаил Сергеевич, поддержанный МИДом, Шеварднадзе, отрезал «классические» воды (морской термин) Тихого океана от собственной державы. Подарок был сделан за спиной Верховного Совета, но Верховный Совет, узнав, не протестовал – даже коммунисты.

Уплыл океан. Вместе с рыбой, крабами, нефтью и газом. Морская часть СССР (четыре Польши!) стала – по воле Горбачева – территорией Соединенных Штатов Америки.

Да и Ро Дэ У, Президент Южной Кореи, молодец. За двести тысяч долларов наличными, всего за 200 тысяч, получить – от Горбачева – такой реприманд... – или Ро Дэ У был всего лишь посредником в тайных переговорах о «зоне Шеварднадзе»?..

По слухам, встречу с Ро Дэ У организовал некто Виталий Игнатенко, пресс-секретарь Горбачева, – мужчина... приятный во всех отношениях...

Двести тысяч прямо на аэродроме. С глазу на глаз.

Горбачев принял конверт и спокойно засунул его в боковой карман пиджака.

На Лубянке (Крючков) о деньгах узнали сразу, в ту же минуту, когда Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна садились в самолет. В охране Президента был человек, перед которым (Крючков приказал) стояла задача государственной важности: следить за тем, чтобы Михаил Сергеевич в поездках не торговал бы Родиной.

В 91-м, чувствуя, что конец близок, Горбачев действительно очень серьезно беспокоился о своем будущем и будущем своей семьи.

Официальная зарплата Горбачева – 2 500 рублей. Примерно тысяча рублей уходила у них с Раисой Максимовной на продукты, но весной 91-го эти счета вдруг выросли в разы.

В калькуляции – только деликатесы и спиртное. Целыми коробками.

Колбасу и консервы Горбачевы заготавливали впрок.

На черный день.

Нобелевская премия мира была переведена, по совету Гельмута Коля, в надежный немецкий банк. Обычно премия Нобеля – 500-700 тысяч долларов, за 80-е она увеличилась: с 200 тысяч до 700.

Горбачев получил – на руки – более миллиона – «чистыми». Премия «Фьюджи» – тоже 100 тысяч долларов. Горбачев в Риме получил почти миллион. И сыпется: премия Отто Ханса, испанская премия мира и – т. д.

Взятки? Под видом премии – взятки?

Он как чувствовал, что будет скоро рекламировать пищу...

Лишь бы платили.

Опасаясь, что демократический Моссовет вот-вот выселит Раису Максимовну и Михаила Сергеевича из их шестикомнатной квартиры на улице Косыгина (слишком много – по три комнаты на каждого), Горбачевы тайно прописались в соседней квартире, поменьше (там дежурила их охрана). Потом Раиса Максимовна занялась дачей в Жаворонках и очень боялась, что о стройке кто-то узнает, говорила с архитектором только через доверенных лиц...

Горбачев не сразу решился «заработать на Родине», но – решился. Первые подозрения у «конторы» Крючкова возникли год назад, в Сан-Франциско, на переговорах, когда Горбачев неожиданно приказал устроить ему приватную встречу с Ро Дэ У. Так все организовать, чтобы об этой встрече никто не знал: во-первых, КГБ, во-вторых – посол Бессмертных.

Встреча была. Посол Бессмертных узнал о ней ближе к ночи, резидент КГБ – почти сразу.

Горбачев и Ро Дэ У сразу понравились друг другу. Любовь с первого взгляда, можно сказать. Договорились о контактах, каналах неофициальной связи... да, Крючков трус, конечно... промолчал, заткнулся, не сказал о долларах от Ро Дэ У ни слова – никому!

Знать и молчать... Зачем? Чтобы ГКЧП устроить? Что было бы с Бушем, с Клинтоном... с любым Президентом любой страны, если бы Ро Дэ У., не сто тысяч, куда там, хотя бы сто долларов засунул – вдруг – в чужой президентский карман?!

А Михаилу Сергеевичу – хоть бы хны: «Кинули, Володя, среди бумаг», – скажет он, перептывая к стенке, Крючкову. Конверт, где двести бумажек! Чеки «мастер-кард» на предъявителя. Не конверт, а конвертище, – да?

Горбачев... он что, сам бумаги носит?

Молчал Крючков, молчал Бессмертных, молчали все, кто знал: Язов, Рыжков, Кравченко, Болдин... Президент взятки берет, но, если об этом узнает страна, – послушайте, это же политический реверанс в сторону Ельцина. Возможный импичмент.

Горбачев в тюрьме, Ельцин в Кремле?

Кто (в итоге) оказался в «Матросской Тишине»? Правильно, Крючков.

Маленькая собака до старости щенок!

И что, Бурбулиса... туда же, к Крючкову в камеру? Получили, выходит, «новую Россию», совсем новую, ни на что не похожую...

Наина Иосифовна где-то вычитала: хочешь узнать, что тревожит, чем озабочен твой народ, поинтересуйся, во что в песочнице играют дети.

Ельцин оживился, тут же призвал Борьку, внука:

– Вы там... во что играете, понимать? С ребятами.

– В игрушки, – смутился Борька.

– Так-ить. В какие?

– В пейджер.

– Говори, значит...

– А у кого пейджер есть, – отрапортовал внук, – а у кого нет. Если пейджера нет, значит, лох.

– У! – Ельцин насторожился. – А у меня нет, понимать...

– А тебе и не нужно, дед. Ты – царь. А у дяди Саши есть... У Коржакова.

– У него-ить тоже нет, понимать... Точно тебе говорю.

– Ну вы... даете... – удивился Борька. – Западлю купить?

– Доклад окончен. Иди...

Откуда ему, Президенту страны, знать, что дети в песочнице обычно играют в еду: у кого какие крохи на завтрак, что сегодня мама дала с собой...

А Гайдар? Если верить газетам, не Ельцин, нет, – это Гайдар сегодня лицо русской демократии.

Чудеса, конечно: вдруг все – все! – и журналисты, и писатели, и актеры стали разбираться в экономике.

Политически активная Лия Ахеджакова заявила со сцены Дома кино, что она, актриса Ахеджакова, будет лично... как бы помягче сказать, да?.. мочиться на каждого, кто хоть пальцем тронет Егора Тимуровича!

Гайдар у них вождь.

Тронешь Гайдара – будут мочиться.

На каждого.

Уже мочатся.

Сколько же в России дураков, а?

Всей страной – в рынок. Даешь рай на земле немедленно! Интересно: в Сахаре может быть рынок? В пустыне Сахара? На Северном полюсе? В Гренландии? На Аляске? В степях Монголии?

А Таймыр, русский Таймыр, чем лучше? Окраины России: Тыва, Хакасия, Читинская область, Корякия, Эвенкия, Улан-Удэ? Берег Ледовитого океана, то есть (жаргон, конечно) «севера»?

Все народы на земле – разные.

Русские мало похожи (во всем) на грузин, грузины – на китайцев, китайцы – на цыган и т. д.

А рынок? В таких разных странах рынок... что? Одинаково устроен, что ли?

Интересно: китайцы, наши великие соседи, вот так, как мы, раздухарившись, рискнули бы в один день ввести рыночные отношения на всей своей территории? На всех землях сразу? Скажем – в северных провинциях, граничащих с Россией?

Им с чем в рынок-то идти, этим регионам, если здесь, на этих землях: а) толком ничего не произведешь и б) ничего толком не вырастишь (чудовищный климат!). Самое главное: далеко (с товаром) не уедешь, топливо дорогое – горы.

В Тыву, кстати, по-прежнему нет железной дороги! Только самолетом можно долететь! Сталин, даже Сталин, не имевший привычки жалеть людей, не сумел построить здесь железную дорогу. Ей-богу: дешевле заново создать атомную бомбу, чем построить дорогу в Тыву...

Юг Гренландии – на той же широте, что и русская Вологда. По температуре Анкоридж, столица Аляски, это север Омской области. Из восьмидесяти девяти российских областей, краев и республик почти шестьдесят регионов – шестьдесят! – никогда не прокормят сами себя, такая у нас география.

А Гайдар? А Чубайс? Если от человека ждут идиотизма (американцы не ждали: требовали), его тут же называют профессионалом!..

Как можно на 1/9 части планеты рынок вводить одним махом, одним декретом – на землях, где половина площадей, если не больше, для рынка совершенно не годится, ибо земли тоже бывают разные, вот как?

Шпицберген и Новая Земля: здесь с 30-х работали уникальные специалисты, среди них – отец Майи Плисецкой.

Став и.о. премьер-министра, Гайдар тут же отказал «северам» в государственной поддержке. Зачем же их кормить, этих атомщиков, кому нынче нужны их полигоны, Америка теперь – наш лучший друг!

И – никакой возможности уехать на Большую землю, никакой...

Нет самолетов. В Осло – каждый день, но только с норвежской территории Шпицбергена! А у русских – один теплоход в году – старый, крошечный, вонючий. Но и он не по карману аборигенам-угольщикам, деньги не платят почти год, а живут они здесь на подножном корму.

1991-1992: на Шпицбергене сотни новых могил – люди (прежде всего ученые) умирают от голода.

И – сразу же появляются норвежцы, десятки тысяч норвежцев. Русские – вымирают. У них, у русских, такое нынче время. А норвежцы день и ночь строят на Шпицбергене военные базы.

Жуткая тема, больная – Китай. Начиная с 1991 года, Китайская Народная Республика получила от Российской Федерации в подарок более двухсот тысяч гектаров русской земли.

От руководства Российской Федерации. Лично от Бориса Николаевича.

В подарок! Просто, от широты душевной. Пострадали больше всех Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономия (и без того маленькая).

Ельцин хотел отдать Китаю и Хасанский район в Приморье, но местный губернатор Наздратенко так красочно расписал Ельцину, как люди в Приморье, тысячи людей, выйдут – в знак протеста – на улицы, что Ельцин – дрогнул.

Он приказал Примакову серьезно поговорить с Наздратенко, успокоить его, психопата, и все-таки – убедить, но Наздратенко взбесился еще больше и послал Примакова на три русские буквы – в пешее эротическое путешествие...

Гайдар все время повторяет – как мантру – одну и ту же фразу: «Государство должно уйти из экономики...» Успехи экономики (любой) определяются только одним критерием: как люди живут, ибо «все процессы реакционны, если рушится человек»!

Рынок – это конкуренция товаров. Прежде всего – конкуренция товаров. Эвенкия, русская глубинка. Какая, к черту, конкуренция может быть в Эвенкии? Каких товаров?

В Эвенкии нет денег, такая вот забавная деталь: в Эвенкии давно уже нет денег; начиная с 1992-го, здесь, в предбрюшье Таймыра, людям ни разу (из года в год!) не выдавали заработную плату и пенсии.

Нигде. Никому. И никто из рабочих людей ни разу не восстал, не возмутился. Просто не платили, и все: в отдельных районах по шесть-семь лет, где-то – и все девять...

Лет. Лет, господа. Забытая Россия. Неизвестная. Брошенная.

Хорошая традиция появилась у россиян: не брать денег за свою работу. Абсолютный рекорд в книге Гиннеса: люди живут девять лет на подножном корму без единой копейки!

Почему они не побросали работу? Чего ждали?

Работа, скрепленная записью в трудовой книжке, дает хоть какую-то надежду на деньги, на будущую зарплату, на жизнь...

Когда-нибудь должна же жизнь стать жизнью, а?..

Да и бежать-то некуда; случилось, люди в Эвенкии (на Чукотке, Таймыре, в Корякин, etc.) меняли свои благоустроенные трех-четырёхкомнатные квартиры на билет в Москву, в один конец. Но желающих приобрести недвижимость в Палане и – даже – в Норильске за один, хотя бы за один билет в Москву, не было. А ведь это кладовая России – полуостров Таймыр! Никель, золото, платина... Здесь богатств на триллионы долларов, но «живых» денег нет; просто нет; никель, золото и платина есть, а денег, рублей, нет.

За что им, коренным народам, платить, если их рыба и оленина пять раз протухнут, пока доставят их в те города, где есть хоть какой-то покупательский спрос? И они (плечо перевозки) станут, в итоге, золотыми, то есть тоже сгниют... в конце концов?..

Пусть уезжают, рассудил Гайдар.

Глупо жить там, где жить нельзя.

Куда поедут коренные народы? Где им ставить свои чумы? Кто их ждет? В какой стороне?

В конце концов зарплату в Эвенкии стали выдавать, но как? Точнее, чем?.. Кому рыбой (вместо денег), хотя здесь, в Эвенкии, все рыбаки, кому пилами, кому занавесками на окна, кому гробами...

Хорошо если зарплату выдавали навозом; гроб, конечно, полезная вещь, но навоз для хозяйства все-таки лучше.

Этот факт особо отмечен в новейшей истории страны: в 1992 году в ряде населенных пунктов Российской Федерации зарплату и пенсии гражданам выдавали говном.

Новая российская валюта. Гроб или навоз как официальный (государство платит!) эквивалент денег. Расчет хороший, точный – при такой жизни кто от гроба откажется?

– А как же старики... как? – орали наперебой Попцов и Полторанин.

– Они умрут, – чмокал губами Гайдар.

Хорошо хоть, Гайдар всегда слово держал. Если скажет – обязательно сделает. Но упрям – хуже ишака. Если заупрямится – баста, оглоблей не перешибешь!

Под видом капитализма Гайдар и Чубайс запустили в России процесс строительства идиотизма. И идиотизм, надо отметить, был построен очень быстро.

Когда Гайдар отпустил цены, министр внутренних дел Ерин ежедневно, начиная с 7 января 1992 года, сообщал правительству: «Групповых нарушений общественного порядка в связи с либерализацией цен не зарегистрировано».

В самом деле – народ безмолвствовал.

Ни одного митинга, никаких протестов...

Власть – успокоилась. Опасность, любую опасность, Ельцин чувствовал кожей. Просто гландами, если угодно. Убрать Гайдара, убрать Бурбулиса... – наобещали, понимать, Президенту... – а как убрать-то? Россияне и правда ошалели: чем хуже они живут, тем громче кричат, что страну от нищеты может спасти только Гайдар.

Вот уж действительно: чем хуже человеку, тем хуже он соображает. Кто же такие «мы, русский народ»... на самом /юле? Если бы в сороковом, когда Гитлер уже залил Европу кровью, Иосиф Сталин – вдруг – заключил бы с ним, с Гитлером, политический союз против Черчилля и Рузвельта (пакт Молотова – Риббентропа, кстати говоря, был тому как бы предтечей), то есть если бы Сталин (допустим эту мысль) рискнул бы создать с Гитлером как бы одно государство, новую фашистскую антицивилизацию... – послушайте, Советский Союз, наши народы, с удовольствием рукоплескали бы Гитлеру, ибо объединиться с Гитлером, с Германией приказал учитель, товарищ Сталин!

За неприятие пакта – сажали. В лучшем случае – выгоняли с работы. Но массовых протестов не было. В СССР их вообще не было – массовых протестов (если не считать восстание эзков в лагерях, когда приходилось использовать артиллерию и боевую авиацию).

Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) часто рассказывал эту историю. В Туруханском крае, где Сталин отбывал ссылку, у будущего вождя всех времен и народов была интимная подружка – Лидия Перепрыгина. Говорят (и пишут), что Сталин прижил с ней сына. Внебрачных детей у него было двое: один из них, Константин Кузаков, сделает большую карьеру в системе Гостелерадио СССР.

Возвращаясь в Курейку рано поутру, где полиция (на казенные деньги, естественно) снимала для Джугашвили комнату в деревенской избе, будущий вождь всех времен и народов видит: по льду через Енисей переправляются подводы. Мужики, женщины и человек двадцать ребятишек-мал мала меньше.

Лед тонкий, поздняя весна... – подводы тонут, медленно, на глазах уходят в воду.

Крики, истерика, в полынье кровь. Мужики не спасают детей и женщин – нет, они спасают только лошадей, с силой вытаскивая их на лед.

Сталин скинул сапоги и кинулся к полынье. Велик Енисей в этих местах, не успел он, припозднился. На льду – только мужики, лошади и трупы.

– Вы ч-что д-делае-те? – орет Сталин. – Дэти... дэти утопли!

– Э, мил человек, ты, видать, нездешний, – усмехнулся кто-то из бородачей. – Ты, брат, запомни: детишков мы скока хошь нашлапаем... а ты попробуй лошадь в Сибири купи!

Логика? Логика!

Народ, который не ценит собственную жизнь, не заметит и ГУЛАГ – Сталин это знал.

Придумала Россия образ русского человека. И сама в него поверила.

Точнее, не Россия. Интеллигенция.

Сталин убивал, страна пела ему осанну. Гайдар морил голодом (тоже убивал в конечном счете), страна сходила с ума от счастья – демократия!

Ночи в Кремле – страшные. Какие-то очень-очень черные.

Гробы кругом. Потому и страшно.

У Ельцина был детский страх перед покойниками.

– Да, зубы показать, зубы... ш-шоб все вздрогнули, понимать... так замутить в Москве, ш-шоб сам Иван Васильич, царь, от ужаса во гробе содрогнулся! Короче, нужен мятеж. Война нужна. На сутки. На двадцать четыре часа, но именно война!..

С трансляцией по телевидению. На весь мир, понимаешь! Пусть все, все видят: ему, Президенту России, бросили вызов «черные полковники». Вместе с коммунистами. Но как, как их завести... вот вопрос! Где тот бикфордов шнур, который давно полагалось бы всадить прямо в их чертовы задницы? И так закрутить – пусть запыхает все, пусть будут и страх, и кровь.

Начинать надо с Руцкого. Да, – «черный полковник», враг реформ.

Враг «божьей милостью...»

Для начала надо выкинуть его из Кремля. Отобрать кабинет! Кто сказал, что кабинет вице-президента должен находиться именно в Кремле?

Руцкой кинется к Хасбулатову, в Белый дом. Тогда-то все и начнется!

Других адресов у него нет.

Два лагеря: Кремль и Белый дом; Президент (демократы) и коммунистический парламент во главе с Руцким: военные против Президента-реформатора. Как в Чили когда – то. И он, Борис Ельцин, в каске и с автоматом. Вождь, который презирает смерть...

Самое главное – прямой репортаж во все уголки планеты! Президент-демократ Борис Ельцин лично ведет демократические отряды на штурм Белого дома, где окопалась недобитая советская военщина.

(Пометка в дневнике Президента: «Макашов. Больше идио-тизма!» Ельцин писал с ошибками, как умел, тридцать-сорок ошибок, не считая запятых, на каждой странице текста.) Люди идут... чтобы отдать жизнь за Президента – отца нации, Президента-реформатора, за народного заступника...

И красиво, черт возьми (при минимальном риске). Москва – сытый и богатый город, один из самых богатых в Европе. Москва в любом случае его поддержит! Хасбулатов – чеченец. Никогда Россия не пойдет за чеченцем. Россия пошла за Сталиным, но то был Сталин, а это Хасбулатов, – есть разница?

Или – Руцкой. (Пометка в дневнике Президента: «Важно показать его еврейские корни».)

Как их завести, как?

Ельцин все время думал об этом.

Труд, настоящий труд измучил Ельцина. Он физически не мог читать полтора-два килограмма бумаг каждый день. В экономике он вообще ничего не понимал. Ему подобрали хоро-

шего учителя – Павла Медведева, спокойного и деликатного человека. – Нет, не получается. Ельцин сразу все забывал, Медведев уходил, Ельцин тут же приглашал Коржакова и сам разливал по рюмке:

– Что он говорил, а? Темный лес...

– Вернуть? – улыбался Коржаков.

– Что вы, что вы, не надо...

В Кремле Александр Васильевич занимался сейчас абсолютно всем. Он был (по факту) вице-президентом Российской Федерации.

А Ельцин все чаще и чаще срывался: бросал Кремль, уезжал в Бочаров Ручей.

Работать с документами.

Почему «с документами» работать надо именно в Сочи, понимала, разумеется, вся страна...

Да, Коржаков был у Ельцина как «дядька» – спиваясь, Ельцин вел себя очень агрессивно, по-детски (алкоголики всегда чуть-чуть дети), и преданный «дядька-слуга» был при нем необходим.

Забыл, забыл Президент: «Для швейцара нет героев!»

Влияние Коржакова определялось не столько его личными способностями, его интеллектом, сколько тем, что Коржаков всегда был рядом с Ельциным, в любую минуту. А к Ельцину – вдруг – действительно возвращалось детство: беда, например, если к нему в руки попадали столовые ложки.

Ельцин обожал играть на ложках. Раздухарившись, он барабанил ими по столу, по тарелкам... ну а «под парами», особенно – после обеда, Ельцин становился особенно музыкален.

На Кубке Кремля произошла драма. В vip-ложу подали мороженое.

Ельцин схватил ложку, другую вырвал у Наины Иосифовны. Ступенькой ниже, прямо перед Ельциным, тихо сидел, наслаждаясь теннисом, Вячеслав Васильевич Костиков, его пресс-секретарь. Лысая, как шар, голова Костикова маячила перед Ельциным. Ельцин поднял ложки и вдруг так вмазал ими по голове Костикова, что Вячеслав Васильевич (по прозвищу «шут гороховый») подпрыгнул аж на метр!

Ельцин мурлыкал себе под нос какой-то мотив, кажется – африканский.

Костиков схватился за голову, но это же сам Президент развлекается, наш дорогой Борис Николаевич! Костиков изобразил счастье, но в ту же минуту Ельцин так саданул его по черепу, что хлынула кровь.

Костиков чудом не потерял сознание, но все еще улыбался. А Ельцин вошел в раж: он колотил по голове Вячеслава Васильевича с таким отчаянием, будто решил забить его насмерть.

Коржаков не решился отнять у Ельцина ложки, боялся, что он буяннить начнет. По его приказу ребята из охраны отвлекли Ельцина, когда Ельцин отвернулся, Костикова сразу увели, забинтовали и отправили домой.

Бок о бок с Костиковым сидел Президент Кыргызстана Аскар Акаев. Беда в том, что когда у Ельцина кураж, если он, «в расположение вошел», как говорил Коржаков, то какая ему разница, на чьей голове играть?..

Коржаков (вот он, опыт) мгновенно перехватил в глазах Ельцина злую молнию! Он за руку, резко, выдернул Акаева с трибуны, причем Акаев – не сопротивлялся!

Костиков еле живой, кровища хлещет, зато Акаев свеженький и голова у него соблазнительная, как магнит...

Да он весь ряд бы перебил, наш Борис Николаевич, он же «в расположение вошел...».

Акаева пересадили подальше от Ельцина, согнав со стульчика заместителя министра культуры Швыдкого (с ним вообще не церемонились).

А Костикову, кстати, не привыкать: для обитателей Кремля он и в самом деле был как живая игрушка. Путешествуя (весна прошлого года) по Енисею, Президент России во время шикарного застолья распорядился вдруг выкинуть Костикова за борт. В Енисей. Прямо сейчас. Не мешкая.

Осерчал Борис Николаевич... или еще что накатило, но Костикова, короче, вон Костикова с корабля!

«Где охрана?! – крикнул Ельцин. – Исполнять!»

Коржаков пропустил, увы, эту драматическую минуту. Был внизу, в каюте, в карты играл...

Вода в Енисее – плюс два градуса. Сотрудники службы безопасности (приказ Президента страны!) схватили Костикова за руки, за ноги, размахнулись – и полетел он, раб божий, в холодные сибирские воды, иными словами – на тот свет...

Корабль на полном ходу, вода – ледяная, а Костиков (хорош шут!) еще и плавать не умеет, только орет что-то благим матом, он же пьяный...

Что было бы с Президентом Америки, если бы он – вдруг – утопил своего пресс-секретаря?

– Теперь спасайте, – буркнул Ельцин, убедившись, что Костиков: а) с головой ушел под воду и б) скорее всего – уже на дне.

Спасли. В воду кинулся Пал Палыч Бородин, бывший мэр Якутска, человек закаленный. А если бы Борис Николаевич стоял насмерть? Запретил бы нырять?

Вот если бы, неровен час, не хватило бы ему гуманизма?

Нашли, слава богу! Не принял Енисей Костикова. Течение вынесло.

Выплюнул Енисей его тело.

Костиков быстро пришел в себя. Мог бы инфаркт схватить, но обошлось, слава богу...

Ходит, улыбается...

Остался служить Ельцину верой и правдой!..

Они часами сидели друг возле друга: Ельцин и Коржаков.

Ельцин не мог, физически не мог, находиться один. Накатывал страх... Нет уж, пусть кто-нибудь всегда будет рядом. Сидит Коржаков на стуле. Вот и хорошо, что сидит, пусть охраняет...

Вокруг – тяжелая кремлевская тишина.

– Ш-шта, Александр Васильевич, м-может, коммунисты с летчиком... с нашим... как-то там поработают, а?

Таких, как Руцкой, он никогда не называл по имени.

Коржаков встал.

– Сядьте обратно, понимаешь... На стул.

– Мы... когда с Зюгановым, Борис Николаевич, торговались, Руцкой в курсе был. Схему знал. Видьманов, его сын... Олег, по-моему, банк в Ларнаке, счета... От нас – Илюшин для связи. Я докладывал.

– Помню. Не забыл.

– Так Руцкой гарантом был! Когда Зюганов его из партии гнал, они тогда закореслились.

– У них шта-а... договор был? – заинтересовался Ельцин.

– Так точно!

Ельцин подошел к окну.

– Гадюки-ить.

– Абсолютно верно, Борис Николаевич. Гадюки.

– Проститутки.

– В проституции, однако, не бывает кризисов! Девочки нужны при любой погоде, – усмехнулся Коржаков.

Пробили куранты, впереди ночь.

– Скажите... ш-шоб ч... ч-чаю принесли, понимаешь...

Коржаков приоткрыл дверь в приемную:

– Чаю Борису Николаевичу. И бараночки положите. С маком.

– А я б-бараночки не хочу, – Ельцин тяжело поднял голову. – Н-не надо мне в-ваших... б-бараночек...

Куранты били чуть слышно, играли сами с собой.

– Зачем мне б-бараночки? А? – Ельцин встал перед Коржаковым. – Я шта... просил?!

Ельцин, конечно, боялся Коржакова, его кулаков. Александр Васильевич однажды не выдержал всех этих вопросов-расспросов и так звезданул Президента России по уху, что у того в глазах потемнело...

Ничего, Ельцин смолчал.

– Вечно вы... п-превышаете, Ал-ександр Васильевич... Вы кто здесь? Охранник, понимать... А ч-чего ж тогда л-лезете? Охранник – так охраняйте!..

В Астане (два дня назад) Назарбаев настойчиво поил Бориса Николаевича: «по рюмочке, по рюмочке...» И тут же, за обедом (Ельцин опьянел быстро, уже совсем плохо работала печень), Ельцин и Назарбаев подписали тяжелейший (по условиям) для России договор о Байконуре.

Коржаков попытался вмешаться, но здесь уже Борис Николаевич, вдребезги пьяный, прицелился вмазать ему по зубам – кулак промахнулся...

Коржаков не был Ельцину другом, друзей у Ельцина не было. Даже собутыльников настоящих у Ельцина не было: обедал он исключительно с Федором Михайловичем Морщаковым, управделами своей администрации, в прежние годы – первым секретарем Свердловского горкома партии.

Говорить с ним было не о чем, разве что – об охотничьих ружья. Пили Ельцин с Морщаковым на скорую руку, без души... Просто как пацаны в подъезде. Коржаков, ненавидевший «ритуального пьяницу», быстро добился его отставки. Ельцин вынужденно согласился, что если Федор Михайлович берет столько на грудь в разгар рабочего дня, это очень плохо для государства.

Его сменил Павел Павлович Бородин, «самый русский человек в Якутии», как отрекомендовал его Коржаков...

Выбор безошибочный. Ельцин сразу узнал Бородина – в Якутске, за полгода до этого, Пал Палыч спас Президента России от небывалого позора.

...Официальный визит Ельцина в Якутск. У самолета-триста встречающих (ровно триста, по протоколу, 299 человек + медвежонок Ванька, его хотели преподнести Ельцину в качестве главного подарка от республики, но в суматохе забыли). Президент Николаев, республиканские, городские и районные vip-персоны, нарядные девки с лентами, ребяташки из местной шахматной школы (почему-то пришли с шахматами) и т. д.

Большой праздник, короче говоря.

Здесь же, на аэродроме, Президенту преподнесли шубу из полярного волка, лохматую шапку и рог с кумысом. От избытка чувств Ельцин маханул весь кумыс сразу, одним глотком. И, для убедительности, шмякнул рог о бетонные плиты.

Минут через пять кумыс напомнил о себе. Сначала Президент держался: закалка... что ни говори. Потом (к ужасу встречающих) Ельцин вдруг рванул к трапу – обратно в самолет.

На аэродроме – тишина. Немая сцена, как у Гоголя в «Ревизоре».

Глава Якутии Михаил Николаев схватился за сердце: ему показалось, что Ельцина плохо встретили, он обиделся и улетает из Якутии навсегда.

Кумыс, проклятый кумыс! Сначала он пучил. А потом такой канкан начался. Мэр Якутска Бородин сразу понял, что случилось с Президентом. Вот как в России надо делать политическую карьеру!

Новенькие туалеты из сосны встали, как часовые, по всей дороге от аэродрома до резиденции Президента Российской Федерации.

Откуда они?

С какого-то склада. Туалеты новенькие, чистые, просто красавцы! Хорошо пахнут – лесом, тайгой.

Главное, сколько их, сколько! Якуты тащили туалеты на себе со всех сторон; их ставили прямо на снег.

Понимая, что Ельцин сейчас «в случай вошел», милиция обратилась к жителям республики, явившимся – по разнарядке – на торжественную встречу Президента Российской Федерации с просьбой немедленно разойтись по домам, но якуты (вот ведь недогадливый народ!) уходить не желали.

Потрясая портретами Президента, они так и стояли вдоль дороги: им хотелось увидеть кортеж.

Пришлось применить спецсредства.

– Доведем? – Коржаков с надеждой посмотрел на Бородина.

– Обязаны, – кивнул Бородин. – Наш долг!

И все равно якуты уходить не желали. Побросав красные знамена, они скрывались за домами, а потом внезапно выбегали на дорогу – помахать Борису Николаевичу рукой.

А если Ельцину в этот момент вдруг понадобится в туалет?

Был отдан приказ провести на дороге спецмероприятие.

Кем? Кем-то...

Провели хорошо, крови почти не было, только выбитые зубы.

Кортеж Ельцина останавливался на трассе трижды, вместе с остатками обеда кумыс выливался из Президента России как из ведра.

– Сколько же в нем дерьма, – сплюнул Коржаков...

С тех пор охрана Ельцина всегда брала с собой памперсы; с Борисом Николаевичем и в самом деле может что угодно произойти, особенно в поездках, где такое гостеприимство!

Куранты ударили десять раз – десять часов вечера.

– Вы, Коржаков, всегда п-превышаете... – Ельцин внимательно посмотрел на начальника охраны, – не по чину все... понимать.

– Борис Николаевич...

– Есть в Африке племя, – Ельцин поднял указательный палец и закусил губу. – И очень хорошее, я считаю. Там – закон. Кто умнее вождя, того сразу съедают... Жарят на костре, как шашлык. Обычай такой. Правильный обычай, я думаю... – И Ельцин внимательно посмотрел на Коржакова.

– Борис Николаевич, у нас...

– Замолчите.

– Слушаюсь.

Ельцин имел привычку не договаривать слова и фразы, полагая, что его мысль и так изложена достаточно четко.

Да, были, были у него периоды, когда он работал как заведенный, вникая в любые вопросы, тем более международные. Но проходила неделя-другая, и опять «работа с документами», недели на две...

– Послом в Африку отправлю, – подытожил Ельцин. – К людоедам.

– Есть, – начальник охраны щелкнул каблуками.

– Или – в Ватикан. Там-ить гробы кругом, тишина и красота. Вам хорошо будет... под старость.

– У Ватикана – самая сильная разведка в мире, Борис Николаевич. Лучше МИ-6, – вставил Коржаков.

– В Африку, – Ельцин кивнул. – Тоже хорошо. В жару.

– Служу России! – Коржаков опять стукнул каблуками.

Наина Иосифовна под страхом смерти запретила держать на даче спиртное. Убрали все, даже одеколон, поэтому Ельцин уже с восьми утра неся на всех парах в Кремль.

– Михаил Иванович, – Ельцин тут же звонил Барсукову, – что у нас есть там, понимаешь?!

Барсуков (а что было делать?) брал бутылку водки, заворачивал ее в газету – и к Президенту!

Потом (Коржаков подсказал) изготовили специальную папку – вроде как для бумаг, куда легко входила плоская фляга, Ельцин принимал не много, грамм сто – сто пятьдесят и, как говорится, «приходил в сознание».

– Што вы... как клоун, понимаешь?

– Жду, Борис Николаевич. Пережидаю, когда закончится этот чертов цирк...

– Не чертыхайтесь – не люблю.

– Есть!

– Запомните, я умею стирать в порошок.

– Так точно!

Ельцин повернулся к Коржакову спиной и медленно, тяжело подошел к окну.

– Готов вылететь в Африку уже этой ночью.

– Вы Абрамовича такого... знаете – Круглый сирота, Борис Николаевич. Ни отца, ни матери, ни стыда, ни совести.

– Потом поясню, почему спрашиваю, – Ельцин устало отвернулся к окну.

– Слушаюсь!

Часы на кремлевской башне сообщили людям, что их жизнь сократилась еще на пятнадцать минут.

– Значит, так, – Ельцин встал перед Коржаковым. – Жизненно важно: Хае. Продумайте все до мелочей. Вы вообще... больше думайте, генерал, это правильно будет, – и Ельцин опять поднял указательный палец. – Если Москва... на мне, понимаешь, стоит, то на таких, как Руслан, держатся провинция и Кавказ.

Ельцин смотрел на Коржакова так, будто прежде никогда его не видел.

– Летчика нашего... давно пора в вираж крутануть, ш-шоб, значит, свечкой торчал, вверх тормашками, понимаешь! Когда гадюка в кустах, ее не все видят. Что надо? Ш-шоб она подняла голову.

Летчик с Хасом в дружбе, вот пусть и слепят что-нибудь... ну, заговор какой-нибудь, ш-шоб оружием бряцали и ш-шоб весь мир, понимаешь, увидел бы эти рожи.

Активно надо соображать, короче говоря. Первые пусть начинают.

– Так точно. Сделаем.

– Барсукова включите.

– Есть!

– Грачева... пока не надо. Приказ, короче: ищите грязь под ногтями. А будете превышать – сразу загоню, вы меня хорошо знаете... Как Кутузов – Наполеона.

– Лучше я здесь сдохну, Борис Николаевич. За веру, за Отечество... русское. За Президента.

Коржакову показалось, что Ельцин смотрит на него как на сына.

– Покарано.

– Есть!

– Тогда ч-чаю несите... Где там ваши б-бараночки?..

5

Настоящую женщину понять невозможно. Ева ужасно злилась на Альку: Сергей Иннокентьевич – мужчина джекпотовый, потому что вот-вот помрет, рак селезенки, денег у Сергея Иннокентьевича море и на баб клюет, как лосось в путину.

Лосось перед смертью все сметает на своем пути. Чего же еще этой дуре нужно?

Если же Сергей Иннокентьевич, Алинька, для тебя не джекпот, значит беги, дура, в свою Вологду, обратно к маме с папой, и там, в Вологде-где-где-где, в Вологде-где... ищи, дура, свое женское счастье: рожденный ползать летать не может!

Ева редко курила, обычно – «Беломор» (для гламура, так сказать).

Баловалась травкой, но исключительно в компании.

Если не в компании, это уже наркомания, а наркоманов и наркоманок Ева презирала.

Она мечтала о Нью-Йорке, ментоловых сигаретах и ванильном кофе, но швейный техникум в горьком городе Горьком навсегда из Евы выбил эту дурь. Ну а как? Ученик слесаря прощается с детством уже после первой фразы слесаря!

Национальная особенность, так сказать.

Ева все утро мысленно разговаривала с Алькой. Не умеешь, дурында, мужика приручить, значит, возьми конфетки соответствующие, сделай хороший чай, – Сергей Иннокентьевич, коммунист наш, Сергей Иннокентьевич ни за что не догадается, что «Виагра» нынче и в конфетках бывает!

Спецзаказ от девочек. Молодцы фармацевты, четко держат руку на пульсе. После таких «конфеток» даже дождевой червь гвоздем станет, факт!

Святое дело, Алина, быстро превратить старый коммунистический стручок в рог изобилия! Чем гвоздь и стручок отличаются? Принципиальное отличие: стручок смотрит только вперед. – Сергей Иннокентьевич всколыхнется, если его стручок поднимется, как Александрийский столп, он же сразу в загс рванет, узаконит отношения, иначе столпа не будет, это же рычаг!

Ева всякий раз с удовольствием убеждалась, что у мужиков только одно на уме...

Сначала Евик (так звала ее Алька) была обычной «рублевой» проституткой, работала у себя на родине, в Горьком, потом, уже в Москве, превратилась в «охотницу». Сейчас Еве уже 32 года, и возраст, конечно, берет свое.

Неудачи посыпались одна за другой: последний «клиент», сволочь, так бушевал всю ночь – о! В кругу подруг Ева проговорила по пьяни, что ее нынешний «роднуля» вшил в свой стручок металлические шарики. Для «космического», как он сказал, эффекта. Чтобы Ева от счастья на стенку полезла.

Такие операции тогда только-только входили в моду. Делали их подпольно, за двадцать пять рублей – по цене аборта. Но эффекта никакого, – чистая разводка, жаловалась Ева. «Клиент» узнал, донес кто-то из подруг... – да, сильная получилась ночь, с разными спецэффектами. Товарищ... дядя Сережа звали... так рассвирепел, что отобрал у Евы все, что у нее было, отнял, чумозник, даже то, что другие дарили, обообрал, короче, до нитки.

Ева сразу повзрослела, как-то резко; в ней появилась усталость, свойственная людям, которые быстро, мгновенно теряют вкус к жизни. Ева перевела себя на «преподавательскую» работу, открыла агентство «Мадемуазель», набрала девушек, потеснив на рынке «общественных услуг» самого Петра Листермана.

– Вы – девушки приличные, – учила Ева вчерашних школьников, сегодня студенток, – и сами должны догадаться: язычком надо работать, а не болтать, ибо когда мужчина увлечен женщиной, даже тараканы у нее в голове кажутся ему божьими коровками!

Сразу, как только познакомились, девочки, ножки – треугольником... Снимаешь трусики... никаких колготок, дуры, запомните: колготки еще в лифте надо снимать! Так вот,

ножки треугольником, потроха наружу: потрогай, ветеран чертов, здесь уже все мокрое... Сгоришь ты, милый, в этом огне, сгоришь, только в таком огне приятно сгореть!..

Это шлюхам платят, шлюхам! Приличных девушек балуют...

Алька – звезда. Фигурка, стиль, личико... да и не дура она вовсе, но упрямая – убиться веником, ей-богу! Ветер в подоле гуляет, а ведь ребенок, полученный от правильного отца, это супервложение, это эффектная жизнь на все оставшиеся годы, прекрасный вариант безбедной старости!

Ребеночек... когда вырастет... сам проживет. В древности (хороший пример!) кто трясся над детьми?

До Альки с Сергеем Иннокентьевичем работала Вика – худенькая рыжуха с длинной косой. Сначала она хотела обобрать его по-быстрому, но, узнав, сколько у него денег, решила задержаться у Сергея Иннокентьевича на всю жизнь.

Рыжуха залетела почти сразу, редкая удача! Проколола презик булавкой, словом – все, как учила Ева. Что же, – Сергей Иннокентьевич не испугался, смирился, заранее назвал мальчика Арсением, и Арсений теперь даже во сне к нему приходил.

А что оказалось? Вика, безмозглая дура, закадрила где-то чернокожего парня из института Лумумбы (вечера дружбы проклятые!), а очнулась только наутро, голая и вся... в сперме!

Сколько же в них спермы, черт возьми, в черных гостях нашей древней столицы...

Сергей Иннокентьевич, душка, Арсения ждет, на родах желает присутствовать, а тут вдруг вылезает прелестный негритосик:

– Здравствуйте, дорогие! Я ваш сын из солнечной Анголы!

Могла бы сообразить, идиотка: быть пьяной на вечеринке – это всегда к пополнению в семье...

Депутатов, которые оставались верны своим женам, девчонки звали «одномандатниками». Так вот, до Вики Сергей Иннокентьевич был глухой «одномандатник», и Вика – его разбудила! «Ласково, ласково надо, – учила Ева, – с душой! Милый, жду тебя, жду... с распростертыми ногами!..»

Платье сопливенького цвета, чулочки, чтоб их видно было... чулочки – это вместо трусиков, сообразить пора, черт возьми, если в чулках – не холодно, значит, можно и без трусов, как Шерон Стоун в «Основном инстинкте».

В младших классах мальчики бьют девочек портфелям по голове, а потом удивляются, что все красивые девушки – дуры! Была бы Вика умнее – отвалила бы в роддом денег, так черного там бы вмиг на обычного заменили, вон их сколько «отказников»! Когда есть бабло, самосев очень легко устранить, но Вика до такой степени испугалась Сергея Иннокентьевича, что все ему рассказала!..

Сволочь московская.

С горя Сергей Иннокентьевич так напился, что танцевал у себя в гостиной с лопатой, потом – с веником, целовался со стенкой, так пока не упал.

Как говорил гражданин Жириновский: «Пушкин несчастный был. Лучше бы его совсем не было...»

Полгода прошло, – любые предложения о сексе Сергей Иннокентьевич как террористический акт воспринимал, и Ева в конце концов отправила к нему Альку Сергей Иннокентьевич приободрился: девятнадцать лет, хороша собой, большая, агрессивная грудь!..

На самом деле «охотницы» совершенно не уважали деятелей Коммунистической партии России: платят сквозь зубы, обожают «эскорт», но с женами не разводятся, у них, блин, мораль, высокие принципы, любо-дорого посмотреть...

Нездоровым мужчинам всегда нужен здоровый секс.

– У порядочной женщины каждый мужчина – первый, – напоминала Ева.

Она учила девочек, как надо знакомиться с богатыми мужчинами. Даже на улице. Или в ресторане, но лучше – на улице, потому что улица – это всегда шанс.

– Мужчина, помогите мне вещи перевезти!

Если мужчина не фыркал, не грубил, не посылал, наоборот – становился галантен, вопрос (всегда) был один и тот же:

– Куда прикажете?

Или:

– Куда и когда?

Ева закатывала глазки:

– К вам...

На самом деле, она учила девочек играть «в долгую». Главное – родить ребенка, через ребенка – обобрать мужика до нитки, но ведь они, идиотки, не умеют «в долгую», считают, что за дательным падежом сразу идет родительный, но мужики-то сейчас умные стали!

Любовь как страхование жизни: чем позже подписываешь договор, тем выше взносы и ставки...

Буклеты «Мадемуазели» сочинял вечно голодный журналист Андрей Ванденко из орденосной комсомольской газеты. Писал Ванденко образно: «Она – неземной красоты и неприступна для соотечественников. Вы – хорошо обеспечены и, разумеется, очень заняты, но она подарит вам свою улыбку, выпьет в вашем обществе чашечку кофе, съездит с вами в Париж или в Монте-Карло...»

Словом, так, мужики: можно красиво и романтично, можно некрасиво и сразу, главное – плати!

– Запомните, овцы, – повторяла Ева, – рассуждений меньше, секса – больше. Женская логика неизбежно оставляет след на мужской психике, – понятно?

Нет, правда дуры: хи-хи-хи... в ответ.

– Вы уверены, – усмехалась Ева, – что «эскорт» ничем не отличается от проституции? Послушайте, овцы, – вы даже Пушкина прочесть не умеете! «...Весной ей минет восемнадцать!» Вика, Алька... где ударение надо поставить? Вот – вот: один минет на уме! Если не врубаетесь – так врубайтесь, со слуха берите: любовь есть оправдание того, как выгоднее продать свои чувства!

На самом деле Ева учила девочек рыночной экономике.

– Знакомство с мужчиной – это волевой акт, – учила Ева.

– Какой акт? – насторожилась Алька.

– Волевой, дура... В человеке все должно быть гармонично: тупость, слабость и злоба.

Плохо Алька соображала, плохо. А что сделаешь? Тупость сейчас – примета времени.

– Все, зайчик, мы расходимся, – заявил Альке один из ее «клиентов», Игорек.

Хороший мужчина. Магнат.

– Что, кого-то лучше нашел? – удивилась Алька. – Тараканы у тебя в башке опять проголосовали против меня?..

– Не лучше, но дешевле, – уточнил Игорь.

Так и сказал.

– Жадный тормоз оказался, – констатировала Алька. – Слушай, Евик: весь струпьями покрыт, как Чубайс, когда нервничает, и чешет, чешет, сволочь, свои струпья аж до крови! И еще вонючкой какой-то мажется. По пятницам хреначит в Иорданию на Мертвое море, ему там лучше становится, как вернется – все по новой...

– Обращаться с девочкой надо аккуратно, как с елочкой, – учила его Алька.

– Вырубить и отнести домой? – спрашивал Игорек.

Вроде бы он увлекся Алькой, но быстро ее разлюбил.

Как же сильно он разлюбил, Господи!

Настоящая любовь из всех вечных явлений длится короче всего...

Сцепились они на освящении новой шестицилиндровой колесницы Игоря – белого «лек-суса».

Все красиво и торжественно: очень много гостей, батюшка протоиерей Дмитрий чинно, с достоинством, освятил лимузин и тихо, на ушко, попросил Игоря дать денег на канализацию в приходе, но Игорь не слушал батюшку. Игорь вцепился вдруг Альке в волосы, потом выхватил у отца Дмитрия кадило и с такой силой залепил Альке кадилом по лбу, что от ее лба ничего не осталось... – вообще ничегошеньки!

Как писал полководец Суворов своей маленькой племяннице: «А вчера, детонька, ядрышко оторвало моей лошадке полмордочки...»

Алька, конечно, сама виновата: Игорь полетел в Милан на переговоры, Альку взял с собой, они сразу прошлись по галерее короля Виктора Эммануила, где Алька мастерски развела Игоря аж на четыре сумочки. А утром, когда Игорь умчался на деловую встречу, Алька явилась обратно в галерею: сумочки, мол, чудные, но не подходят, ценники не тронуты, все на месте, будьте любезны – денежки обратно!

У хороших магазинов есть такая особенность: если вещи не подходят, они тут же возвращают деньги.

Как Игорь узнал, а? Мужики, правда, поумнели, сейчас только дикие папуасы с севера клюют на фразочки типа «я тебя люблю и хочу ребенка»! Но папуасы (север есть север) всегда окольцованы, там народ всегда друг за друга хватается, выбор-то невелик!..

Каков идеальный размер мужского достоинства?

Правильно, сто миллионов долларов.

...Ева лежала на кушетке, подтянув к себе телефон: ночная сорочка сбилась, а трусики Ева надевала очень редко, тем более дома; берегла вещи.

Честно говоря, Ева любила поспать: сны дарят мечты.

Спишь, и снится тебе...

Как же хреново в этой стране, Господи! Особенно по утрам.

И сон нынче был плохой. Еве снился импозантный мужчина с усами, она с ним кокетничала:

– Молодой человек, вы что? Меня клеите?

А он грубо так отвечает:

– Девушка, перед тем, как клеить, вас сначала надо обезжирить...

А Алька – жопка, конечно: без санкции Игоря выстригла на лобке кобру.

Вторая прическа, так сказать.

Девочка, милая... узнай сначала: вдруг твой мужик животных не любит? Каково ему на твою кобру пялиться? Ты еще профиль генпрокурора нарисуй, то-то веселуха будет!..

До Альки (прошлый год) Игорь путешествовал по Волге и компании других девушек из «Мадемуазели», Сонечки и Вероники, причем Вероника – девочка не рабочая, чистая, из богатой семьи, в «эскорт» явилась от скуки, чтобы развеяться и интеллектуально обогатиться.

Вика сразу заметила, что в пиджаке Хозяина (так девушки окрестили Игоря) две приятные пачки долларов.

Разве можно кочегарить там, где кочегарить нельзя? Сидеть с лимонкой в ж... и ждать, когда она взорвется?

Пока Игорь и его друзья спали, Вика старательно и упрямо скручивала в трубочки эту зеленую массу. Обе пачки, пусть с трудом, но все-таки влезли у девушки туда, откуда иной раз появляются дети.

Нашпигованная «зеленью», как утка яблоками, Вика эффектно «подала» себя к завтраку.

Там же, за завтраком, «любимка Игорь» вдруг хватился денег. Всю яхту перебардачили вверх дном, раздели девочек догола, но в «сейф» естественного происхождения, в естественную монополию... так сказать, залезть не догадались.

Им бы «ковырялочку» устроить, да ума не хватило, потому как сосунки еще, до собственной яхты не доросли.

Там двадцать тысяч. Но Игорек и другие парни в долгу не остались. Деньги могли украсть только девочки, больше никому. Яхту отогнали подальше от берега, Вику и Соньку скинули в воду.

Разумеется, в чем мать родила.

Вика предполагала, что купюры – выпадут. Или промокнут.

Плывут они к берегу, вода теплая, лето. Вика переживает:

– Слышь, подруга, а водичка заходит... в место общего пользования? Ты не в курсе?

Сонька молчит, про себя – матерится.

Вылезли они возле старой березовой рощи. Промокнули тело и волосы газеткой «Труд», найденной в кустах.

Прежде всего Сонька врезала Вике по роже.

Вика обиделась:

– Мне – «понтиак», тебе... «Жигули», для всех сразу борзуюсь...

Тихо, людей нет, поля зеленые, неоглядные, птицы поют, пчелки мед собирают. Сонька быстро смастерила себе и подруге юбочки из лопухов.

– Круто! – похвалила Вика. – Маугли, блин!

Хорошо, что дед какой-то на телеге в райцентр катил. Молоко вез, видимо на рынок.

– Дедуля, подбрось, озолочу...

Дед обмер: голая девка запускает пальцы между ног и вытаскивает сто долларов.

– Ну и копилка у тебя, доченька...

– Не переживай, дед! Настоящие. Только вот подсохнут немного.

Старик оторопел:

– Вам бы, девки, в цирке выступать!

– А у нас и так цирк, – хмыкнула Сонька. – Водная феерия!..

...Получилось, короче, что Алька огребла по совокупности – за всех. Игорь исчез, Игоря сменил Сергей Иннокентьевич, постоянно ловивший ее на «потусторонних связях».

– Милый, с презервативом – это не измена, – доказывала Алька.

– Тогда с глушителем – это не убийство, – не соглашался Сергей Иннокентьевич.

Серьезный мужчина!

Да, Альку воротит от запаха из его рта, но очень хорошо, что Сергей Иннокентьевич не любит целоваться; эти вонючие слюны Алька точно бы не пережила. Другая проблема – копье Сергея Иннокентьевича. Категорически не готово к серьезной работе. Алька из кожи вон лезла, что только ни делала, но отдачи – ноль. Ей же страсть полагается изображать, но как же любить то, что хочется сразу откусить?

– Ты угадываешь все мои желания... – бормотал пьяный Сергей Иннокентьевич. – Ты делаешь меня счастливым...

– Еще водочки? – предлагала Алька.

– Офигеть... Как это у тебя получается?..

Да, – старики в России все какие-то неухоженные, чухлые и выглядят старше своих лет – не умеют быть старыми!

Ева взяла телефон, набрала номер.

– Маленький... ты где?

– Выезжаю, – зевнула Алька.

Спит, зараза. Фраза «выезжаю» означает, что она сейчас начинает думать, как собраться, чтобы начать собираться.

Девочки, которые в школе сидят у окна ближе к батарее, созревают раньше всех, уже в 6-м классе.

Алька понимала: она уже никогда не вернется в Вологду.

Дудки! Этот город, Москва, взят! Алька (самое невероятное) даже не тряслась теперь за свою фигуру, ела в обе щеки, да еще и на ночь!

– Смотри, малышка, скоро за тебя только любители сумо заплатят... – предупреждала Ева.

На голодный желудок «Беломор» не хуже травки, между прочим. Ева взяла из портсигара папироску и попыталась вспомнить: завтракала она или нет.

Если память слабеет, значит, печень совсем плохо работает...

Селедку, селедку надо есть. Или кильку, но лучше селедку. Никогда не будет проблем с памятью. А вообще, чтобы в некоторых местах не поправляться, надо в некоторых местах не объедаться! Рестораны, еда дорогая, эксклюзивная, ешь и не знаешь, что ешь, но если правильно тошнить, учила Ева, можно иногда и пирожные, плюс-тренировка глубокого минета.

– А тренировка на хрена? – удивлялась Алька.

– Вот овцы! Чтоб усталости не было. Плюс – контролируемый позыв к тошноте. Если вот так, до пяти утра, в постели барахтаться, все может быть... Прямо в кровати! И еще, овцы, нельзя храпеть. Если храп, ты вообще стоишь два доллара!..

Девочка одна... в «Дягилеве». Ободралась наркотиками и рвотой подавилась прямо в центре зала. Так ее, дурынду, до утра в кабинке туалета прятали (тело, значит), чтоб другим гостям настроение не испортить. Ну и вынесли потом незаметно...

А еще Еве пригрезилось сегодня, что Сергей Иннокентьевич помер. Черный гроб, обитый кумачом, портреты Ленина, Зюганова и чей-то еще, кажется – Ворошилова. Кто – то – похоже, Зюганов – сорвал с башки кепку и речь толкает. В этот момент Алька, борзуха, вцепилась в Еву прямо у гроба и отгрызла у нее палец, потому как Сергей Иннокентьевич, умирая, оставил ей только дачу в поселке ветеранов партии и мопед...

А девки, надо же, еще и спорят между собой – есть польза от наркотиков или нет?

Почему никто не спорит о вкусе цианистого калия, – а?

Может быть, Сергея Иннокентьевича перегрузить той же Вике? Пусть уже отъедет скорее, чтоб другим людям жизнь не портить!

Отметал икру, дал деткам жизнь... ну и умри, лосось, с чистой совестью!

Вчера пришел заказ. Кто-то... человек с именем, политик, хотел бы иметь девушку «для души», как было заявлено, и обязательно – с интеллектом. Ева хотела послать заказчика в общество «Знание», но следом пришла платежка. Да: если такое бабло тратится за «разговоры по душам», сколько у людей денег, а? Особенно – у политиков?

Галстук от Кардена, заколочка «Роллекс» и девушка с длинными ногами – образ мужчины эпохи Ельцина.

Ева не понимала: откуда среди людей такое сейчас одиночество? Рискнуть? Скинуть «массовика-затейника» Альке? Но как привести ее в чувство?

Есть, впрочем, хороший, очень надежный способ: если Альку незаметно травануть, но со знанием дела, так сказать, тут же поместить ее в нормальную клинику, руки ей целовать, плакать от счастья... нет, не плакать... рыдать, рыдать от счастья, что Господь услышал ее, Евы, молитвы и сохранил Альке жизнь, то у этой дурочки сердце сожмется в кулак и станет она совсем ручная!..

Вовремя подрезать корону на голове у человека – значит, сохранить человека для общества.

Ева ждала Альку.

6

Гейдар Алиевич родился в Нахичевани, в очень бедной семье; он рано потерял отца, рано стал (вместе с Джелалом, младшим братом) кормильцем огромной семьи. Алиев лучше всех знал родной Азербайджан, особенно – его окраины.

Здесь, в Баку, Гейдар Алиевич имел три круга своих людей, именно так – три круга своих людей, но первый круг, главный круг, самые-самые близкие ему люди, те господа, бывшие товарищи, кто был рядом с ним, когда здесь, в Баку, он возглавлял республику, кому он всегда доверял, не мог не доверять, эти люди, самые-самые близкие, это важно, (почти все) предатели.

Закон возраста.

Алиев – Президент (он всегда для всех Президент), но кто он, Гейдар Алиев, без них, без сподвижников, – кто?

Быть – на фоне Президента – равновеликим ему, Алиеву! Хотя бы – в собственных глазах. Да, всегда важен «коллективный разум», только кто же объяснит, почему Президент – из года в год – именно он, Гейдар Алиев, но не кто – то еще, не кто-то другой, не кто-то из нас («я», например)?

Рано или поздно этот вопрос возникает... тихо-тихо... у всех, кто имеет в этом государстве хоть какие-то рычаги, административные или финансовые.

У того «господина команда», кто изо дня в день видит Президента так близко, что не может не замечать его обидные человеческие слабости, его просчеты, его старость...

Убивают только те, кто рядом. Те, кого мы сами приводим в свой дом. Если в деле управления страной так важен (действительно важен) коллективный разум, – слушайте, почему тогда он – Вечный Президент?

Это справедливо, а?

У него, у Вечного Президента, слава, ордена, деньги, он всегда жил (и будет жить) как при коммунизме.

А у тебя, «господин команда», без которой он, даже он, Гейдар Алиев, никто, вот просто никто, у тебя всего лишь впереди – персональная пенсия республиканского значения и госдача на Апшероне, если, конечно, ее со временем не отберут!

Это справедливо, а?

Президент должен делиться. Если он хочет, конечно, быть Президентом.

Иначе – ты, «господин команда», всего лишь рабочая лошадь. Нужен – в поле, не нужен – в стойло!

Опасный подход.

...Из политиков Гейдар Алиевич больше всего ценил Андропова. Встретились они в 67-м, Алиев был зампредом КГБ Азербайджана.

Прощаясь, Андропов предупредил:

– Там, у себя, никому не верь. В Баку всем кажется, всем абсолютно, что они переросли республику...

Не верь! Никому...

Не было в истории Азербайджана, чтобы местный КГБ возглавлял азербайджанец.

Только русский. Всегда!

Феномен старости: я должен, я обязан сказать прежде всего самому себе, что я в своей жизни не ошибся – в самом главном. Не промахнулся. Более того, я в своей жизни все сделал правильно, ничего не упустил, никому не проиграл...

Сталин создал машину, которая в конце концов прокатилась и по его грудной клетке. В день похорон генералиссимуса Берия, убийца вождя, кивнув на гроб, шепнул Молотову: «Это я сделал. Это я всех вас спас...»

«Дело врачей»: Сталин уже – совершенно сумасшедший. Но ведь соратники – Щербаков, Димитров, Жданов, маршал Рыбалко умирали один за другим. Полгода он занимался только врачами. Сталин был не опасен тем, кого он не знал. Так всегда у вождей, это ведь не только Сталин. Если бы у соратников Сталина был выбор, разве они были бы рядом с ним? И им всем пришлось убивать – всем! Разве Молотов хотел убивать? Пришлось. Рауль Валленберг – это приказ Молотова. Разве только Валленберг! Да, если бы у соратников был выбор, их бы не было рядом со Сталиным, с этим удавом: Сталин всегда был опасен для тех, кого он знал, сумасшедший Сталин, на глазах стареющий, – опасен вдвойне. Спровоцированный insult: по приказу Лаврентия Павловича ядом был пропитан томик Горького. Возможно, и другие книги; Сталин с середины января читал на ночь только Горького, по несколько страничек, и (по семинарской привычке) брал палец в рот, чтобы странички было легче переворачивать.

Другая версия (мнение?), что смертельный яд – дикумарин – мог оказаться в бутылке с минеральной водой.

Но это уже риск, смертельный риск: минералкой мог отравиться и кто-нибудь другой.

Об «отравлении товарища Сталина», о подлинной причине его смерти сообщил – сдуру – патологоанатом Русаков: его записка осталась в архивах Лубянки, причем кто-то из архивистов нарочно спрятал ее в отдельную папку.

Для потомков. Хрущев основательно «почистил» все архивы страны. Уничтожал – прежде всего – следы собственных преступлений (архивами занимался Иван Серов). Но о записке Русакова, о его «особом мнении» Серов не знал. Кому писал Русаков? – Нашел кому: Берии! И тут же был уничтожен. Рано утром.

Политика – это мир мужской.

Сева и Ильхам, дети Гейдара Алиевича, выросли на одной из дач санатория КГБ на Апшероне: небольшое старое здание; здесь все домики («таунхаусы», сказали бы сегодня) соединялись одной верандой, и Сева запросто бегала к своей подружке, жившей по соседству.

У Севы и Ильхама была няня, добрая русская женщина, в их семье все говорили только по-русски.

Общая ванная, один туалет на весь этаж...

В 66-м – чемпионат мира по футболу, в финал вышли ФРГ и Англия, судья на линии – азербайджанец Тофик Бахрамов. Вся республика была у телевизоров: Тофик судит! Гейдар Алиевич сидел у стены, сбоку, пропустив вперед других сотрудников, заранее занявших места, – когда матч, здесь нет генералов! В дополнительное время, при счете 2:2, англичанин Херст ударил по мячу с такой силой, что мяч, угодив в перекладину, ударился о землю и вылетел в поле. Рефери не заметил, пересек ли мяч, отскочив от перекладины, линию ворот. Он подбежал к стоявшему против ворот на боковой линии Бахрамову Тот уверенно указал флажком на центр поля. Немцы окружили Бахрамова, доказывая ему, что гола нет. Но он вновь показал им на центр поля, подгоняя их поскорее начать игру. И приговаривал: «айн, цвай, драй...» Позже немцы называли его «господин Цвай-драй». Счет стал 2:3 в пользу англичан.³

Да, самые тяжелые, самые опасные обиды – в старости. Такой вот парадокс: на тех людей, не только азербайджанцев, но и армян, русских, кого ты, именно ты, Гейдар Алиев, привел в высокие государственные кабинеты (самый-самый «ближний круг»), надеяться глупо: эти люди – прекрасные профессионалы, они очень нужны Азербайджану, но главная опасность для тебя исходит именно от них. От тех, кто сейчас рядом с тобой, кого ты привел во власть, опекал, растил, прикрывал, если что-то случалось! Кого ты давно (и безнадежно) развратил своим вниманием, своей щедростью, своей добротой...

---

³ О том, был ли он, этот гол, спорят до сих пор. Перед смертью тяжело больного Бахрамова спросили, почему он так уверенно тогда определил гол. «Сталинград», – прошептал Бахрамов. И не сказал больше ни слова. В Баку ему поставили памятник и стадион назвали его именем. [Прим. авт.]

В какой-то момент Гейдар Алиевич утратил вкус к отдыху. Груз на его плечах иссушил лицо и иссушил сердце. Все, что он делал, он делал тяжело и медленно: тяжело говорил, тяжело улыбался, тяжело ходил. Он часами смеялся по телефону с маленькой Зарифой, дочкой Севы, своей любимицей, чуть-чуть отключался, веселился, смеялся, хотя смех у него всегда был какой-то искусственный, – но в тот момент, когда он клал трубку, он был уже прежний Алиев.

Вокруг него – еще одна орбита, еще один крут людей – крут молодых. Им сорок – сорок пять, и среди них (хотя бы в силу возраста) предателей (потенциальных предателей) намного меньше!

Они, эти ребята, еще покажут себя, свои способности, свой интеллект. Самое главное, у них есть время. Им можно (и нужно) быть хитрее, тоньше, они обязаны научиться ждать, ведь полжизни впереди! Но личная его опора, да-да, его, великого политика Гейдара Алиева, личная опора – это, конечно, третий круг. Это те мальчишки, которые пока не видны, кому всего-то тридцать – тридцать три, не больше!

Те парни (женщин, девушек здесь нет), для которых его имя и дело его жизни – святы, для которых он, Гейдар Алиев, родной отец...

Нет. Нет, конечно! Больше чем отец.

В Ашхабаде, на пионерской линейке, он собственными ушами слышал клятву туркменских школьников: «Если я предаю Великого Сапурмурата Туркмен-баши, пусть остановится мое сердце...»

Восточные сладости...

Когда-то он, Алиев, искал и находил этих мальчишек по всему Азербайджану. Прежде всего в многодетных деревенских семьях. Города безжалостно портят ребятишек. Какая улица, такие и нравы; гонцы Алиева отправлялись (как правило) в дальние районы, в деревни, на границы республики.

Какие это ребята!

Он накормил их, согрел. Отправил учиться. В Москву, в Киев, в Новосибирск, в Ленинград... Кого-то из них он, Президент страны, знал по имени! Самое главное: Алиев научил этих пацанов ценить жизнь, свое здоровье, свое время, научил не растрчивать собственную жизнь на пустословие, на ерунду, на бесконечную череду женщин.

«И горше смерти женщина, и руки ее – силки...» – цитировал он Экклезиаста.

Сева всегда была большой модницей, особенно в детстве. Ребенок, еще ребенок, но сколько в ней женственного! Гейдар Алиевич был уже генералом, но денег в семье катастрофически не хватало, на его содержании была мама, приходилось помогать братьям и сестрам.

Из кусков от штор Севе смастерили расклепленную юбочку, а Ильхаму справили шорты. Она мечтала о трехколесном велосипеде, но велосипед был пока Гейдару Алиевичу не по карману, хотя Зарифа-ханум, его супруга, тоже работала с утра до ночи. В Баку, на набережной Нефтяников, няня Севы выпрашивала велосипед у детей: «Мальчик, дашь нам немножко покататься?...»

Приезжая с работы, Гейдар Алиевич любил играть с Севой и Ильхамом в прятки. Иля залезал под комод, Сева закрывала глаза и стояла посреди комнаты; ей казалось, что если она закрыла глаза – она уже спряталась. А Гейдар Алиевич ходил по комнате и громко спрашивал: «Ой, где же Севиль? Где Ильхам? Куда они подевались? Никак не могу их найти...»

Он сам сочинил для них сказку про волка и волчиху, укравших злого, жирного мальчика, потому что мальчик «категорически игнорировал мнение своих родителей...».

Ильхам и Сева так ее любили, эту сказку, что слушали, зная наизусть, из вечера в вечер!

Хоть бы раз он прикрикнул на них, хоть бы раз...

– Все равно буду грызть ногти! – кричал Ильхам, обливаясь слезами.

Гейдар Алиевич грозил ему пальцем. Зарифа-ханум тут же, не раздумывая, ставила Ильхама в угол.

Они всегда жили дружно.

Они идеально дополняли друг друга и все время стояли плечом к плечу.

В шестнадцать лет Алиев сыграл на сцене Гамлета. В Нахичевани был любительский театр («народный», как тогда говорили), спектакль шел на азербайджанском языке, Гейдар по-русски не знал тогда ни слова (в Нахичевани все говорили только по-азербайджански), но позже, в Баку, он быстро, за год, выучит русский язык, и с тех пор Гейдар Алиевич будет думать и писать только по-русски...

Алиев всегда считал себя европейцем.

Внешность, кстати, у Алиева действительно европейская...

Он очень любил, когда Ильхам по вечерам сам звонил ему на работу. И огорчался, если Ильхам забывал это сделать...

Самое главное, чтобы он, Ильхам Алиев, будущий Президент (Алиев не сомневался, что Ильхам будет хорошим Президентом, преобразит Баку, другие города, у него есть вкус, опыта нет, но есть вкус, стремление – решать большие задачи), – главное, чтобы Ильхам не тяготился бы славой своего отца и не думал бы, что «настоящий», новый Азербайджан начнется только с него, с Ильхама Алиева, – так, увы, часто бывает на Востоке...

Если солнце – улыбка богов, значит, власть – их подарок.

Подарки нельзя передаривать, грех!

Кортеж Президента Азербайджана летел по Апшерону: слева берег Каспия, он почти не виден, вокруг пески с клочками травы, деревьев здесь нет, не растут, не хватает воды...

И они, эти мальчики, третий круг Гейдара Алиева, будут главной опорой его Ильхама! Алиев сразу решил, что если он когда-нибудь вернется в Баку, во власть, то только затем, чтобы Ильхам, именно Ильхам, стал бы его преемником на посту Президента страны. Правда, Гейдару Алиевичу казалось, что он никогда не умрет, такие люди, как он, не умирают, но, если он все-таки умрет, ему очень хотелось, чтобы Ильхам хранил дело своего отца так же бережно, как старый храм огнепоклонников близ Баку веками хранит огонь, бьющий в храме из-под земли.

...Эх, Апшерон, Апшерон, кладбище слабых! Давно, еще в 70-е, когда Гейдар Алиевич работал Первым секретарем ЦК КП Азербайджана, компетентные товарищи, его бывшие ученики, прислали в ЦК записку: министры правительства Азербайджана (трое), руководитель республиканского комитета (ранг министра) и все первые секретари райкомов – все! – строят на Апшероне дачи.

Кто афиширует взятки, а? Под носом у МВД и КГБ? Только те руководители, те товарищи, у которых проблемы с головой КГБ Азербайджана прав: такие люди опасны для общества.

Алиев вызвал машину, позвал с собой председателя Комитета госбезопасности, но он (умный человек!) сказался больным, – и на Апшерон...

Настроение было хуже некуда.

Огромные заборы из красного кирпича. И кирпич играет на солнце, лоснится от жира. Наметились и дома... – зачем четыре этажа, а? Их же, эти дворцы, обжить надо, обогреть, люстры повесить, мебелью заставить, гардинами украсить...

– Вот, товарищ первый секретарь, дом... – полковник из органов запнулся... – строит товарищ... министр.

Называлась фамилия.

Вечером товарищ министр (выдающийся специалист, кстати говоря) был приглашен к Алиеву «на ковер».

Срочный вызов – чудовищный знак!

– Скажи, Полад, – Алиев сидел у зашторенного окна за огромным столом из ореха с зеленым сукном; этот стол великолепно «подавал» гостю Первого секретаря, казалось – за столом Аллах в образе человека, – ...скажи, сколько сейчас стоит один... кирпичик?

– Пятак, Гейдар Алиевич, – министр по имени Полад опустил глаза, прекрасно понимая, о чем идет речь, к чему клонит Первый секретарь. – Пятак за... штуку. Дорого, конечно, Гейдар-бей, пять копеек – один кирпич...

– Ты молодец, – похвалил Алиев. – Хороший хозяин.

Цену знаешь. Умножай, Полад. Сто кирпичей – пять рублей?

– Пять, – дрогнул министр, – уже пять, Гейдар-бей... Тысяча кирпичей – пятьдесят рублей...

– А в эквиваленте?.. – Алиев поднялся над столом – надменный и красивый. – Как? По Уголовному кодексу?

Твой дворец, Полад, восемьсот квадратных метров. И забор в высоту... метра три. В эквиваленте, я спрашиваю, сколько будет?

– Хищение... в особо крупном, Гейдар-бей.

– Вот!

– ...собственности социалистической...

– Правильно. И опять ты молодец, Полад, умеешь говорить коротко. И я скажу тебе коротко. За сто рублей в Советском Союзе сейчас два года дают. Ты это знаешь?.. – Алиев специально перешел на русский, потому что он говорил сейчас как бы от имени Советского Союза. – Значит, твой забор, Полад, лет на десять тянет. Так ты же еще там, за забором, пожелал дворец поставить. Словно мы все – ослепли! Словно нас – уже нет! Контролирующих органов нет! – Надо же, а? Дворец целый! Тут, дорогой, не десять лет... – Алиев медленно, гордо вышел из-за стола. – Здесь расстрел. Советская власть не прощает такие хищения. Злостное нарушение закона! Ты, Полад, кроме «Правды», иногда Уголовный кодекс читай. Если допускаешь злоупотребления. Полезная книга!

Как, каким же образом старый министр, пусть и сверхопытный аппаратчик, – каким чудом он сразу почувствовал, что Гейдар Алиевич на самом деле хочет сейчас его спасти: да, бес попутал, как говорится, но Алиев уверен, что дед Полад нужен, очень нужен их Азербайджану; из всех «дачников» Алиев только его вызвал сейчас «на ковер», это значит, у старика есть шанс остаться в живых.

В формуле «товар – деньги – товар» Карл Маркс забыл показать самое главное – как надо уходить от налогов.

– Не мой... клянусь, Гейдар-бей, не мой дом! Это сына дом, его деньги... он строит.

– Хорошо, – кивнул Алиев. – Значит, расстрел на двоих разделят. Это ты, Полад, вовремя подсказал. Молодец: никаких необоснованных наказаний! Знаешь, как русские говорят? «От трудов праведных не наживешь палат каменных!» Сын – значит, сын. Вместе с отцом. Вызывай его прямо сейчас сюда, ко мне. Гейдар Алиевич, скажи, проститься желает. Запомни, Полад: мы, коммунисты, очищались и будем очищаться от скомпрометировавших себя лиц, – Алиев разрубил ладонью воздух. – От недостойных людей. Сынку скажи, Гейдар Алиевич как руководитель республики... за родителя твоего... извиниться хочет. Потому что родитель твой – дурак набитый. Деньги украл – спрятать не умеет. А зачем тогда красть? Чтобы в тюрьме сидеть?

У старика-министра тряслись губы, но он молчал – возражать бесполезно.

– Где логика? – гремел Алиев. – Нет логики, потому как ума нет, – подвел он черту. – Такие преступные действия вызывают у меня категорическое возражение! Ты, Полад, всю республику, всех нас своими действиями... опозорил! Красиво жить решил? Во дворце! И где? Где, я спрашиваю? На глазах у всех! Рядом с дорогой!

Старик Полад медленно, как в искаженной съемке, опустился перед Алиевым на колени.

– Поднимайся, слушай, – поморщился Гейдар Алиевич, – ты не в мечеть пришел. Настоящий коммунист раньше выстрела не падает. Хотя какой ты коммунист, Полад? На ногах уже не стоишь. Мы отдельно рассмотрим вопрос о твоей партийной ответственности. На бюро

вынесу, – и Алиев опять рубанул ладонью воздух. – Из всех строителей, Полад, секрет тебе открою, только одного кого-то расстреляют. Для показательного примера. Кого – я не знаю. Но Леонид Ильича я за тебя просить не буду, – махнул рукой Алиев. – Глупость я сделал, подставился я, что тебя выдвигал! Столько серьезных людей. А я тебе доверял! У кого из вас кирпичей больше найдут, того и расстреляют!..

Старик плакал, но с колен встал.

За ночь все заборы на Апшероне были снесены. Все, чистая земля.

Кого-то из «дачников» и впрямь наказали: семь лет лагерей. Другие «строители», в том числе и министр по имени Полад, работали на благо Азербайджана всю оставшуюся жизнь...

И хорошо работали: честно...

Его можно было бы сразу заменить, конечно, но Алиев не бросался людьми. Небольшая республика, незаменимые потому и незаменимые, что их замена – это уже потери!

– Никогда не реагируйте, если кто-то провоцирует вас на драку, – наставлял Гейдар Алиевич внуков (у Севиль – Зарифа и трое мальчишек). – Я вот никогда ни с кем не дрался. Сколько раз меня провоцировали, но я сразу отходил в сторону, потому что безразличие – это самый лучший ответ...

Свою работу, свой кабинет Гейдар Алиевич любил еще больше, чем свой дом, точнее дачу. Вернувшись в Баку («на ханство», как он шутил), Алиев несколько месяцев жил – вместе с детьми – в квартире брата. Комната, где он спал, была такая крошечная, что в ней даже шкаф не помещался, парадный костюм Президента висел на толстом гвозде, вбитом в стенку.

Если бы Гейдар Алиевич не вернулся в Баку, он потерял бы доверие людей. Имя.

Азербайджан – красивая, чудная страна, самое богатое (богаче Турции) государство в Закавказье, Азербайджан, его Азербайджан умирал, ибо власть оказалась в руках Народного фронта.

Президентом стал бывший научный сотрудник краеведческого архива Абульфаз Эльчибей – клинический алкоголик, валявшийся по вечерам здесь, на этих коврах (бывший кабинет Алиева!) в лужах собственной мочи.

– Эльчибей, надо же... – рассуждал Алиев, – из архива сразу на пятый этаж президентского дворца! Взлетел. Это ж какие крылья надо иметь, а?

Если народ выбирает идиотов, разве они, этот народ, не дети?

Эльчибей: грязный, небритый, вечно пьяный, но – демократ, Народный фронт...

Дети перестройки. Дети Михаила Горбачева.

Фронтвики... нашлись.

В Нахичевани, где Гейдар Алиевич, сбежав из Москвы, два с лишним года возглавлял республиканский парламент, крупно проворовалась группа руководителей местного отделения Народного фронта.

– В прокуратуру! – приказал Алиев. – Немедленно.

– Как можно, Гейдар-бей, – замахали руками сподвижники, – Народный фронт!..

– Слушай, Народный фронт – значит, воровать можно?

– Ой, Гейдар Алиевич, в Народный фронт у нас все жулики записались...

Одесса 19-го, честное слово! Бандиты идут служить в Красную армию: Миша-Япончик, Гриша Котовский...

Если бы криминал не поддержал бы тогда (по всей России) Красную армию...

Алиев умел побеждать.

Он – из бедной семьи, очень бедной, поэтому он всегда был предельно осторожен – всегда!

Такие люди умеют ждать.

Придет время, Гейдар Алиевич быстро разберется и с полковником Суретом Гусейновым, ныне – премьер – министром Азербайджана, и с «нефтяным королем» Расулом Гулие-

вым, ныне – Председателем Мили меджлиса, которого он называет (пока) «своим другом», – Алиев победит всех!

Если он – сильнее, то куда же торопиться?

Его покойная мама не скрывала: из всех детей (в их семье было много детей) Гейдар – главный.

Отец, железнодорожный рабочий, умер рано. Смерть произошла от постоянного недоедания, так сказал матери знакомый врач-патологоанатом: вся еда – детям.

За хлебом мама посылала только Гейдара. Только ему она доверяла карточки, только; другие дети точно прикончили бы хлеб по дороге домой.

Да, когда-нибудь Гейдар станет их могучей опорой...

Часто братья воровали у соседей виноград: в Нахичевани, в разгар сезона, всегда много винограда.

Малыши, – что в этом такого?

По чужим садам Гейдар никогда не шарился.

– Соседям самим есть нечего, – резал он...

Ельцин не ответил на приглашение Гейдара Алиевича посетить Азербайджан. Вот ведь как: Президенту великой России не о чем сегодня говорить с соседями!

Американская миссия в Баку – шестьсот человек. Русская – девятнадцать, включая шоферов и технический персонал.

К Новому году Алиев отправил Президенту России дорогие подарки: ковер – картину современного мастера из Гянджи и часы «Ролекс» – за 18 тысяч долларов.

Точно такие же часы были подарены и Виктору Васильевичу Илюшину, первому помощнику Президента России: Рамиз Ризаев, посол Азербайджана, получил (таким образом) «доступ к телу» Бориса Николаевича и лично вручил ему подарки, несколько раз повторив, что Алиев будет счастлив видеть Бориса Николаевича в Баку.

Ельцин принял дары с удовольствием, «Роллекс» особенно.

Прошел месяц. И вдруг Барсуков отправляет «Роллекс» обратно в Баку: за подарки – благодарим, часы не примем, они слишком дорого стоят...

Пощечина.

Что ж, Алиев тут же отойдет в сторону.

В сторону Соединенных Штатов и Великобритании.

Судя по тому, что Магомедали Магомедов делает сейчас в Махачкале, Дудаев в Грозном, Аушев в Ингушетии, ставшей (вдруг) «офшорной зоной», Москва уже потеряла Кавказ.

А Карабах? Как решить проблему Карабаха, если в решении проблемы не заинтересована прежде всего Москва?

Карабахский вопрос – мощнейший рычаг в давлении на Азербайджан. И на Армению тоже. – Никто не знает (и не должен знать), что он, Гейдар Алиев, лично раздал генералам Грачева взятки: несколько миллионов долларов. Какие-то средства Гейдар Алиевич выделил из собственных сбережений, самое главное – договорился с московскими бакинцами, земляки собрали (причем мгновенно) гигантскую сумму.

Только так, с чемоданами денег, в современной России можно остановить Карабах... По-другому – никак. Вообще никак.

Только деньги способны сейчас вершить чудеса.

Посол Азербайджана в России Рамиз Ризаев был посредником. Руководителям армянского землячества Гейдар Алиевич задавал один-единственный вопрос: господа завоеватели, что вы намерены сделать с Азербайджаном, если у армянской армии получится (скорее всего, получится) войти в Баку?

Невозможно же, послушайте, всех перебить, – да? ООН, США не позволят. Двадцатый век как-никак! Так кто же будет кормить разрушенный вами, вашим нашествием Азербай-

джан? Семь миллионов человек? У вас есть на это деньги, господа завоеватели? А?.. В условиях неизбежной партизанской войны?

Вас не звали, дорогие соседи. Вы пришли сами. Девять районов в руинах. Не только Карабах. Сегодня это зона вашей ответственности. Так кто, кто (вопрос все тот же)... изо дня в день будет кормить людей, вами обездоленных?

Война и разрушенное хозяйство... – это огромные средства на восстановление, господа. Иначе – эпидемии, техногенные катастрофы и т. д. А вам, извините, вам... самим есть нечего. В Ереване голод, у вас из страны сбежало сейчас полстраны... И еще – Азербайджан. Заклятый враг, так сказать? – Или газовые печи появятся? В Баку, в Гяндже, в Ленкорани?.. Газовые печи денег стоят, между прочим!

Победа – это всегда огромные расходы, подумайте до конца, до дна, господа армянское землячество, контраргументы, разберитесь с собой! И представьте, наконец, этот пейзаж – после битвы!

Лидию Ивановну, директора школы, где учились Сева и Ильхам, Гейдар Алиевич просил чуть-чуть занижать им оценки: он боялся, что детей Первого секретаря ЦК школа будет нарочно выпячивать как «достойный пример всей республике».

Никаких привилегий! Достаточно, что из-за города, с дачи, детей в школу привозят на автомобиле.

Сева всегда просила шофера останавливаться за квартал до школы. Брала маленького Ильхама за руку, дальше они шли пешком.

Она не хотела, чтобы девочки в классе хоть в чем-то ей завидовали...

Гейдар Алиевич не мог работать плохо: Брежнев и Политбюро тут же сняли бы его с должности руководителя Азербайджана.

Сразу! Брежнев старел, но рядом с ним всегда был Андропов, он не старел; больной человек, почки, но он не старел; Андропов всегда был в одном и том же настроении – ровный, спокойный. Полностью уверенный в себе (оттого и спокойный).

Он очень хотел закончить с Щелоковым и Рашидовым, но терпел, хотя Щелоков заворовался, это факт, а у Рашидова по хлопку – одни приписки. Если их арестовать – Брежнев огорчится, хорошо хоть Кириленко (под давлением Андропова, разумеется) сам, своей рукой написал прошение об отставке, но понимали все: Щелоков и Рашидов – уйдут, это вопрос времени...

Армяне просили у Алиева оружие.

Сохранить государство, спасти миллионы человеческих жизней в обмен на взятки генералам и несколько тонн старых железок, совершенно бесполезных, если война остановлена... – это что же, высокая цена, что ли?

Другого выхода, нет: азербайджанская армия не умеет воевать.

Ситуация Брестского мира! Любой ценой остановить безумие, кровь...

Алиев остановил.

Никогда и никому (даже Ильхам не знал) Гейдар Алиевич не говорил о подлинных условиях (взятки и оружие) этого мира. Самое интересное, что никто, вообще никто (даже журналисты), не спрашивал у него, каким чудом остановилась – вдруг – эта война...

Гейдар Алиевич боготворил Ирину Александровну Антонову, директора Пушкинского музея в Москве.

Он часто здесь бывал, приезжал всегда очень рано, часов в 6-7 утра, чтобы не стеснять других посетителей: член Политбюро, первый зампред Совмина, охрана мгновенно перекрывает сквер перед музеем, улицу, все ходы и выходы...

Нет уж, лучше с утра, пока Москва спит. Походить по музейным залам, рядом с Гейдаром Алиевичем – только Сева и Ильхам, он обязательно брал их с собой...

Только что (вчера проводили) в Азербайджане гостил один из самых уважаемых в России людей – генерал Аслаханов Аслаханов.

В 90-м, два года назад, именно Аслаханов запрашивал у Генерального прокурора Советского Союза санкцию на арест Алиева.

Речь шла о денежных подношениях.

Узнав, что Аслаханов едет на Апшерон, Алиев через ветеранов КГБ, своих московских друзей, предложил встречу; ему очень хотелось поговорить с Аслахановым начистоту.

Помощники перестарались.

– У вас семь минут, господин генерал, – сообщил Тариэль, первый секретарь Президента. – Гейдар Алиевич очень занят.

– Он же меня сам пригласил, – удивился Аслаханов. – Я могу уйти.

Тариэль торжественно открыл дверь президентского кабинета:

– Вас ждут...

Алиев сидел за столом, перебирал бумаги.

– Салам, господин Президент...

Алиев кивнул головой, но не встал.

«Ничего себе – подумал Аслаханов. – Королевский прием!»

– Садитесь, пожалуйста, – Алиев поднял наконец голову. – Где вам удобно... садитесь...

Аслаханов завелся.

– Господин Президент, – стоя чеканил он слова, – докладываю! Я – генерал-майор советской милиции Аслаханов, начальник главку по борьбе с экономическими преступлениями, трижды официально, то есть с согласия министра Щелокова, обращался к Генеральному прокурору СССР за санкцией на ваш арест по статьям 173-й и 170-й. Ответственно заявляю: у МВД СССР были все необходимые основания, господин Президент, для заключения вас под стражу. Это мое мнение, я его не изменю. Не имею права... – помедлил он, – шарахаться, Гейдар Алиевич, из стороны в сторону; материалов, агентурных сведений у нас хватает.

Но... зная, господин Президент, как здесь, в Баку, развернулись впоследствии сепаратистские тенденции, резюмирую: руководители Генпрокуратуры, товарищ Рекунков и другие товарищи, неоднократно напоминавшие мне, что арест дважды Героя Социалистического Труда и бывшего члена Политбюро есть акт политический, я, Гейдарбей, признаю: руководители Генпрокуратуры правильно напоминали мне тогда о вашем исключительном влиянии. Вы, Гейдар Алиевич, принесли Азербайджану неоценимую пользу. Боюсь сказать, что было бы с Азербайджаном, если бы такой человек, как вы, Гейдар Алиевич, не взял бы страну в свои руки. На языке юристов это называется «деятельным раскаянием». Доклад закончен. Я свободен?

– Раскаиваться мне не в чем, – помедлил Алиев, – но хорошо... что вы все это сказали, генерал, – он расстегнул пуговицы пиджака и вышел навстречу Аслаханову из-за стола. – Я рад с вами познакомиться, Асламбек, и обнять вас! Не скрою, я хотел этого разговора. Вы садитесь, пожалуйста. Сейчас чай принесут, Асламбек, очень хороший чай...

Куда они делись – вдруг – его актерский дар и его должностной снобизм, восточная важность: Аслаханов видел перед собой грустного, мягкого человека, которому очень хотелось, чтобы его поняли и услышали! Он нуждался если не в друзьях, то в человеческом понимании – тех людей, чьим мнением он дорожил.

Они проговорили почти два часа.

– Поэтому так, Асламбек... что-то было, конечно. Самокритично скажу. Не так, как понаписали, разумеется... но куда, я спрашиваю, это все шло? – Я отвечу, Асламбек! Без подарка на две-три тысячи рублей для супруги заведомо ЦК в Москву лучше было совсем не приезжать, веришь? Н-ни-чего для республики не решишь. Не услышат тебя. Не воспримут. Фондов не будет. Живи, как хочешь. Такие, Асламбек, порядки были...

Ничего, сволочи, не делали! – Алиев тяжело вздохнул, махнув рукой. – Сидит он, смотрит тебе в глаза и взятку ждет, хотя я, между прочим, Первый секретарь ЦК!

Принесли чай, Гейдар Алиевич сам разлил чай в пиалы, пододвинул поближе к Аслаханову хрустальную вазу с орешками в белом сахаре и пахлаву.

– На Старой площади, Асламбек, были хорошие зарплаты. От пятисот рублей. Плюс продуктовые наборы по семьдесят целковых, хотя реальная цена им... рублей 350, не меньше.

Но в ЦК, Асламбек, уже тогда за зарплату никто не работал. Я об этом и Юрию Владимировичу говорил, обо всех... негативных явлениях, а он все... терпи, терпи.

Очень аккуратный был... Юрий Владимирович. Осторожный. Жизнь у него такая: он же сирота. С самого детства. Поэтому – осмотрительный. Сироту кто защитит? По семь раз все взвешивал. А Брежнев за кабанов в Завидове что-нибудь платил? Я встречу прошу, говорят – он на охоте. Час в день работал. Все последние годы. Только охота!

Почему Андропов не взял тогда власть? Брежнев два раза просил: отпустите. Нет! Не отпустим. Почему? Видно же: человек искренне просит. Нет, будем держать тебя до смерти.

Осторожный. Сирота, я же говорю... С виду – вроде бы решительный, жесткий, а ведь просчитывал каждый свой шаг. Власть собирал. Долго-долго собирал, осторожно. Предателей боялся. Леонид Ильич рядом с Андроповым двух своих вернейших людей поставил – Цвигуна и Цинева. Мощнейший психологический фактор, хочу сказать. И с докладом о фокусах Гали сам Андропов к Леониду Ильичу не пошел. Цвигуна отправил. Очень любил работать чужими руками, я ж говорю: осторожный!

Аслаханов сидел, не шелохнувшись.

– Вот ты, Асламбек, – продолжал Алиев, – опытный человек, всю жизнь в МВД боролся с коррупцией, возглавлял управление, и все тебя боялись. Знали – неподкупный. Мало таких. Но есть, – Алиев встал и прошелся по кабинету. – К тебе вопрос. Вот эти: Чубайс, Кагаловский, Филиппов... кто там еще? Глазков какой-то... Гламурная тусовка. Их кружки. Они все на какие деньги жили, – а, Асламбек?

Когда Алиев смеялся, он не смеялся на самом деле, а хитренько так, с добрым прищуром в глазах посмеивался.

– Скажи! – настаивал он.

– Мы же знаем, Гейдар Алиевич, чьи это деньги...

– ...семинары в пансионатах на берегу Финского залива... Гайдар, кстати, всегда с супругой приезжал, отдохнуть заодно, встречи в Варшаве с «Солидарностью», потом – «шпроновские чтения» в Венгрии, это же несколько месяцев, по-моему, где Чубайс и все эти мальчишки «сверяют часы» с Корнан Ноувом, Клаусом, – да? – будущим Президентом Чехии... И что, КГБ, Чебриков, Бобков, Крючков это все не отслеживали?.. Такое может быть?

Аслаханов согласно кивнул:

– Я убежден, что Андропов хотел, чтобы в Советском Союзе было бы, как в Китае. Красные знамена. И официальные миллионеры. Разве мешает одно другому?..

– ...а Австрия? – продолжал Алиев. – У Чубайса на «запорожец», говорят, денег не было, а тут – Австрия, Альп – бах, Нардхаус и Дорнбуш, – Асламбек, я правильно называю фамилии?

– Вы полностью информированы, господин Президент.

– На поездки в капстрану давали тогда по 37 долларов. А эти... безработные... были там как у себя дома. Ни в чем не нуждались. Поездка за поездкой. Авен в Австрию прямо из Венгрии приехал. На «Жигулях». Это все мимо КГБ шло? Проморгали? Мимо посольства?

– Без воли КГБ перестройка была невозможна, – согласился Аслаханов.

– И я так считаю. А ты что же, Асламбек, чай не пьешь?

– Я, Гейдар Алиевич...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.